

Архиепископ
Марсель
Лефевр

Они предали Его

От либерализма
к отступничеству

**Архиепископ
Марсель
Лефевр**

**Mgr
Marcel
Lefebvre**

Ils l'ont découronné

**Du libéralisme
à l'apostasie**

Архиепископ
Марсель
Лефевр

**Они
предали
Его**
От либерализма
к отступничеству

Перевод с французского
М. Заслонова

Санкт-Петербург
«Владимир Даль»
2007

УДК 27
ББК 86.37
Л53

ISBN 2-903122-30-X

© Издательство «Владимир Даль», 2007
© М. Заслонов, перевод на русский язык,
2007
© А. Шаргунов, статья, 2007
© П. Палей, оформление, 2007

АРХИЕПИСКОП МАРСЕЛЬ ЛЕФЕВР. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Траектория жизни Марселя Лефевра (1905—1991) проходит по великоколпно восходящей линии. В 42 года этот священник-миссионер был назначен епископом Сенегала, а год спустя — апостольским посланником во франкоязычной Африке (эквивалент нунция). В 1962 году он избирается наместником конгрегации Святого Духа, насчитывающей более 5000 членов. Папа Иоанн XXIII назначает его ассистентом престола понтифика и членом центральной предсоборной Комиссии.

Однако в октябре 1968 года он принимает решение оставить должность генерального начальника, а 1 ноября 1970 года в Эконе (Швейцария) основывает братство священников св. Пия X. Так он постепенно становится мировой знаменитостью вследствие приверженности к «латинской мессе», противостояния некоторым нововведениям Второго Ватиканского Собора (1962—1965), и расхождению с Папой Павлом VI.

После санкций Ватикана против его Братства и его самого — «запрещенная месса», которую он служит в Лилле в августе 1976 года перед 10 000 верующих в присутствии 400 журналистов. Его популярность еще более возрастает, когда в 1988 году он рукополагает четырех епископов в

Эконе перед телекамерами со всего света, невзирая на запреты Папы Иоанна-Павла II.

В чем сила этого исключительного прелата, которого часто называют «одиноким рыцарем» в Церкви, который утверждал, что никогда не действует по своим личным соображениям? В чем секрет этого человека, сына участника Сопротивления, умершего в депортации, доктора философии и богословия, офицера Легиона чести, общением с которым дорожили самые великие люди?

«Чем больше мы знакомимся с его удивительной биографией, тем больше раскрывается нам тайна этого необычного человека, который был исключительно уверен в себе только потому и только тогда, когда он был уверен в Боге», — пишет один из ревностных его сторонников и биографов.

Но почему деятельность архиепископа Лефевра, католика, находящегося вне общения с Православной Церковью, привлекает внимание российского издательства?

Этот вопрос неразрывно связан с более общим: как соотносится великий церковный раскол, происшедший вследствие серьезных догматических искажений, допущенных Римом, с Промыслом Божиим, «желающим всем человекам спастись и в разум истины прийти»?

Мы знаем, что Бог по любви к человеку попускает проявиться расколам и нестроениям, чтобы исторгнуть из тела Церкви образовавшиеся яды. И в данном случае Бог обратил катастрофу раскола на пользу для христианского бытия Византии и Руси. Не будь столь резкого разделения, многие беды и заблуждения переходили бы из западного в восточный мир совершенно незамеченными. А так западные идеи были помечены как бы радиоактивным изотопом. Каким образом эти заблуждения, сколь велики их пагубные последствия, мы подробно рассмотрим ниже в данной статье.

Но несмотря на все ошибки католичества, неправды и те, кто утверждает, что католичество — это «совершенно

ложная антихристианская еретическая вера, совершенно безблагодатная». Нет: многие святые отцы признавали действие Святого Духа и в католической Церкви. Например, святитель Феофан Затворник не рекомендовал пускаться в рассуждения о том, являются ли католики еретиками или не являются. «Наша Церковь благосклонна к католикам», — писал он. И подчеркивал далее признание действительности таинств и священства: «Только переходить к ним не надо; не все верно у них».

Святитель Феофан говорит о Западной Церкви, что из-за допущенных искажений она подобна человеку, у которого «гнилые, тяжело больные легкие». Конечно, он как-то дышит. Но такому больному не устоять в смертельной схватке «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной»!

Ныне католическая Церковь переживает тяжелейшие последствия своего отпадения от истины. История архиепископа Лсфевра ярко показывает, что те, кто желает противодействовать крайнему распаду, встают перед необходимостью отказаться от основополагающих заблуждений, принятых Римом тысячелетие назад.

Плоды реформ

Чтобы читателю понятнее была история противостояния монсеньора Лсфевра пагубным нововведениям Второго Ватиканского Собора, остановимся подробнее на главных из них.

В центре «нового богословия» католической Церкви — антропоцентрический постулат: что приемлемо и что неприемлемо для современного мышления. Как определяют сами западные богословы, ключом к новой Реформации является скорее «милосердный ближний», чем «милосердный Бог».

Речь идет здесь не о протестантском модернизме типа «богословия» Бультмана, — перед нами ответственные официальные католические издания. Здесь невозможно процитировать всех авторов этого направления, даже тех, которые занимают видное место в Церкви. К их числу относятся многие патентованные богословы, профессора семинарий, которые учат и публикуют свои произведения, исходящие из принципа «свободного исследования».

Например, из Писания выбираются произвольно слова и поступки Христа, говорящие лишь о Его человеческой природе.

В «Обязательных основах», одобренных в 1967 году французским епископатом, рекомендуется исключить всякую ссылку на «космические чудеса» (утишение бури, умножение хлебов), а также упоминание об ангелах, о бесноватых, о сатане, о вечном огне.

Вот официальный катехизис для молодежи, где стремление все сделать понятным для современного человека, объясняя «чудесное» с человеческой стороны, низводит Спасителя до уровня некоего экстрасенса: «Иисус исцелял больных, но это не обязательно означает чудеса в том смысле, в каком мы часто об этом слышим. Некоторые люди имеют природный дар исцеления. Не был ли Иисус одним из них?»

Подчеркивание человечности Христа с умалением Его Божественности совершается в той же иллюзии, в какой когда-то ариане стремились «сделать христианство более доступным для язычников». Когда читаешь новых католических богословов, невольно приходит мысль: не арианство ли это, — ересь, которую святой Антоний Великий назвал последней предтечей антихриста?

Все акценты новых католических богословов именно такого характера. Это входит в практическую жизнь: в некоторых приходах родителям, готовящим детей к первому причастию, не советуют помещать распятие в детской,

«чтобы не травмировать их», но предлагают заменить его «изображением, понятным их возрасту, например собаки как символа верности», — изображением, которое они, повзрослев, найдут в катехизисе, где не будет ни слова о распятом Христе.

В поисках новых слов французские католические богословы доходят до того, что в молитве Господней при крещении вместо «*Que ta volonté soit faite*» («Да будет воля Твоя») предлагают «*Que ta volonté soit fête*» («Да будет воля Твоя праздником»). Это богословие упразднения креста, в обход страданий.

Мы видим, что выбор слов делается так, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией. Уже не говорят об искуплении, но об «освобождении», со всем тем, что это слово содержит в своей двусмысленности. Некоторые заявляют, что язык Христа, говорящего о Своем Отце, не может быть приемлем для людей, знакомых с Фрейдом: «Слова Отец и Сын уже неадекватны словам Бог и Иисус. Ибо слово сын предполагает брачные отношения, а Бог — дух. Говоря о Боге, следует говорить об источнике жизни и не употреблять слово „Отец”».

Не приходится сомневаться в том, что совершается попытка пересмотра основных догматов. Вместо традиционного Ave Maria, где Мария прославляется как Матерь Божия (Θεοτοκος, Ефесского Собора), предлагается более «простое» — Мать Христа (в сущности — «Христородица»), и таким образом ересь V века восстанавливается в XX. В официальном тексте нового перевода пророка Исайи, который читается за воскресной литургией перед Рождеством Христовым, вместо «Дева примет во чреве и родит Сына» (Ис. 7, 14), слышим: «Молодая женщина зачнет и родит сына». Еще раз новые литургисты выбрали перевод, наиболее противоречащий Преданию. Таковы уже сегодня плоды так называемой «негативной христологии», идущей от земли: впервые за

многие века всра Никеи и Халкидона поставлена под сомнение.

Перед нами мессианский гуманизм, где Бог растворяется в человечестве. Это страшное размывание границ света и тьмы не может, разумеется, не вызывать жгучей тревоги у многих католиков. В очень трезвой книге «Церковь миссионерская и демиссионерская» Андре Пьеттр пишет: «Уже не говорят о чуде, об искуплении, о Евхаристии, о Приснодевстве, о молитве, о благодати, о грехе..., но о диалоге, о свободе, о радости, о любви и т. д. Короче говоря, отрицают молчанием».

«Надо иметь мужество это признать, — делает вывод Андре Пьеттр, — сегодня в рамках Христовой Церкви — другая церковь». Какая же именно? **Вместо** той, что истинна.

Либералы и интегралы

В 1975 году, через 10 лет после Второго Ватиканского Собора, архиепископ Лефевр констатирует: «Папы (Иоанн XXIII и Павел VI) поддержали эти нововведения, и либеральные идеи широко проникли в Собор». «В течение последних 150 лет Папы выносили осуждение либералам, но я должен признать, что эти осужденные взяли верх на Соборе. Пользуясь слабым Папой (Иоанном XXIII) и Папой, приемлющим радикальные перемены (Павлом VI), либералы заняли командные позиции в Церкви — с тем, чтобы произвести экуменическую революцию в Церкви, столь желанную для ее врагов. На этом пастырском Соборе дух заблуждения и лжи мог действовать беспрепятственно, размещая повсюду бомбы замедленного действия, которые должны были взорвать церковные институты в намеченное время».

О каком либерализме идет здесь речь? Монсенъор так определяет суть происходящего: «В течение двух с половиной столетий внутри Церкви отчаянно сражаются друг

против друга два духовных направления — консервативное и либеральное». С одной стороны — консерваторы, «интегрлисты», для которых «первейшей заботой является свобода действия Церкви и поддержка ее прав в обществе еще христианском», с другой — либералы, которые «в первую очередь силятся определить меру христианства, которую еще может выносить современное общество, чтобы затем попросить Церковь снизить эту меру».

«Либерализм претендует осуществить три свободы — освободить разум от всякой объективно установленной истины: истина — в бесконечном становлении и поиске, никто не может претендовать на исключительное обладание ею; надо освободить веру от догматов: невозможно принять истину богооткровенную и определенную раз и навсегда; наконец, освободить волю от закона, сдерживающие начала которого якобы несовместимы с достоинством человека и совестью.

«Можно видеть, насколько либералы противостоят Господу нашему Иисусу Христу и Его Церкви!» — пишет архиепископ Лефевр.

Следствием либерализма и является «отрицание всего сверхприродного — и это значит, первородного греха, оправдания благодатью, истинного смысла Воплощения, крестной жертвы, Церкви, священства». Целью Литургии уже не является приобщение Искупителя человеческим душам, каждой душе. «Всякая литургическая реформа отводит от этого».

Литургические нововведения

О литургических нововведениях Второго Ватиканского Собора следует сказать подробнее: даже на фоне имевшихся ранее значительных искажений эти новшества не могут не ужасать.

Когда 19 июля 1570 года Папа Пий V вводил новый служебник, то он издал декрет, который должен был оставаться в силе навсегда, с тем чтобы к нему ничего не прибавлялось и ничего бы из него не выпускалось. «Ни в какое время в будущем, — писал Папа, — никакой священник в миру или из ордена не может быть принужден к употреблению иного способа совершения мессы. В силу своего апостольского авторитета мы предписываем и устанавливаем, что наше нынешнее повеление и декрет должны сохраняться постоянно и никогда не могут быть отменены или изменены в будущем». Указ Папы издан навсегда и угрожает тому, кто нарушил бы его, «гневом Божиим и блаженных апостолов Петра и Павла».

Как же быть католику, знающему этот декрет, когда ныне ему предоставляется на выбор несколько новых «пробных» литургий с одобрения законного преемника Папы Пия V: например, месса с джазом, месса на кухне, месса для детей с куклами и другими игрушками?

Отказ от пресмства авторитета и отрыв от Предания производят разрушительную работу в сознании верующих, а безразличие к истине неизбежно ведет к снижению нравственности. Оставление «священного прибежища», как видим, крайне опасно для духовной жизни. В результате появляются новые учения о символическом присутствии Христа в Евхаристии, поскольку «реальное присутствие Его исчезает в братской трапезе», то есть Христос растворяется в человечестве, в безличности участников трапезы. А новые катехизисы «для простоты» называют Тайную Вечерю «прощальным ужином Иисуса со Своими друзьями». Некоторые данные говорят о том, насколько серьезно это явление для католической Церкви: многие священники уже сомневаются «в реальном присутствии».

Из соображений экуменизма новая месса предает догмат пресуществления, принятый Тридентским Собором и отвергнутый протестантами. В добавление к этому монсе-

ньора Лефевра возмущает «причастие в руке и раздача его мирянами, в том числе женщинами» (один мой знакомый рассказывал, как он был потрясен, увидев в католическом храме девицу в джинсах, раздающую облатки). «Это означает передачу мирянам богослужебных функций, до сих принадлежавших только священникам».

Несомненно, православному сознанию ближе и понятнее отношение католических диссидентов (в том числе Лефевра) к литургии Пия V как к «последнему бастиону», нежели смелость синкретических нововведений, от кого бы она ни исходила.

Экуменизм

Настроения религиозного универсализма и догматического релятивизма (желания понять различие в догматах христианства и других религий как относительное, а не абсолютное) растут параллельно модернизации католического вероучения, опережающего сегодня в этом отношении даже протестантизм. И экуменические нововведения Второго Ватиканского Собора также вызывают резкое неприятие монсеньора Лефевра.

«Экуменизм не есть миссия Церкви, — говорит он. — Церковь — не должна быть экуменической, она должна быть миссионерской. Миссионерская Церковь имеет целью обращение к истинной вере. Экуменическая — найти, что есть истинного в заблуждениях, и остаться на этом уровне. Это означает отрицание истины Церкви. Согласно этому экуменизму, у Церкви нет больше врагов. Те, кто пребывает в заблуждении, — братья. Потому нет больше необходимости сражаться с ложью. Перестанем враждовать!»

«Уже практически никого и ничто не осуждают, не отвергают сомнительного учения, не отмечают еретиков раскаленным железом бесчестия. Нет, их просят помол-

чать в течение года. Стадо овец Христовых предается без защиты волкам расхитителям», — пишет он в книге «Они прокляли Его».

Вот почему архиепископ осуждает экуменические действия Павла VI, заставлявшего кардиналов и епископов, собравшихся у стен собора святого Павла, принять благословение от примата англиканской Церкви Рамсея, «мирянина, масона и еретика». Он отвергает идею Павла VI о «Церквях сестрах», которая предполагает существование Церкви, разделенной самой в себе», а также «суперэкуменизм», который распространяет «поиск истины» на все религии, не только христианские.

Реакция архиепископа Лефевра однозначна: «Церковь традиционно признает крещение, принятое с верой, которое ведет человеческие души ко спасению и заключается в благодатной устремленности следовать Божьей воле. Но ошибочно полагать, будто мусульмане, буддисты спасаются своей религией. Может быть, в своей религии, но не своей религией, ибо заблуждения препятствуют действию Святого Духа. Если можно спастись в какой угодно религии, для чего наш Господь сказал апостолам: „Идите и научите все народы“?»

Следует вспомнить африканский опыт монсеньора Лефевра, на который он часто ссылается. Человек, посвятивший жизнь ожесточенному противостоянию исламу и идолопоклонству в Сенегале, возмущен. Встречу представителей великих конфессий и религий мира, организованную Иоанном-Павлом II, он называет «нечестивым и богохульным проектом», ибо он символически поставил знак равенства между истиной и заблуждением. 15 июня 1988 годана пресс-конференции, посвященной его разрыву с Римом, прелат выделил это событие: «Папа в Ассизи, смешавший все религии, — это позор!»

Монсеньор Лефевр утверждает один только принцип: «Я не перестану повторять: только истина имеет право, за-

блуждение не имеет прав — таково учение Церкви». «Есть неумолимая логика в вере в Божество Господа нашего Иисуса Христа. Ибо если мы веруем в Его Божественность, мы должны верить, что Он — наш воплотившийся Бог. Значит, мы должны верить, что только Его религия истинна, потому что Он — Бог, что только в его Церкви — истинная религия, и следовательно другие религии — не истинные религии. Это ложные религии. Для дьявола они — средство, с помощью которого он отнимает миллионы человеческих душ от истинной религии и держит их в заблуждении».

Твердая антиэкуменическая позиция архиепископа близка и понятна православному сознанию. Гораздо ближе, чем поверхностные «жесты доброй воли», такие как «снятие анафемы 1054 года» Папой Павлом VI. Можем ли мы закрыть глаза и не видеть, что параллельно ведутся точно такие же попытки примирения с протестантизмом, иудаизмом, исламом, буддизмом? То есть речь идет не о покаянии в прежних заблуждениях, а о накоплении новых. И то, что современные католики включают в свой беспорядочный синтез и Православную церковь, не может нас радовать.

Многих православных сегодня обманывают эти «шаги к примирению». Действительно, католицизм утрачивает некоторые черты своей исключительности. Но это измена западного христианства самому себе, и она в конечном счете не приближает католицизм к православию, а только еще больше отдаляет.

Распад

Важнейшим результатом Второго Ватиканского Собора является ускоренная дехристианизация западных государств.

«Уже в своем „Послании правителям” в конце Собора Павел VI вопрошал: „Что требует от вас Церковь?” — и отвечал: „Она требует от вас только свободу”. Это ужасно! Я нахожу это ужасным, потому что это отдает затхлым запахом ада. Свобода существует, чтобы повиноваться Богу, она — в зависимости от истины, в зависимости от добра, в зависимости от Бога. Но нет, из свободы хотят сделать нечто абсолютное — безотносительно чего бы то ни было».

Этот принцип, — говорит архиепископ, — приводит к разрушению всяческой власти в семье, в Церкви, в религиозных обществах. «Это поистине внутренняя революция. В нем — вопль сатаны: „Я не буду служить! Я не хочу служить! Оставьте меня в покое, дайте мне пожить! Свободы!”» А «наш Господь заповедал Своим апостолам проповедовать Евангелие всем народам, а не проповедовать свободу!».

Согласно рекомендациям Собора, папский престол захотел дать новые определения отношениям с государствами, отвергнув юридическую гегемонию католицизма над другими религиями. Церковное право адаптируется к новой общественной реальности. Например, в Колумбии в этом смысле была изменена Конституция — так же как в Испании, — несмотря на протесты, открыто выраженные главами государств. То же происходит и в Италии. Особенно интересен случай со Швейцарией, ибо монсеньор Лефевр основал свое братство в двух кантонах — Вале и Фрибуре, где католицизм имел государственную поддержку. Но тот и другой в 1981 и 1982 годах подчеркнули необходимость отделения Церкви от государства.

Монсеньор Лефевр видит в этом настоящее предательство: «Покончено принципиально с государством, исповедующим христианскую веру». Это и есть «цель диавола, стоящего за франкмасонством, — разрушение Церкви с оставлением для всех ложных религий свободы выразить

себя и с запретом государству созидать в социальной сфере Царство Господа нашего Иисуса Христа».

«Результатом было вторжение в Латинскую Америку сект, прибывших из Северной Америки с большой суммой долларов, сект, которые до этого были запрещены государствами, защищавшими веру своих граждан. В итоге количество отошедших от Церкви исчисляется от 40 до 60 миллионов» (между 1968 и 1988 годами).

В сфере нравственности умаление влияния католической Церкви столь же впечатляюще. За исключением Ирландии, Церковь проиграла все сражения против пропаганды разврата.

Наступило время, когда резко уменьшилась посещаемость храмов. Число практикующих католиков и кандидатов в священники значительно сократилось. Если в 1965 году во Франции было еще 41 000 посвящений, то спустя двадцать лет — не более 28 000. Никто и не думает это отрицать. Таким образом, проблема превосходит ссору между сторонниками и противниками Второго Ватиканского Собора.

После полутора веков открытого противостояния тех, кто верит в Христа Бога и тех, кто не верит в него, наступил индифферентизм с его толерантностью как норма развитых обществ. Экономический и научный рационализм занял место священного, свобода выбора, примат индивидуальной совести лишил Церковь учительства в сфере нравственности.

Перемены в глубинах современной ментальности не могли не отразиться в общественной организации Церкви. В конце 1968 года богослов отец Буйе констатирует: «Если посмотреть на все открытыми глазами, следует откровенно признать, что то, что мы видим, напоминает не возрождение католицизма, а его ускоренный распад». В 1985 году идентичную оценку происходящему дал кардинал Ратцингер (ныне — Папа Римский Бенедикт XVI).

Монсеньор Лефевр призывает к «крестовому походу», чтобы «вновь сделать христианство таким, каким его желает видеть Церковь». Формирование священства — первая задача, которую он ставит перед собой, ибо, как он говорит, «нет сокровища более великого в Святой Церкви, чем святой священник». После безуспешных переговоров и разрыва с Римом он заявляет: «Важнее всего — семинарии, которые я основал, и посвящения». Наконец, в 1988 году кризис Церкви вынуждает его посвятить четырех епископов.

Противостояние

До 1975 года монсеньор Лефевр сдерживается от нападков на Собор и Папу. В теченис долгого времени он старается избегать упоминания имени Павла VI, не впадая, однако, в простоту иных католиков, оказавшихся под влиянием сомнительных «откровений» Божией Матери, где будто бы было сказано, что «Павел VI — хороший, но он пленник своего окружения».

Только в 1975 году, когда Павел VI требует от него «публично засвидетельствовать подчинение Второму Ватиканскому Собору, послесоборным реформам и направлениям, связанным с самим Папой», архиепископ заявляет: «Теперь я принужден высказать все, что я думаю относительно Собора и его последствий. Самим этим фактом я должен с неизбежностью коснуться вопроса Папы. Нет больше возможности этого избежать. Я попытаюсь сделать это с деликатностью, но также, насколько возможно, объективно». Прелат осуществляет это намерение публикацией своего письма к друзьям и благодетелям (3 сентября 1975 г.), книгой «Я обвиняю Собор» (сентябрь 1976 г.) и изданием своих выступлений о либерализме, озаглавленных: «Как они прокляли Христа — от либерализма к апостасии, трагедия Собора» (1987).

Оценивая результаты Собора, Лефевр пишет: «История Церкви научила нас видеть во Вселенских Соборах непогрешимый авторитет. Если Второй Ватиканский Собор явился уступкой заблуждениям либералов и модернистов, возникнет проблема: истинный ли это Собор? Или лже-собор?»

Следует отметить, что, в отличие от католицизма, для Православной Церкви авторитет Соборов никогда не был механическим: Церковь таинственным образом признавала действие Святого Духа в деяниях Собора — или не признавала его, как в случае известных «разбойничьих соборов» древности. С точки зрения католического учения Собор под председательством Папы непогрешим уже в силу одного этого — как будто Сам Дух Святой подчиняется Папе. Ниже мы покажем, как связано это с ложным католическим учением об исхождении Святого Духа (*Filioque*). Мы видим, какие страшные плоды принесло это на Втором Ватиканском Соборе! Собственно, решение вопроса об «истинности Собора» потребует отказа от лжеучения о главенстве Папы, и, хотя это и тяжело дается монсеньору Лефевру, ради Истины он пойдет на это.

Оценка Собора

Некоторые богословы пытаются отделить «истинный смысл» Собора от его «противозаконной интерпретации». Архиепископ не поддается на эти уловки. Напротив, он показывает, что все реформы — в литургии, в таинствах, в семинариях, в религиозных конгрегациях и т. д. — были совершены во имя Собора, а не вопреки ему: «Те же самые люди принимали эти деяния Собора и осуществляли их на деле. Они очень хорошо знали, что они делают. Следовательно, эти реформы — подлинная интерпретация Собора. И поскольку эти реформы внесли значительную смуту

в Церкви, можно сказать, что начало этому разрушению Церкви положено не только реформами, но самим Собором».

Через двадцать лет после Второго Ватиканского Собора под пером Лефевра он станет причиной саморазрушения Церкви.

Церковь, по его словам, охвачена недомоганием, подрывающим ее. И уточняет: «Я хотел бы отметить внешние причины кризиса Церкви, а именно — либеральный, настроенный на земные радости менталитет, который распространился в обществе. Но что сделал Второй Ватиканский Собор, чтобы противостоять ему? Ничего? Вернее, Собор сделал все, чтобы подтолкнуть жизнь мира в этом направлении». Он обрушивается с критикой на Собор за то, что тот вверх Церковь в состояние бессилия перед лицом вызова, который бросил ей современный мир.

Начиная с 1969 года, монсеньор Лефевр дает все более радикальные обвинения Собора, утверждая, что «с первых дней Собор направлялся силами прогрессистов».

В книге «Они прокляли Его» подозрение становится уверенностью: «На этом Соборе имел место заговор, заговор подготавливался заранее в течение многих лет. Все было сделано, чтобы обсуждение отцов не было свободным, чтобы группки, нацеленные на разрушение Церкви, могли манипулировать епископами». Он подозревает в неискренности Иоанна XXIII и допускает, что имели место махинации, даже до его избрания.

«Необходимо выявить, — настаивает монсеньор Лефевр, — и обличить то, что совершилось на Соборе, потому что отсюда идет подрыв Церкви». «Ибо на Соборе имел место заговор, подготовленный заранее. Они знали, что они должны сделать и как они это сделают. Они знали, что после этого начнется. Все было приготовлено до мельчайших подробностей. Теперь мы умираем, видя успех этого заговора».

От обвинения в заговоре остается сделать всего один шаг до обвинения в сатанизме. И монсеньор Лефевр ясно формулирует обвинение: «Я решительно утверждаю, что Собор осуществил поворот Церкви к миру. Я оставляю вам самим задуматься о том, кто был вдохновителем этой духовности... Это был тот, кого Господь наш Иисус Христос называет князем мира сего».

Папа и Предание Церкви

Подобные выводы ставят интегрлистов перед неумолимым вопросом: как должны они оценивать Второй Ватиканский Собор? Если это — дело сатаны, то он должен быть осужден. Однако все не так просто. Связанный верностью католическим догматам, монсеньор Лефевр натывается на определение Первого Ватиканского Собора о непогрешимости Церкви и Папы.

Монсеньор Лефевр вскрывает самую суть затруднения, когда пишет: «В природе Церкви — Предание... И в той мере, в какой Собор противоречит Преданию, мы отвергнем его». «Мы не связаны послушанием новшествам, которые идут против Предания и угрожают вере».

Тот же критерий Предания применяется по отношению к Папе. Но возможно ли, чтобы Папа поддерживал новшества и разрывал связь с истоками жизни Церкви? «Достаточно, — отвечает монсеньор Лефевр, — чтобы Павел VI был сыном своего века, чтобы остальное было тем, что было предсказано и запланировано франкмасонством предшествующего века».

В обоснование такой позиции архиепископ цитирует некоторые масонские документы XIX столетия: «Мы должны искать и ожидать такого Папу, который бы отвечал нашим нуждам, — так откровенно определяли франкмасоны свою программу, — а для этого необходимо сформирова-

ровать поколение, достойное правления, о котором мы мечтаем». Через несколько лет Папой можно избрать священника, воспринявшего «наши доктрины... Духовенство последует под нашими знаменами, будучи уверенным, что идет под хоругвями апостольских Ключей... Мы будем проповедовать революцию с тиарой и мантией, идя с крестом и хоругвями». Так мы достигнем «торжества революционных идей через Папу».

Часто цитируя эти масонские тексты, монсеньор Лефевр относит их к Павлу VI. Хорошо обозначил это Луи Саллерон, назвавший Павла VI двуличным: «Это верно как по отношению к его внешнему поведению, так и нравственному облику. На словах он верен Преданию, а на деле совершенно противостоит ему, постоянно качается как маятник между Преданием и новшествами». «Такой Папа открывает значительные возможности для врагов Церкви».

Что происходит сегодня, когда от католиков требуют быть верными «Церкви Собора»? «В чем заключается эта верность? — спрашивает Саллерон. — В чем заключается эта абсолютная новизна Церкви Собора, отличной от Соборной Церкви? Мы констатируем, что учение со все более неясными определениями превращает собственную волю каждого в высшую норму религиозной жизни».

«И это главное, — комментирует монсеньор Лефевр. — В этой фразе — все. Именно это оскорбляет нас. „Послушание, послушание, — говорят нам. — Если у вас нет послушания Папе, вы не в истинной вере!“ Но Папа должен служить вере. Не вера — ему. Он не может командовать верой, он может определять то, что уже есть в Предании, ясно выразить его, но не распоряжаться им».

Далее монсеньор Лефевр приводит оценки главных экспертов Собора, признающих «с невероятным простодушием» разрыв между Собором и прежним учением, и оправдывающих его во имя «чувства истории» или «невозможности быть привязанными к одному историческому

моменту». «После этого, — заключает архиепископ, — для них уже не существует истины. Завтра всегда можно будет сказать, что то, что мы не могли сказать сегодня, уже ничего не стоит, потому что мы находимся в другом социальном контексте. Не существует больше веры, не существует неприкосновенного хранилища Откровения. Ничего больше нет».

«В Риме, — утверждает Лефевр, — ни в словах, ни в деяниях уже не ощущается духа веры. Создается впечатление, что там человеческое правительство, которое действует и реагирует чисто человеческими способами, по образу мира сего, воодушевляемого «системой мысли, учения, международной организацией ООН, которая не стала еще мировым правительством, но приближается к этому. Все это глубоко противоположно Царству Господа нашего Иисуса Христа».

Он с недоумением вопрошает: «Как могло случиться, что, получив обетования помощи Господа нашего Иисуса Христа, Его Наместник смог в то же самое время сам или усилиями других развратить веру верных?»

«Как мог наследник Петра за столь малое время произвести больше разрушений в Церкви, чем революция 1789 года? Имеем ли мы на самом деле Папу или незаконно вторгшегося самозванца на престоле Петра? Блаженны те, кто жил и умер, не задав себе подобного вопроса!»

Кризис

Мы видим в этих словах фактическое отрицание главенства и «непогрешимости» Папы, то есть одного из центральных заблуждений католичества. Но пойти далее оказавшийся в полном тупике монсеньор Лефевр не решается. Единственное, что он может по этому поводу сказать: «Этот дух схизматиков». Но разве Лефевр — по крайней

мере в этом пункте — не тот же самый «схизматик» по отношению к католической Церкви, под которыми он подразумевает прежде всего православных? Однако мужества признать правоту православного учения относительно ложного догмата о непогрешимости Папы, а значит, и всех заблуждений папизма, ему все-таки недостает.

И монсеньор Лефевр предпочитает всему, как ему кажется, «высшую мудрость — логику любви и благоразумия».

«Кроме тех случаев, когда Папа употребляет харизму непогрешимости, он может ошибаться. Почему же мы должны соблазняться и говорить: „Это не Папа“, как Арий соблазнился унижением Господа, взывавшего среди Крестных Страстей: „Боже Мой, зачем Ты Меня оставил!“ — и делал вывод: „Значит Христос — не Бог“». Мы не знаем, до какой степени Папа, «влекомый не знаю каким духом, каким воспитанием, подчиняясь неизвестно какому давлению или пренебрежению», может привести Церковь к утрате веры. Но мы «констатируем факты. Я предпочитаю исходить из этого принципа: мы должны защищать нашу веру. Здесь наш долг не допускает и тени сомнения».

Готовность принять желаемое за действительное явно подводит здесь монсеньора Лефевра. Невозможно понять, как этот не знающий компромиссов с ложью выдающийся богослов начинает путаться, когда речь заходит о догмате примата и непогрешимости Папы, сравнивая совершенное безгрешное стояние в истине Христа Бога, вольно приобщившегося всей человеческой немощи, с отступлением от истины «влекомого неизвестно каким духом» еретика Папы!

О заблуждениях католичества

На наш взгляд, далеко не случайно то обстоятельство, что бескомпромиссная борьба архиепископа Лефевра за чистоту Истины привела его в конце концов к разрыву с

Римом — «схизме». То есть к тому состоянию, в котором с точки зрения католичества пребывают восточные Православные Церкви.

Причины глубокого кризиса, постигшего католическую Церковь во второй половине XX столетия, кроются очень глубоко, в самой сути ее богословия и экклезиологии. Нельзя не видеть, что в основе кризиса лежат те самые особенности католического вероучения, которые привели к разрыву Востока и Запада в 1054 году; которые впоследствии обрекли на неудачу все попытки воссоединения, «унии» и пр.

Все это, несомненно, связано с длительными духовными процессами, вызванными догматическими повреждениями, которые особенно отчетливо обнаружились в западном богословии после разделения Церквей, хотя тенденции эти были гораздо раньше.

В первую очередь это учение об исхождении Святого Духа «и от Сына» (*Filioque*), внесенное в Символ веры вопреки постановлениям Первого и Второго Вселенских Соборов. Утрата подлинного учения о Святом Духе с неизбежностью повлекла за собой деградацию духовной жизни — охлаждение любви, ослабление веры.

С этим тесно связан рациональный, схоластический метод богословствования, который фактически подчиняет Божественную истину законам человеческого разума, умаляет ее до простых силлогизмов. Из этого закономерно вытекает учение о главенстве Папы Римского (сыгравшее роковую роль в описываемых событиях), но не только оно. Другим неизбежным следствием является законническое, «вымученное» отношение к церковному благочестию, сделавшее «благое иго Христово» — «бременем неудобноносимым».

Богословский рационализм

Очень давно, с первых веков христианства, в латинском богословии появляется узко рационалистический, юридический взгляд на отношения Бога и человека, на сущность процесса спасения. С появлением великих схоластических систем богословие стало пытаться превратить себя в науку, оставив апофатический путь, и это развилось в исследование Бога, труд так называемого «естественного» разума, в действительности — падшего разума. Оно стало богословием концепций и систем, достаточности разума, который отделяет и противопоставляет в категориях философского порядка. В то время как нужно умереть и вновь родиться в водах крещения, с тем чтобы стать причастником тайны (мыслить в ней, а не о ней).

Такое богословие соблазнительно, ибо превращает самую пламенеющую тайну в нейтральный объект спекулятивного знания для специалистов по Аристотелю и Хайдеггеру, исследователей веса и меры. Вместо поклонения: «Если ты чисто молишься, ты богослов; если ты богослов, ты чисто молишься», — происходит что-то иное.

«Молиться за других — кровь свою проливать», — говорит преподобный Силуан Афонский. Конечно же, они не пишут кровью! К ним обращен приговор французского писателя Марселя Море: «Слово людей, которые нашли способ превращать крест в удобное кресло, не может найти отклика в век, разрываемый по существу трагическими реальностями».

Это богословие соблазнительно также потому, что оно хочет навязать, претендует доказать существование Бога и утвердить веру с комфортом научных доказательств. Это богословие гарантий, в то время как вера — личный риск человека, выходящего навстречу личному риску Бога.

Рационализм нашел свое надлежащее применение в обладании и управлении падшим миром. На этом уровне

было замечено, что «бог» богословских систем — только слово, без которого можно прекрасно обойтись. Бог имеет смысл только в совершенно ином плане, плане духовного существования, где личность вовлечена целиком.

Схоластический рационализм — не просто ошибка, пусть и тяжелая, но гораздо больше. Это — грех гордости против Истины Божией, против замысла Бога о человеке и мысли человека о Боге, хула на Бога. Потому что сущность подменяется «логическим идолом» сущности, ее вторичной моделью. Рассудок человека и его узкие нормы объявляются нормой для Божественного Разума.

Рационализм богословия принес с собой индивидуализм мистицизма; сентиментальное или интеллектуальное восприятие литургии. В католицизме расцветает эмоциональное благочестие. Мистика уже не коренится в богословии, и литургическое единодушие переходит во вдохновенный индивидуализм. После крушения «чистой любви» в XVIII веке он покидает католическую Церковь, и можно наблюдать странную эволюцию, которая идет от просветительства XVIII века к некоторым направлениям немецкого романтизма, и оттуда — к псевдорелигиям XX века.

Так христианская вера стала для большинства людей простым верованием, ограниченным нравственностью и субъективностью; она перестала открывать человеку бесконечный опыт жизни во Христе и стяжания Святого Духа. Внутренняя жизнь перестала быть «искусством из искусств и наукой из наук». Жажда открытия, опыта, систематического *praxis* передвинулась с внутренней жизни к управлению падшим миром. Схоластический субстанционализм почти уничтожил христианскую метафизику участия и прозрачности, и христианство все более превращалось в закрытый теизм.

Утрата сверхрационального богословия и подмена его рациональными конструкциями — одна из причин совре-

менного безверия и философских течений типа экзистенциализма. Немногие идеи сыграли столь важную роль в росте богоборчества!

О богословском равновесии

Признавая порочность богословского рационализма, нельзя, однако, впадать и в противоположную крайность. Например, бездумно отвергать то, что некоторые православные с оттенком презрения называют «юридизмом». Хотя это особая тема, на которой мы не можем останавливаться подробно, необходимо все же кратко обозначить возникающую здесь опасность.

Православное богословие (особенно в России) долгое время находилось в известной зависимости от западных схоластических методов — со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Наконец, в XIX и XX столетиях в нашей Церкви появляется движение, направленное на возрождение богословствования в духе подлинного святоотеческого предания. И главным критерием истинности богословия справедливо признается здесь жизнь в Духе, несводимая к умственным спекуляциям.

Но, как оказалось, на этом пути тоже возможно впадение в крайности. Ниже мы увидим, что в основе большинства заблуждений католичества лежит «умаление» Святого Духа в пользу Христа, нашедшее свое крайнее выражение в догмате об исхождении Духа Святого «и от Сына» — и приведшее к оскудению жизни в Духе. И вот теперь, как бы в противовес западному заблуждению, христологический аспект Откровения «умалается» в пользу домостроительства Святого Духа.

В экклезиологии это приводит к гипотезе о том, что Святой Дух может действовать и вне Христа, то есть в не-

христианских религиях. Ясно выражает эту мысль, например, ливанский митрополит Ходр. Ссылаясь на пророчество «излию от Духа Мосго на всякую плоть» (Иоиль 2, 28), он утверждает: «Дух действует и обращает свою энергию в соответствии с его собственной икономией, и мы могли бы под этим углом рассматривать нехристианские религии, как те точки, где Дух „за работой”».

Поскольку элемент истины в этих религиях действительно есть, возникает соблазн задаться вопросом: а что если за оболочкой буддийских и индуистских терминов в самом деле скрывается близкое к христианству содержание? Что если попытаться за конфессиональными различиями иудаизма и ислама увидеть глубинное их единство с христианством? А если этого очень хочется, то в ущерб разуму, обязательно увидишь: «Не мог же Бог быть таким жестоким, чтобы оставить половину всего человечества тысячелетия блуждать „во тьме и сени смертной!” — делают выводы богословы этого направления. Мы получаем, таким образом, «православное» богословское обоснование ереси суперэкуменизма, хотя и отличное от католического, но все же тождественное ему по выводам.

В общественной жизни неумеренная «духовность» приводит к тенденции — презирать обыкновенную справедливость, устремляясь сразу к тому, что «выше справедливости». В нравственных вопросах — дается такое «духовное» толкование заповедей (в противовес «схоластическому» и «юридическому»), которое практически равносильно их упразднению. И снова это мало чем отличается от того нравственного релятивизма, к которому пришли и католики после II Ватиканского Собора.

Мы видим здесь еще одну модернистскую крайность, на сей раз у православных. Несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность начальных посылок, оба движения — и восточное, и западное — представляют собою отход от Истины и приводят к одинаковым результатам.

Как говорил святитель Афанасий Великий, в богословии и духовной жизни необходимо чувство равновесия, в данном случае — между христологией и пневматологией. Одно от другого неотделимо, одно другим выверяется. Потому что, с одной стороны, «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9); с другой — «всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин. 4, 3). И нельзя уклоняться от Истины «ни на десно, ни на шуе» (Втор. 5, 32).

Но, обозначив коротко опасность, связанную с «уклонением вправо», вернемся к главной теме нашей работы.

Христология и пневматология

Центральное место в заблуждениях католицизма занимает учение об исхождении Святого Духа («и от Сына» (*Filioque*)). Именно оно в конечном счете приводит ко всем перечисленным выше искажениям.

Перспектива *Filioque* подчинила икономии Святого Духа икономии Христа, т. е. пророческую свободу — сакраментальному и иерархическому институту. Но только в сотрудничестве человеческой свободы и Святого Духа человек обретает свой религиозный смысл, только в Святом Духе осуществляется откровение подлинной свободы, правды и красоты. Не в противопоставлении себя Богу, но в тайне обожения.

Ослабление пневматологического аспекта Церкви приводит к почти полной утрате темы свободы, благовестуемой Истиной, и христианство все более приобретает черты религии закона и наказания.

По свидетельству Евангелия, «закон и наказание», справедливость и воздаяние, безусловно, важны. Но нельзя упрощать тайну спасения лишь до этого — Евангелие го-

ворит не столько о человеческих заслугах, сколько о Божьем милосердии (Мф. 20, 1—16), которое постигается не «логикой», а Духом. Мы видим, как это постижение постепенно утрачивается в латинском богословии.

Изумленная интуиция — беспричинного, даром, ни за что дарованного спасения, всепережающего величия любви Божьей, как это воспето в гимнах «Исповеди» блаженного Августина, становится учением о предопределении, когда тот же блаженный Августин и его ученики, и, наконец, уже Кальвин захотели логически концептуализировать ее. В результате появилось учение о безусловном предопределении.

Предвидение Бога, превращенное в явление материального порядка, проблема свободы и благодати, поставленная в категориях причинности и противопоставления, — все это, несомненно, коренится в нарушении равновесия в христологии и пневматологии.

С жесткой концепцией вечности и божественного всемогущества соединена — через всю духовную историю Запада — неразрешимая проблема свободы и благодати. Неразрешимая, потому что поставлена она не в категориях встречи, «синергии», а в категориях причинности. Какова причина спасения, свободы, благодати?

Именно оттого, что противники святого Григория Паламы, воспитанные томистской схоластикой, все время оставались на уровне чистого интеллектуализма, защищая философские понятия простоты, именно поэтому вводили они в область духовного причинно-следственные отношения: благодать представлялась им следствием Божественной Причины, подобным акту творения. Связь этого рационалистического учения с *Filioque* несомненна.

Нарушение таинственного равновесия между сущностью и ипостасью в подходе к тайне Святой Троицы, вызванное введением *Filioque*, в какой-то мере закрыло Бога

в Его сущности и сделало невозможным различать божественные энергии, действительно проникающие порядок творения. Акцент на искупительных заслугах Христа с исключением обожения человеческой природы в Богочеловеке (человеческая природа, рассматриваемая как включающая в себя плоть земли), лишило учение об искуплении космических измерений. Падшая природа, подчиненная необходимости и смерти грехом человека, просто отождествлялась с Божьим творением, и это привело в области богословия к болезненным явлениям. Католическая Церковь пыталась превратить тайну в науку, которая противопоставлялась естествознанию. Она пыталась поставить предел исследованиям и, говоря словами современных философов, превратила Бога в «бога пробелов» в человеческом знании.

В логической атмосфере, которая господствовала на Западе с XIII века, акцент на заслугах Христа, на грехе и искуплении, на центральном значении Страстей и Креста, достиг такой степени, что обожение человеческой природы в Воскресшем Господе, в Прославленном Христе, Который имеет прийти, и уже пришел, терялось из виду.

Именно вследствие *Filioque* и чрезмерного акцента на христологии, вызванного этим догматом, у католиков уделяется внимание институциональному аспекту Церкви, и рождается стремление организационно усовершенствовать и укрепить Церковь по стихиям мира сего. В результате земная ее часть становится почти самодовлеющей. В какой-то степени происходит разрыв, разделение Церкви земной и Церкви небесной. Власть «вязать и решить», данная Спасителем святым апостолам, не автоматически распространяет силу их решения с земли на небо. Христология здесь неразрывно связана с пневматологией (так, священник может сказать «прощаю и разрешаю», но грех остается на том, кто неискренне приносит покаяние).

Учение о принадлежности этой власти Римскому первосвященнику по преимуществу, с одной стороны, и расширение ее в сакраментальном смысле до механического принципа *opera ex operato* — с другой, логически и по-земному рационально должно было возвести Папу в положение Главы Церкви и, в качестве такового, наделить его непогрешимостью. Так, чрезмерный акцент на христологии приводит к искажению учения о Христе. Поэтому говорят, что основа греха католичества совсем не в главенстве Папы, а в уклонении от главенства Христа. Учение о примате Папы — лишь следствие догмата о *Filioque*.

Истерия и срыв

Христианской жизни постоянно угрожает двойной регресс: иудаистский и интеллектуальный.

Средневековое благочестие в атмосфере, где Папа стремился узурпировать власть императоров для того, чтобы создать Церковь как сверхгосударство, выражалось часто в одностороннем политико-религиозном изображении Бога как царя, что возвращало скорее к некоему иудейскому монотеизму, чем к полному выражению Троичной тайны любви. Если не в богословии и богослужении, то по крайней мере в народном религиозном чувстве преобладание имел образ ревнивого Судии, «монотеистического» Бога устрашающей справедливости, а не Бога милости, щедрот и человеколюбия. В номинализме и в некоторых элементах Реформации это изображение деспотичного царя проникло и в само богословие.

В то же время происходил интеллектуальный, «сократизирующий» регресс в отношении к евангельскому пути любви, который выше общечеловеческой нравственности. Для Сократа, если обобщить очень широко, безнравственность проистекала из интеллектуальной ошибки. Доста-

точно было знать добро, чтобы делать его. Таким образом, абсолютный кодекс нравственности извлекался из Евангелия так, что закон Моисеев лишь обобщался, становился еще более тяжелым. Благая весть, смысл которой, прежде всего остального, — спасение грешников, таким образом, стала соблюдением нравственного закона с вечными наградами и наказаниями.

На всах добродетелей и пороков — любопытный образ, взятый из древнего Египта, — очень скоро грехи плоти приобрели преобладающее значение, которого они не имеют в Евангелии.

Суровая и неизбежная борьба великих монахов против «начал мира сего», против безличного космизма, для того чтобы утвердить трансцендентность и свободу личности, часто переходила в дуализм, психологическое монофизитство, в аскетическую ненависть к женщине и тварному порядку. На Западе целибат духовенства обозначил некое несоответствие между полом и священным. Сегодня это несравненно более важный фактор в изоляции священства, чем, например, запрещение ручного труда, установленное на время Римом для рабочих-священников.

Преимущественно на Западе, но до некоторой степени и на Востоке, эсхатологическая победа над смертью и надежда на всеобщее преображение уступила место озабоченности об индивидуальном спасении. Учение о частном суде с возможностью немедленного и окончательного ада в момент смерти стало болсе непреклонным на Западе в Средние века.

Так религия победы над адом часто становилась религией поглощенности адом. Христианство становится безрадостным, и куда-то в тень отодвинута солнечная весть о Воскресении Христа, обожении плоти (именно поэтому на Западе центральным праздником богослужебного годового круга стало Рождество, а не Пасха). Исступленное, экзальтированное Крестными муками Спасителя сознание запад-

ного человека приковано к поражающим воображение видениям ада и мук грешников. Вот откуда эти безумные, непредставимые на православном Востоке массовые религиозные истерии и психозы, эти бесконечные процессии «флагеллантов», самозванно пророчащих «конец света». Но известно, чем кончается любая истерия, — срывом. И этим срывом стали языческие оргии Возрождения, гуманизм и антитсизм, «реабилитация плоти».

«Новая Реформация» Второго Ватиканского Собора — явление того же порядка. Сегодня на наших глазах срабатывают «бомбы замедленного действия», заложенные под Церковь тысячелетие назад. То, что представлялось далекими от жизни, неудобопонятными богословскими тонкостями, обернулось в наши дни видимой для всех катастрофой. И те, кто не желает допустить окончательного разрушения Церкви, оказались вынуждены отделить себя от начальных заблуждений. Хотя бы частично.

О Церкви и мире

То, что происходит в католичестве сегодня, — естественное стремление вырваться из самозамкнутости. Второй Ватиканский Собор провозгласил тезис «открытости Церкви». Речь здесь идет не о Церкви и государстве, но о Церкви и мире.

С тех пор многие епископы, священники и миряне повернулись к миру, чтобы «попытаться помочь» ему. Но это была новая крайность открытости с принятием «ценностей» мира сего. Новая Реформация подчеркивает святость мира как творения Божия и момент тождественности с этим миром Бога, ставшего человеком: «Порядок искупления находится внутри порядка творения». Но ведь это лишь один момент, чрезмерное подчеркивание которого может создать ложную перспективу. Ибо Воплощение на-

ходит свое завершение в пресобращении тварной природы через Крестную смерть и Воскресение.

И открытость Церкви миру выражалась в первую очередь в активном участии католиков в борьбе за мир и справедливость, в «строительстве земного града». И это означало прежде всего невидение ими реальной картины мира.

Что значит это непонимание? То, что мир одновременно темен и жаждет света. Он жесток и щедр, закрыт в себе и ищет открытости. И его не следует ни идеализировать, ни презирать. Прежде чем «открыться» ему, надо постараться понять его. Обрести благодатную силу для его просвещения.

Споры после Второго Ватиканского Собора свидетельствуют не только о попытках католической Церкви вырваться из замкнутого круга самоизоляции. Но также и о нарастающей внутри Церкви тревоге. После бурь Французской революции Церковь на Западе казалась многим устаревшим учреждением, осужденным на исчезновение. Но бунт против христианства не производил видимых разрушений до тех пор, пока культура и нравственность оставались укорененными в традиционных ценностях.

Сегодня тревога возрастает, потому что духовная пустота мира стала глубже. Когда все подорвано изнутри, тревога становится бесконечной. Никто и ничто сегодня не может избежать ее.

Отношения между миром и Церковью никогда не были простыми. Церковь в мире не может ощущать себя как в родной стихии. Ей всегда трудно в нем. С одной стороны, потому что мир всегда в той или иной степени исполнен отчаяния и ярости. А с другой — потому что только благодаря своему присутствию она не даст оправдаться тайным надеждам политического мира, который настолько самодостаточен, что может заботиться только о себе.

Великие коллективные чаяния человечества всегда устремлены в той или иной степени к правде и справедливости.

ности. Не потому что человек праведен, но потому что они подвигают его к поиску иной справедливости и правды, той подлинной, которая может насытить его, но которой он не может достигнуть сам. Революционные движения XX столетия отражают это противоречие. Снова и снова провозвещают они абсолютную правду, и каждый раз она ускользает от них. Потому что своими притязаниями они ставят проблему, которую решить не могут.

Без обращенности к абсолютному история теряет свой смысл и одновременно перестает быть реальной. Но ничто не производит в истории столь страшных разрушений, как вторжение в нее временного под флагом абсолютного. Первой жертвой всегда становится человеческая свобода. То есть именно то, что является условием присутствия абсолютного на земле.

В этом смысле коммунизм был только предтечей того зла, которое надвигается на нас сегодня. Утверждение вседозволенности как реакция на несвободу есть уничтожение второй главной составляющей личности человека — его ответственности, без которой не может быть подлинной свободы. Уничтожение человека.

Духовное сражение

Одна из проблем нашей эпохи — поистине, по точному определению Владимира Соловьева, «фальсификация Добра». В «Повести об антихристе» Соловьев изображает объединение земли под властью единого императора, благодетеля человечества, миротворца народов, покровителя искусств и наук, которому весь мир возносит хвалу, в том числе три четверти епископов и священников трех конфессий. Только в последний момент обнаруживается подлог. История завершается объединением подлинных христиан из числа католиков и протестантов с православными, и

даже покаянием иудеев, представленных небольшой группой на Сионской горе, которым удается избежать всеобщего единодушия во лжи и обрести подлинное единство во Христе. Эта апология, написанная в 1900 году, в год смерти Соловьева, остается актуальной и в начале третьего тысячелетия.

Перед лицом чрезвычайной ситуации, там, где речь идет о вере, о чистоте священства и спасении душ, архиепископ Лефевр являет рассудительность и зрелость обдуманных решений. Поставленный перед необходимостью поставлять «епископов подлинно христианских, чтобы продолжалась жизнь Церкви», он говорит и действует с пониманием, что такое Церковь, и с любовью к Церкви.

Как писал аббат Филипп Лагери: «Самое великое свидетельство монсеньора Лефевра — там, где речь идет о чести Христовой, вся земля не может заставить его уступить». Он был «алчущим и жаждущим правды». Церковь должна судить героизм этих деяний. Его непреклонность, всецелое доверие своим принципам, его уверенность в своей правоте, наконец, его неприятие либерализма, — не делают ли его одиноким рыцарем?

«Человек Церкви», пользующийся авторитетом, в течение долгого времени являвший послушание, верный священноначалию и снисходительный к врагам, самым неприемлемым, отмеченный мудростью, у которого одно желание — следовать Промыслу Божию. Может быть, следует увидеть в его деяниях задачу, перед решением которой с неизбежностью будет поставлена Церковь в будущем? Не сродни ли эта ситуация описанной в «Трех разговорах» В. Соловьева?

Он ведь хотел следовать Промыслу Божию. Но доверие Богу не стало у него безответственностью, расслабленностью. Его друг отец Калмель признавал это хорошо: «Предаться воле Божией не значит ничего не делать: это именно делать, пребывая в любви, все, что в нашей влас-

ти». Человек, предающий себя Богу, — «не устраняется, не пребывает в лени, он — в самом сердце деятельной жизни». Нечестно было бы просить у Бога победы в молитве, не принимая участия в сражении. В этом проявляется величие человека — в глубоком ответе на дар Божий, о котором совершается молитва, в готовности оплатить его собственной жизнью.

Замечательна позиция архиепископа Лефевра относительно так называемой «восточной политики» Ватикана. Архиепископ обличает заигрывание папского престола с коммунизмом при Иоанне XXIII и Павле VI. «Когда думаешь о десятках миллионов мучеников, одного отказа этого папского Собора официально осудить коммунизм, — пишет он, — достаточно, чтобы покрыть его позором перед всей историей». Это предательство он определяет в сильных и точных словах: «Церковь лишают ее мученического венца», имея в виду, очевидно, Русскую Православную Церковь. Можно видеть, какая пропасть отделяет эти слова от поверхностного экуменизма Павла VI!

«У меня не было особого откровения, — говорит монсеньор Лефевр в 1974 году, — я не мистик. Меня подтолкнули обстоятельства». Его принцип и основание — «человек от Бога и для Бога». По этой причине ему кажется чудовищной доктрина Собора, которая не Бога, а человека делает «центром и вершиной всего на земле», «принципом и концом всех установлений».

Наоборот, утверждает он, «принцип завершенности в Боге, распространения Божественной любви, должен быть движущей силой всякой деятельности». Но «возвращение разумного творения к Богу» — то, в чем заключается христианская жизнь, личная и общественная, — не есть результат одного послушания заповедям Божиим. Необходима благодать. И христианская нравственность есть плод благодатных добродетелей и даров Святого Духа, духовное сражение, которому противостоит самое страшное заблуж-

дение — *naturalism*, вера в естество, исповедуемая Павлом VI.

Когда этот Папа, отстаивая «автономию временного порядка», определял «мир в каком-то смысле самодостаточным», монсеньор Лефевр отреагировал немедленно, протестуя против этого «несточного и неполного определения мира», против учения, забывающего, что «сверхприродный порядок — не факультатив», и устраняющего догмат о падении человеческой природы. Ответом был телефонный звонок с требованием покинуть Рим и никогда больше не приезжать в него. Архиепископ ответил: «Пусть пришлют батальон стражей-привратников, которые заставят меня сделать это».

Духовное сражение непоколебимого в своих принципах прелата доходит до такого предела. Но такое сражение, если это не прелесть, невозможно без Христа, без Его благодатной поддержки.

Протоиерей Александр Шаргунов,
преподаватель Московской Духовной
академии

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга началась с нескольких лекций о либерализме, прочтенных мною семинаристам Экона. Их целью было обратить внимание будущих священников на величайшее и вреднейшее из всех заблуждений Нового времени, позволить им вынести сообразное истине и вере суждение обо всех последствиях и проявлениях атеистического либерализма и либерального католицизма.

Католики-либералы сеют заблуждения либерализма внутри самой Церкви и в обществах, еще отмеченных влиянием католицизма. Поэтому было бы очень поучительным перечесть наставления римских Пап по этому поводу и оценить всю серьезность их обвинений.

Очень важно напомнить об одобрении, данном Пием IX автору достойной восхищения книги «Либеральная иллюзия» Луи Вейо, и о рекомендации Священной канцелярии, которую заслужила книга отца Феликса Сарда-и-Сальвани «Либерализм есть грех».

Что бы могли подумать эти авторы, если бы они выяснили, подобно тому как мы выясняем сегодня, что гос-

подство либерализма воцарилось в самом Ватикане и в епископствах?

Все это объясняет, почему будущим священникам необходимо знать об этом заблуждении. Католик-либерал, как это ясно показывает отец Сарда (с. VII), имеет ложное представление об акте веры. Вера является для него не объективным следствием авторитета Бога, но субъективным чувством, которое, следовательно, готово мириться со всеми заблуждениями и особенно с заблуждениями религиозными. Луи Вейо в главе XXIII своей книги указывает на то, что заложенным в 1789 году фундаментальным принципом является религиозная независимость, секуляризация Общества и в конечном итоге религиозная свобода.

Аббат Тиссье де Маллере, генерал-секретарь Церковного Братства Св. Пия X, при одобрении его верховного генерала взял на себя труд дополнить, упорядочить и опубликовать названный комплекс лекций, дабы содержащееся в нем очень своевременное поучение могло пойти на пользу не только семинаристам.

И когда эта работа уже приближалась к завершению, в Ассизи имело место одно из самых омерзительных проявлений либерального католицизма, неоспоримое доказательство того, что Папа и те, кто его поддерживает, имеют ложное представление о вере, модернистское представление, способное пошатнуть все здание Церкви. Папа сам заявил об этом в своем обращении 22 декабря 1986 года к членам Курии.

Призванная оградить и защитить католическую веру от чумы либерализма, эта книга, как мне кажется, явится вовремя, вторя словам Нашего Господа: «Тот, кто уве-

рует, будет спасен, тот же, кто не уверует, будет осужден». Именно такой веры Слово воплощенного Бога требует от всех, кто хочет быть спасен. Именно такая вера стоила жизни Ему и вслед за Ним всем тем мученикам и свидетелям, которые ее исповедовали. Религиозный либерализм не оставляет ни мучеников, ни миссионеров, но только лишь раздатчиков религии, передающих по кругу трубку мира, основанного на одних словах!

Отринем же этот либерализм, готовый похоронить католическую Церковь!

Будем вслед за Господом Нашим нести знамя Креста как единственный знак и единственный источник Спасения.

И да благословит Богоматерь Фатимская в семидесятую годовщину ее явления судьбу этой книги, верной ее заветам.

Экон, 13 января 1987 года,
в день Крещения Господа Нашего,
монсеньор Марсель Лефевр

ВВЕДЕНИЕ

Куда мы идем? Каким будет предел всех нынешних потрясений? Я имею в виду не столько войны, атомные или экологические бедствия, сколько внешнюю и внутреннюю для Церкви революцию, отступничество, овладевшее умами целых народов, которые некогда были католическими, и даже проникшее в церковную иерархию вплоть до самой ее вершины. Рим словно поразила слепота, Рим вечный оказался принужден к безмолвию, обездвижен другим Римом — либеральным Римом, который пытается занять его место. Источники божественной благодати и веры иссякают, и вены Церкви повсюду распространяют смертоносный яд натурализма.

Нельзя понять этот глубокий кризис, не уделив должное внимание центральному событию этого столетия — II Ватиканскому Собору. Думаю, что мои взгляды на этот счет достаточно хорошо известны, чтобы я мог сразу перейти к сути дела: если мы не отринем этот Собор в целом, он останется, я полагаю, величайшей катастрофой

этого века и всех веков, прошедших со времен основания Церкви. Говоря так, я лишь сужу Собор по его плодам, пользуясь мерой, данной нам Нашим Господом (Мат. 7, 16). Ведь когда у кардинала Ратцингера спрашивают, какие полезные плоды принес этот собор, он затрудняется ответить.¹ Когда же я однажды спросил у кардинала Гарроне, как мог «благой» Собор принести столь дурные плоды, он ответил мне: «Дело тут не в Соборе, а в средствах массовой информации!».²

И здесь здравому пониманию может помочь размышление: если последовавшая за Собором эпоха оказалась эпохой революции в Церкви, то не потому ли, что эту революцию начал Собор? «Собор — это 1789 год для Церкви», — сказал кардинал Суэннс. «Проблема собора состоит в том, что он принял ценности, накопленные двумя веками либеральной культуры», — говорит кардинал Ратцингер. И поясняет: Пий IX в своем «Силлабусе» безоговорочно отверг мир, вышедший из французской революции, и, в частности, осудил следующее положение: «Римский Первосвященник может и должен соглашаться с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией и подчиняться им» (н. 80). Собор, признает Йозеф Ратцингер, выступил с «анти-Силлабусом», объявив о примирении Церкви и либерализма в самом подробном своем документе — «*Gaudium et spes*». Между тем Папы XIX века ясно видели, что в революции 1789 года имеет отношение к христианской истине и может быть принято Церковью.

¹ Joseph Cardinal Ratzinger. Entretien sur la foi. Paris: Fayard, 1985. P. 45—48.

² В беседе от 13 февраля 1975 года.

Такое заявление, тем более из уст представителя духовного ядра Церкви, в высшей степени драматично! Действительно, какова была сущность революции 1789 года? Она заключалась в предписании обществу, которое еще было католическим, протестантских натурализма и субъективизма, выраженных в форме юридических норм. Отсюда провозглашение прав человека без Бога, отсюда прославление субъективности каждого в ущерб объективной истине, отсюда постанова на одну правовую ступень всех религиозных «вер», отсюда, наконец, — устройство общества без Бога, в отрыве от Господа Нашего Иисуса Христа. Эта чудовищная теория обозначается одним словом: **ЛИБЕРАЛИЗМ**.

Увы, мы поистине прикасаемся здесь к «тайне беззакония» (2 Фес. 2, 7). После Французской революции демон привлек в лоно Церкви людей, исполненных духа гордыни и новизны, представивших себя вдохновенными реформаторами, которые, возмечтав о примирении Церкви с либерализмом, попытались осуществить предательский союз между Церковью и принципами революции! Возможно ли в самом деле примирить Господа Нашего Иисуса Христа с набором заблуждений, которые столь резко противоречат его Благодати, его Истине, его божественности, его всемирному царству? Нет, Папы не ошибались, когда, опираясь на традицию и в соответствии с ней обращаясь к авторитету Святого Духа, осуждали своей верховной властью и с восхитительным постоянством преступную католическо-либеральную измену. — Но как же тогда либеральной секте удалось навязать свои взгляды экуменическому собору? Как противоестественный союз между Церковью³ и революцией

смог взрастить чудовище, чье пустословие вселяет сегодня ужас даже в самых верных его приверженцев? На эти вопросы я и пытаюсь ответить в своих беседах о либерализме, показывая, что яд либерализма, единожды проникнув в Церковь, прямым путем ведет ее к отступничеству.

«От либерализма к отступничеству»: таков, следовательно, предмет нижеследующих статей. Конечно же, жизнь во времена отступничества сама по себе не вселяет воодушевления! Подумаем, однако, о том, что все времена и все века принадлежат Господу Нашему Иисусу Христу: *Ipsius sunt tempora et saecula*, — говорится в пасхальной литургии. Этот век отступничества, при его несомненном отличии от веков веры, тоже принадлежит Иисусу Христу: ведь отступничество многих выявляет героическую верность немногих; так было и во времена пророка Илии, когда Бог оставил в Израиле только семь тысяч мужей, не преклонивших колен пред Ваалом (3 Цар. 19, 18). Так не будем же преклонять наши колени перед идолом «культы человека»,⁴ пусть даже «в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2, 4). Остаемся католиками и будем поклоняться единственному истинному Богу, Господу Нашему Иисусу Христу, а также Отцу и Святому Духу!

Вся история Церкви свидетельствует о том, что эпоха кризиса подготавливает эпоху веры и подлинное, основанное на верности традиции, обновление. Вы все до-

³ Или, точнее, людьми Церкви, ее внешним аппаратом.

⁴ Выражение Павла IV.

рогие читатели, можете содействовать их приближению, смиренно принимая то, что передавала нам Церковь до II Ватиканского Собора, устами Пап, и что в свою очередь передаю вам я. Эту неизменную доктрину Церкви, принятую мною без предубеждения, я без остатка вручаю вам: quam sine fictione didici, sine invidia comunico.⁵

⁵ Мудрость. 7, 13.

ЧАСТЬ I

**ЛИБЕРАЛИЗМ, ЕГО ПРИНЦИПЫ
И ПРИЛОЖЕНИЯ**

Глава I

ИСТОКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

«Если вы не будете читать, рано или поздно вы станете предателями, ибо не поймете корень зла!» С этими твердыми словами один из моих коллег¹ рекомендовал семинаристам Экона чтение хороших книг о либерализме.

В самом деле, невозможно ни понять нынешний кризис Церкви, ни разглядеть истинное лицо людей нынешнего Рима, ни, следовательно, избрать правильную позицию в отношении происходящего, не разыскав причины, не взойдя к историческим корням, не открыв первоисточник того либерализма, который осуждали Папы двух последних столетий.

Наш светоч — голос Пап

Поэтому по примеру Верховных Понтификов, разоблачающих идущие переоценки, мы начнем с истоков. Осуждая либерализм, Папы смотрят далеко в прошлое и все как один, от Пия VI до Бенедикта XV, увязывают

¹ *Аббат Поль Оланье*. 17 сентября 1981.

кризис с предпринятой в XVI веке протестантизмом войной против Церкви, а также с натурализмом, причиной и первой распространительницей которого была эта ересь.

Ренессанс и натурализм

Первоначально натурализм заявил о себе в эпоху Ренессанса, стремление которой восстановить в правах языческие культуры древности, прежде всего культуру и искусство Древней Греции, привело к чрезмерному возвеличиванию человека, природы, естественных сил. Прославляя доброту и могущество природы, начали тогда принижать, заглушать в умозрении людей необходимость благодати, предназначение человечества к сверхъестественной цели и свет, излучаемый откровением. Под предлогом искусства взяли всюду, даже в церквях, насадить тот нудизм — о нудизме здесь можно говорить без преувеличения, — который торжествует в Сикстинской капелле в Риме. С точки зрения искусства эти произведения, несомненно, ценны, однако, к несчастью, в них преобладает телесная сторона прославления плоти, идущая вразрез с учением Евангелия: «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти», — говорит святой Павел (Гал. 5, 17).

Я не осуждаю это искусство, когда оно существует в светских музеях, но в то же время я не считаю его средством выражения истины Искупления, то есть счастливого повиновения искупленной природы благодати. Совсем иначе я оцениваю барочное искусство католической Контрреформации, особенно в странах, которые воспротивились протестантизму: хотя оно и обращается к толстоцким ангелочкам, это прерисполненное движения и подчас патетической выразительности искусство является

торжествующим криком Искупления, песнью победы католицизма над пессимизмом холодного и безнадежного протестантизма.

Протестантизм и натурализм

Собственно говоря, связь натурализма с протестантизмом может показаться странной и парадоксальной. У Лютера нет и тени этого прославления врожденной красоты природы, ибо, согласно ему, природа непоправимо порочна и похоть непродолима. Тем не менее тот чрезмерно нигилистический взгляд, которым смотрит на себя протестант, на практике приводит к натурализму: принижением природы и возвеличением силы *единственной веры* божественная благодать и сверхъестественный порядок препровождаются в область абстракций. С точки зрения протестантов благодать не совершает истинного внутреннего обновления; крещение для них — не восстановление обычного сверхъестественного состояния, а только лишь акт приносящей оправдание и спасение веры в Иисуса Христа. Природа не исправляется благодатью, она остается внутренне порочной, и Бог благодаря вере лишь накрывает наши грехи целомудренным покрывалом Ноя. Тем самым весь тот сверхъестественный организм, который крещение вкладывает в природу и укореняет в ней, все прирожденные добродетели и дары Святого Духа низводятся к небытию, будучи сосредоточены в одном лишь неистовом акте веры-уверенности в Искупителе, дающем благодать только для того, чтобы отстраниться от своего творения, не уменьшая необъятную пропасть между непоправимо падшим человеком и трижды святым трансцендентным Богом. Этот *псевдосверхнатурализм*, как называет его отец Гарригу-Лагранж, в конечном счете оставляет человека единственно на волю его естественных возможностей, неминуемо впадает в *натурализм*, так что противо-

положные крайности совпадают! Натуралистический итог лютеранства хорошо выразил Жак Маритен:

«Человеческая природа оказывается вынуждена отвергнуть как бесполезное теологическое дополнение покров добродетели, который для нее — ничто, и обратить свою веру-уверенность на себя, дабы сделаться этим прекрасным освобожденным животным, чей неуклонный безошибочный прогресс восхищает сегодня мир».²

Этот натурализм прилагается в первую очередь к мирскому и общественному порядкам: если благодать сводится к чувству веры как своего рода капиталу, то Искупление отождествляется с некоей индивидуальной, частной, не имеющей отношения к общественной жизни религиозностью. Общественный, то есть экономический и политический, порядок оказывается осужден к жизни и развитию вне Господа Нашего Иисуса Христа. В лучшем случае протестант ищет в своем экономическом преуспевании основание для оправдания в глазах Бога; именно в этом смысл знаменитого помещения над входом в дом слов Ветхого Завета: «Чти Господа от имени твоего и от начатков всех прибытков твоих; и наполнятся житницы твои до избытка, и точила твои будут переливаться новым вином» (Прит. 3, 9—10).

Жак Маритен является автором проницательных строк о протестантском материализме, давшем рождение экономическому либерализму и капитализму:

«В обращениях Лютера к Агнцу-спасителю, в его неистовой уверенности и в его вере в прощение грехов заявляет о себе человеческая тварь, поднимающая голову и достигающая преуспевания в своих делах, даже будучи погружена в

² *Jacques Maritain. Trois Réformateurs. P. 25.*

порок грехом Адама! Она будет обустроиваться в мире, она будет следовать воле к могуществу, империалистическому инстинкту, закону этого мира — ее мира. Бог будет только союзником, могучей силой».³

Протестантизм ведет к тому, что люди все больше привязываются к благам мира сего и забывают блага вечные. И если так называемый пуританизм берется вести внешний надзор над общественной моралью, он не затрагивает сердца, исполненные истинно христианского духа — сверхъестественного духа, название которому — *примат духовного*. Протестантизм с необходимостью приходит к провозглашению независимости временного по отношению к духовному. И эту же самую независимость мы обнаруживаем в либерализме. Следовательно, Папы вполне обоснованно разоблачали этот натурализм протестантских корней как источник либерализма, потрясшего основы христианства в 1789 и 1848 годах. Так, Лев XIII говорил:

«Эта дерзость вероломных людей, с каждым днем угрожающая светскому обществу все большими бедствиями и сеющая тревогу и смятение в умах, имеет свою причину и свой источник в тех пропитанных ядом доктринах, которые принесли в свое время исключительно губительные плоды, а ныне, подобно семени пороков, распространились среди народов. Ведь, как вам хорошо известно, Преподобные Братья, жестокая война, которую с XVI века вели против католической веры новаторы, имела своей целью отвергнуть всякое откровение и низложить всякий сверхъестественный порядок, дабы предоставить свободу изобретениям или, точнее, выдумкам одного только разума».⁴

³ Op. cit. P. 52—53.

⁴ Энциклика «*Quod apostolici*» от 28 декабря 1878.

А Бенедикт XV позднее подчеркивал:

«Со времени трех первых веков, с поры зарождения Церкви, когда кровь христиан пропитала собой всю землю, никогда Церковь не подвергалась такой опасности, как та, что заявила о себе в конце XVIII века. В самом деле, именно тогда помраченная Философия, продолжение ереси и отступничества Новаторов, приобрела неизмеримую власть соблазна умов и вызвала всеобщее расстройство с очевидной целью уничтожить христианские основы общества не только во Франции, но постепенно и во всех странах».⁵

Зарождение политического натурализма

Протестантизм предпринял весьма жесткое наступление на Церковь и вызвал глубокий раскол христианства в XVI веке, однако ему удалось пропитать ядом своего политического и общественного натурализма католические нации только тогда, когда этот дух обмирщения проник в университеты и затем овладел теми, кого называли *философами Просвещения*.

В сущности с философской точки зрения общим корнем протестантизма и юридического позитивизма является номинализм позднего Средневековья, который привел и к Лютеру с его сугубо внешним и номинальным представлением об Искуплении, и к Декарту с его идеей непостижимого божественного закона, подчиненного чистому произволу воли Бога. — Однако вся христианская философия утверждала вслед за святым Фомой Аквинским единство вечного божественного закона и естественного закона людей: «Естественный закон есть не что иное, как доля вечного закона в разумной твари», — пишет Ангелический

⁵ Послание «Anno jam exeunte» от 7 марта 1917. PIN. 486.

доктор (I II 91, 2). — У Декарта же возникает раскол между божественным правом и естественным человеческим правом. После него ученые и юристы будут проводить это различие все чаще. Например, Гуго Гроций (1625) (в изложении Поля Азара):

«А как же божественное право? Гроций пытается его сохранить. То, о чем мы только что сказали, — утверждает он, — имело бы место, даже если бы мы признали — что невозможно иначе, недели путем преступления, — что Бога нет или что дела человеческие не являются предметом его забот. Поскольку Бог и Провидение без всякого сомнения существуют, в них заключен источник права, отличный от содержащегося в природе. *„Само это естественное право может быть присвоено Богу, так как именно волей божественности продиктовано наличие такого рода принципов в нас“*. Закон Бога, закон природы... — продолжает Поль Азар, — эту двойную формулу изобрел не Гроций. [...] Она была известна уже в Средневековье. Что же составляет ее новизну? Чем объясняется ее критика, ее осуждение церковными учеными? Почему она вызывает негодование? Новизна заключается в разделении двух терминов, которое происходит теперь, в их утверждаемом противопоставлении, в попытке их последующего примирения, которая сама по себе предполагает разрыв».⁶

Юрист Пуффендорф (1672) и философ Локк (1689) завершили секуляризацию естественного права. Философия Просвещения представляет собой некое «естественное состояние», которое уже не имеет ничего общего с реализмом христианской философии и которое достигает апогея в рамках идеализма с мифом о *добром дикаре* Жана-Жака Руссо. Естественный закон сводится к совокупности пред-

⁶ Paul Hazard. La crise de conscience européenne. 1680—1715. Paris: Fayard, 1961. Ч. 3, гл. 3.

ставлений человека о самом себе, разделяемых большинством людей; у Вольтера мы находим следующий диалог:

В. Что такое естественный закон?

А. Это инстинкт, который заставляет нас распознать справедливость.

В. Что вы называете справедливым и несправедливым?

А. То, что кажется таковым всем.⁷

К такому заключению приходит сбившийся с пути разум, который в стремлении обрести независимость от Бога и его откровения сжег и те мосты, что соединяли его с обычными принципами естественного порядка, которые лишь повторяет сверхъестественное божественное откровение и подтверждает духовный авторитет Церкви. Светская власть и власть Церкви оказались разделены Французской революцией потому, в сущности, что задолго до этого у тех, кто выступал под именем философов, подверглись разделению вера и разум. Уместно будет напомнить суждение на это счет I Ватиканского Собора:

«Вера и разум не только не могут ни в коем случае расходиться между собой, но они предоставляют друг другу взаимную поддержку, ибо разум своей правотой подтверждает основы веры и сам, будучи просвещен ее светом, отдается науке божественных вещей, тогда как вера в свою очередь освобождает и предохраняет разум от заблуждений и открывает ему многие познания».⁸

Революция же как раз и была совершена во имя *Богини Разума*, во имя обожествленного разума, разума, возведенного в ранг высшей меры истинного и ложного, добра и зла.

⁷ Вольтер. Философские диалоги (1768). Беседа четвертая. О естественном законе и о любознательности (цит. Полем Азаром).

⁸ Конституция de fide catholica «Dei Filius». Dz 1799.

Натурализм, рационализм, либерализм

Теперь вы можете оценить, насколько связаны между собой все эти заблуждения: либерализм, натурализм и, наконец, рационализм суть не что иное, как различные стороны того, что следует называть *Революцией*. Там, где правый разум, просвещаемый верой, видит гармонию и соподчинение, разум обоженный устраивает пропасти и возводит стены: природа без благодати, материальный достаток без стремления к вечным благам, светская власть в отрыве от власти церковной, политика без Бога и Иисуса Христа, права человека в противовес правам Бога, свобода без истины.

Вот в каком направлении была совершена Французская революция, которая, как я попытался вам показать, уже подготавливалась в умах двумя столетиями ранее. Но только в конце XVIII века она была доведена до конца и принесла свои важнейшие политические плоды при поддержке сочинений философов, энциклопедистов и невообразимой активности масонства,⁹ которое за несколько десятилетий пронизало собой и развратило правящий класс.

Масонство как орудие распространения заблуждений

С какой точностью и прозорливостью Верховные Понтифики осуждали эту организацию! Папа Лев XIII говорит о ней в уже цитированной энциклике «*Quod apostolici*» и возвращается к этой теме в специально посвя-

⁹ 1517: бунт Лютера, сжигающего Буллу Папы Римского в Виттенберге; 1717: основание Большой Ложи в Лондоне.

щенной ей энциклике «Humanum Genus» от 20 августа 1884 года:

«Пособники зла, судя по всему, объединились ныне в одну могущественную силу по призыву и при поддержке широко разветвленного и хорошо организованного Общества вольных каменщиков.

Наши предшественники в их неусыпных заботах о спасении христианского народа быстро разглядели этого серьезного врага, когда, выходя из мрака строгой конспирации, он устремился в открытое наступление».

Далее Лев XIII перечисляет осуждения масонства прежними Папами: энцикликой «In Eminenti» Климента XII от 27 апреля 1738 года масоны были отлучены от церкви; энциклика «Providas» Бенедикта XIV от 16 марта 1751 года подтвердила это осуждение; Пий VII в энциклике «Ecclesiam» от 13 сентября 1821 года отдельно осудил карбонариев; Лев XII в апостолической конституции «Quo graviora» от 13 марта 1826 года изобличил тайное общество «Наставник», развращавшее молодежь; об этом же, наконец, говорили Пий VIII в энциклике «Traditi» от 24 мая 1829 года и Пий IX в обращении к консистории от 25 сентября 1865 года и в энциклике «Quanta cura» от 8 декабря 1864 года.

Затем, сожалея о недостаточном внимании, которое уделяется столь серьезным угрозам властями, Лев XIII говорит о настораживающем усилении позиций секты:

«Надо признать, что за полтора столетия секта вольных каменщиков проделала невероятный прогресс. Пользуясь одновременно дерзостью и хитростью, она проникла на все ступени общественной иерархии и стала приобретать внутри нынешних государств силу, сравнимую с силой власти».

Что бы сказал он сейчас, когда нет ни единого правительства,¹⁰ которое не подчинилось бы решениям масонских лож? Причем сейчас масонский дух или масонство вообще смыкает ряды в наступлении на иерархию Церкви. Но к этому я еще вернусь.

В чем же, собственно, заключается масонский дух? Его суть выразил в нескольких словах сенатор Гобле д'Авилло, член Большого Востока Бельгии, выступая 5 августа 1877 года в брюссельской ложе Друзей-филантропов:

«Говорите вновь принимаемым членам, что масонство... есть прежде всего школа просвещения и совершенствования, своего рода лаборатория, в которой великие идеи эпохи связываются воедино и утверждаются с целью их распространения по невежественному миру в наглядной и практической форме. Одним словом, говорите им, что *мы есть философия либерализма*».

Этого заявления достаточно, дорогие читатели, чтобы понять, что масонство, даже если бы я ни разу его не упомянул, напрямую связано с теми темами, которым будут посвящены мои дальнейшие беседы.

¹⁰ Включая даже коммунистические страны, ибо коммунистическая партия есть самое настоящее масонское общество, единственное отличие которого в том, что он действует вполне легально и публично.

Глава II

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ЛИБЕРАЛИЗМ

Свобода располагается не в начале, а в конце. Она — не в корне, а в цветах и плодах.

Шарль Моррас

Есть одна книга, которую я особенно рекомендую желающим получить конкретное и полное представление о либерализме, чтобы затем они могли подготовить справки о нем для людей, не подозревающих об этом зле и широте его распространения, привыкших «мыслить либерально», — а таковые есть и среди католиков, приверженных традиции. И зачастую они не отдают себе отчета в том, сколь глубоко либерализм проник в наше общество, во все наши семьи.

Легко соглашаясь с тем, что «передовой либерализм» Жискара д'Эстена середины 1970-х годов привел Францию к «социализму», люди в то же время смиренно верят, что «правый либерализм» может уберечь нас от тоталитарного гнета. Вполне здравомыслящие среди них не уверены в том, как относиться к «либерализации абортотв» — поддерживать ее или отвергать, и в то же время готовы подписать призыв к либерализации эвтаназии. В самом деле, все, что

отмечено ярлыком *свободы*, вот уже двести лет пользуется престижем, который даруется этим обожествленным словом. И тем не менее именно это слово несет нам гибель, именно либерализм отравляет и светское общество, и Церковь. Так обратимся же к той книге, о которой я упомянул: это «Либерализм и католицизм» аббата Русселя, сочинение, вышедшее в 1926 году. На страницах 14—16 в ней дается лаконичное описание либерализма. Прочтем и вкратце прокомментируем его.

«Либерал — это фанатик независимости, он проповедует ее во всех областях, доходя в своем рвении до абсурда».

Таково определение. Теперь посмотрим, как оно прилагается, какого рода освобождений требует либерализм.

1. *«Независимость истины и добра по отношению к бытию: это философия относительности движения и становления. — Независимость мышления по отношению к его предмету: разум, будучи господином, не должен подчиняться своему объекту, он творит этот объект, и в этом творении заключена радикальная эволюция истины: таков релятивистский субъективизм».*

Отметим два ключевых слова: субъективизм и эволюция.

Субъективизм заключается в придании свободы мышлению, тогда как высокое достоинство мышления состоит, наоборот, в подчинении мышления своему объекту, в *уравнении* или соответствии мыслящего субъекта и познаваемого объекта. Мышление работает подобно фотоаппарату, оно должно в точности отображать умопостигаемые прикосновения реальности. Его совершенство заключается в его верности действительности. Вот по какой причине ис-

тина может быть определена как *уравнение мышления с вещью*. Истина — это качество мысли, заключающееся в согласии с вещью, с тем, что есть. Не мышление творит вещи, но, напротив, вещи предписываются мышлению — такими, каковы они есть. Следовательно, истина утверждаемого зависит от того, что *есть*, она — нечто объективное; и тот, кто ищет истинного, должен отказаться от себя, отказаться от построений своего рассудка, отказаться от изобретения истины.

В субъективизме же, напротив, разум создаст истину: таким образом, объект подчиняется субъекту! Субъект становится центром всех вещей. Вещи являются уже не тем, что они есть, но тем, что я мыслю. Выходит, что человек распоряжается истиной по своей прихоти: философский аспект этого заблуждения будет называться *идеализмом*, а его моральный, социальный, политический и религиозный аспекты — *либерализмом*. В таком случае истина должна отличаться в зависимости от человека и конкретной социальной группы. Следовательно, истина неизбежно лишается внутреннего единства. Никто не может претендовать на исключительное владение ею во всей ее полноте; ее все время ищут, и она бесконечно меняется. Нетрудно понять, насколько противно это Господу Нашему Иисусу Христу и его Церкви.

Исторически это освобождение субъекта от объекта (от того, что существует) было реализовано тремя людьми. Сначала ЛЮТЕР отверг авторитет Церкви и оставил одну лишь Библию, отказавшись от всякого искусственно созданного посредничества между человеком и Богом. Он ввел свободу совести, исходя из ложно понятого библейского вдохновения — вдохновения индивида! Затем ДЕКАРТ и его последователь КАНТ систематизировали субъективизм: разум замкнулся в себе самом, он знает лишь

свое собственное мышление — таково «*cogito*» Декарта, таковы «категории» Канта. Сами вещи непознаваемы. Наконец, РУССО: избавившийся от своего объекта, утративший здравый смысл, субъект остается беззащитным перед *общественным мнением*. Мышление индивида растворяется в общественном мнении, то есть в том, как думают все или большинство; и такое мнение будет создаваться технологиями группового манипулирования, разрабатываемыми средствами массовой информации, которые находятся в руках финансистов, политиков, масонов и т. д. Идя своим собственным путем, интеллектуальный либерализм впадает в *тоталитаризм* мысли. После отказа от объекта на наших глазах происходит распад субъекта, готового теперь подчиняться любым разновидностям рабства. Таким образом, провозглашая свободу мысли, субъективизм приводит к подавлению мышления.

Второй выделенной нами нотой интеллектуального либерализма является понятие *эволюции*. Отвергая подчинение реальности, либерал отказывается и от незыблемых сущностей вещей; природы вещей для него нет, как нет и неизменной человеческой природы, руководимой законами, раз и навсегда установленными Создателем. Человек пребывает в непрерывной прогрессирующей эволюции; вчерашний человек не был тем, чем является человек сегодняшней; так мы погружаемся во мрак релятивизма. Более того, человек творит себя сам, он — автор своих собственных законов, которые постоянно перерабатываются им согласно единственному неизменному принципу — принципу необходимости прогресса. Эволюционизм внедряется во всех областях: в биологической (Ламарк и Дарвин), в интеллектуальной (рационализм с его мифом о бесконечном прогрессе человеческого разума), в моральной (снятие «табу»), в политико-религиозной (раскрепощение обществ по отношению к Иисусу Христу).

Эволюционистский бред достиг апогея в мысли П. Тейяра де Шардена, который утверждает от имени псевдонауки и псевдомистики, что материя становится духом, что природа становится сверхъестественным, что человечество становится Христом: таковы три отождествления эволюционистского монизма, несовместимого с католической верой.

Для веры эволюция означает смерть. Говорят об эволюционирующей Церкви, ищут даже эволюции веры. «Вы должны примкнуть к живой Церкви, к Церкви сегодняшнего дня», — писали мне из Рима в 1976 году, словно имея в виду, что Церковь сегодняшнего дня — не то же самое, что Церковь дня вчерашнего. Я отвечаю: «Если так, то завтра она уже не будет такой, какой вы представляете ее сегодня!» Эти люди не имеют ни малейшего представления об истине и бытии. Они — модернисты.

2. *«Независимость воли по отношению к мышлению: будучи самовластной и слепой силой, воля не должна прислушиваться к суждениям разума, она творит добро, так же как разум творит истину».*

Одним словом, это произвол: *«sic volo, sic jubeo, sic pro ratione voluntas!»*

3. *«Независимость совести по отношению к объективной норме, к закону; совесть сама становится верховной нормой моральности».*

Закон, с точки зрения либерала, ограничивает свободу и связывает ее сначала духовным принуждением — обязанностью, а затем и физическим — санкцией. Закон и его принуждение идут вразрез с человеческими достоинством и совестью. — Либерал отождествляет свободу и вседозво-

ленность. Но Господь Наш Иисус Христос есть живой закон, ибо Он — Слово Божье; это позволяет еще раз оценить, насколько противоречит либерализм Нашему Господу.

4. *«Независимость анархических сил чувства по отношению к разуму: такова одна из черт романтизма, врага превосходства разума».*

Романтику нравится выступать с лозунгами. Он осуждает насилие, суеверие, фанатизм, интегризм, расизм из-за тех образов, которые эти слова вызывают в воображении и человеческих страстях; по аналогичным мотивам он становится апостолом мира, свободы, терпимости, плюрализма.

5. *«Независимость тела по отношению к душе, животного начала по отношению к разуму является радикальной переоценкой человеческих ценностей».*

Возвеличивается, освящается сексуальность; сбрасываются со счетов две цели брака (зачатие и воспитание ребенка, во-первых, и усмирение похоти, во-вторых), вместо которых главной его целью становятся плотское удовольствие и «самовыражение супругов», или «партнеров». Это само по себе губит брак и семью, не говоря уж об извращениях, которые превращают святилище брака в биологическую лабораторию или используют еще не рожденного ребенка в качестве ценного косметического материала.¹

6. *«Независимость настоящего по отношению к прошлому, следствием которой становятся неприязнь к тра-*

¹ Ср.: *Fideliter*. № 47.

диции, болезненная любовь к новому под предлогом прогресса».

Таков, по утверждению Пия X, один из источников модернизма:

«Его удаленные причины Мы, вероятно, можем свести к двум: это *любопытство* и гордыня. Одного *любопытства*, если только оно не руководимо мудростью, достаточно, чтобы объяснить все заблуждения. Таково суждение нашего предшественника Григория XVI, который писал: это плачевное зрелище — видеть, сколь далеко заходит в своих выдумках человеческий разум, оказываясь в подчинении духу новизны».²

7. «Независимость отдельного человека по отношению ко всякому обществу», ко всякому авторитету и естественной иерархии: независимость детей по отношению к родителям, жены по отношению к мужу (освобождение женщины), рабочего по отношению к начальнику, рабочего класса по отношению к буржуазии (классовая борьба).

Политический и общественный либерализм есть царство индивидуализма. Базовой единицей либерализма является индивид.³ Индивид объявляется *абсолютным субъектом прав* («прав человека»), причем не оговариваются обязанности, связывающие человека с его создателем, с превосходящими его по рангу, с подобными ему, а главное, не оговариваются *права Бога*. Либерализм упраздняет все естественные общественные иерархии, но тем самым он в конечном итоге оставляет индивида беззащит-

² Энциклика «Pascendi» от 8 сентября 1907.

³ Daniel Raffard de Brienne. Le deuxième étendard. P. 25.

ным перед массой, для которой он — лишь один из взаимозаменяемых элементов и которая поглощает его без остатка.

Общественная доктрина Церкви, напротив, утверждает, что общество есть не безликое множество индивидов,⁴ но упорядоченный организм соподчиненных и иерархически выстроенных социальных групп: семьи, предприятий и ремесел, затем профессиональных сословий и, наконец, государства. Сословия объединяют руководителей и рабочих одной профессии для защиты и продвижения их общих интересов. Классы являются не враждебными, но по природе своей взаимно дополнительными.⁵ Закон Ле Шапелье (от 14 июня 1791 года), запретив сообщества, привел к гибели сословий, которые были орудием общественного благоденствия со времен Средневековья; этот закон стал следствием либерального индивидуализма, однако, имея своей целью «освободить» рабочих, лег на них тяжким бременем. И когда в XIX веке капитал либеральной буржуазии стал тяготить безликую массу рабочих, образовавшую пролетариат, по инициативе социалистов рабочих принялись вновь объединять в синдикаты; а синдикаты лишь усугубили общественную борьбу, расширив искусственную оппозицию капитала и пролетариата до масштабов всего общества. Известно, что эта оппозиция, или «классовая борьба», легла в основу марксистской теории диалектического материализма; в итоге вымышленная общественная проблема создала вымышленную систему — коммунизм.⁶ И теперь, со времен Ленина, классовая борьба является в руках

⁴ Ср. Новогоднее обращение Пия XII по радио ко всему миру от 24 декабря 1944.

⁵ Ср. энциклику Льва XIII «*Rerum novarum*» от 15 мая 1891.

⁶ Ср. энциклику Пия XI «*Divini Redemptoris*» от 19 мая 1937. § 15.

коммунистических активистов основным оружием коммунистической революции.⁷

Запомним же эту неоспоримую историческую и философскую истину: либерализм естественным путем приводит к тоталитаризму и коммунистической революции. Можно сказать, что он является душой всех революций Нового времени и революции как таковой.

⁷ Там же. § 9.

Глава III

ГОСПОДЬ НАШ ИИСУС ХРИСТОС И ЛИБЕРАЛИЗМ

Истина сделает вас свободными!

Господь Наш Иисус Христос

Объяснив, почему либерализм является бунтом человека против естественного порядка, задуманного создателем, бунтом, который ведет к обществу, основанному на принципах индивидуализма, равенства и замкнутости, мне остается показать, что он вторгается и в сверхъестественный порядок, в область Искупления, то есть, в конечном счете, что целью либерализма является упразднение власти Господа Нашего Иисуса Христа как над отдельным человеком, так и над обществом.

Затрагивая сверхъестественный порядок, либерализм провозглашает независимость еще двух типов, на которых я и остановлюсь сейчас.

1. *«Независимость разума и науки по отношению к вере: это рационализм, для которого разум, самовластный судья и мера истины, является самодостаточным и отвергает всякое стороннее господство».*

Именно это и называют *рационализмом*.

На сей раз либерализм стремится освободить разум от веры, которая предписывает нам догматы, которые сформулированы раз и навсегда и которым должен повиноваться наш ум. Простое допущение того, что некоторые истины могут превосходить способности разума, оказывается неприемлемым. Догматы, таким образом, должны пропускаться через сито разума и науки, причем постоянно, с учетом все новых достижений научного прогресса. Чудеса Иисуса Христа, удивительные эпизоды жизни святых подлежат новому истолкованию, демифологизации. Следует-де тщательно различать «Христа веры», это порождение веры апостолов и раннехристианских общин, и «Христа истории», который был обыкновенным человеком. Насколько же рационализм противоречит божественности Господа Нашего Иисуса Христа и божественному откровению!

Я уже говорил о том, что французская революция 1789 года была совершена под знаком богини Разума. Уже на фронтисписе «Энциклопедии» Дидро (1751) было изображено коронование Разума. Сорок лет спустя обожествленный Разум стал предметом массового религиозного культа:

«20 брюмера (10 ноября 1793 года), через три дня после того, как священнослужители во главе с архиепископом Гобелем были „расстрижены“ в присутствии Национального собрания, Шометт предложил посвятить этому дню, когда „разум вновь обрел свою империю“, торжественное празднество. Эту благородную идею поспешили воплотить в жизнь, и было решено провести грандиозную церемонию в честь Культа Разума в соборе Парижской Богородицы, который был срочно украшен стараниями живописца Давида. На вершине горы, сделанной из папье-маше, ус-

тановили небольшой греческий храм для Богини Разума, которой была назначена красивая танцовщица, преисполнившаяся гордости. Девушки в цветочных венках, выстроившись рядами, пели гимны. Когда праздник завершился, процессия исполнителей и собравшихся, окруживших Богиню Разума, прошествовала в национальный Конвент, где президент обнял богиню».¹

Впрочем, этот слишком радикальный рационализм не нравился Робеспьеру. Когда в марте 1794 года он уничтожил «фанатиков»...

«Ему показалось, что его всеислие должно основываться на добротных теологических основаниях и что следует устроить коронование его творения, установив Культ Верховного Существа, главным жрецом которого будет он сам. 18 флореаля II года (7 мая 1794 года) он произнес речь „о связи религиозных и моральных идей с республиканскими принципами и о национальных праздниках“, которую Конвент постановил опубликовать. Робеспьер убеждал в своей речи, что „идея Верховного существа и бессмертия души“ является постоянным призывом к правосудию и что, следовательно, это общественная и республиканская идея. Новый культ должен был стать культом добродетели. Был принят декрет, согласно которому французский народ признавал две аксиомы робеспьеровской теологии, и на фронтонах церкви поместили надпись, извещающую о нововведении. Далее в декрете следовал список нерабочих праздничных дней, занимавший два столбца: первым в списке шел праздник „Верховного существа и Природы“; отмечать его решено было 20 прериала (впервые — 8 июня 1794 года). Празднование действительно состоялось: она началось в саду Тюильри, где палач-великан предал огню чудовищное чучело атеизма, Робеспьер произнес таинственную речь, а собравшиеся исполнили гимны; затем процессия, возглавляемая запряженной восемью быками ко-

¹ *Daniel Rops. L'Eglise des révolutions. P. 63.*

лесницей, украшенной красной тканью, в центре которой, среди колосьев и листьев, возвышалась статуя Свободы, прошла до Марсова Поля».²

Само пустословие рационализма, сами «вариации» этой «религии в пределах только разума»,³ достаточно свидетельствуют об их лживости.

2. *«Независимость человека, семьи, профессии и, главное, государства по отношению к Богу, Иисусу Христу, Церкви; это, в зависимости от точки зрения, — натурализм, лаицизм, вольнодумство (или индифферентизм) [...] и тем самым — официальное отступничество народов, отвергающих земное царствие Иисуса Христа и не признающих божественный авторитет Церкви».*

Это заблуждение я проиллюстрирую несколькими комментариями:

Натурализм утверждает, что человек ограничен природным миром и никоим образом не предназначен Богом к сверхъестественному состоянию. Истина заключена в обратном: человек был создан Богом не в состоянии чистой природы. Сначала Бог сотворил человека в сверхъестественном состоянии: как было сказано на Тридентском соборе, Бог сотворил первого человека «в состоянии здоровья и справедливости» (Dz 788). То, что человек оказался лишен освящающей благодати, стало следствием первородного греха, но Искупление сохраняет замысел Бога: человек остается предназначен к сверхъестественному порядку. Бытие, ограниченное естественным порядком, является для человека *жестоким состоянием*, которое Бог не одоб-

² Ibid. P. 63—64.

³ Название книги Канта (1793).

ряет. Послушаем слова кардинала Пия, показывающего, что естественное состояние не является дурным в себе, но что дурно низведение к нему сверхъестественного порядка:

«Учите, следовательно, тому, что человеческий разум имеет свое собственное могущество и свои исключительные прерогативы; учите, что философская добродетель обладает моральной и внутренне присущей ей добротой, которую — в отдельных людях или же народах — Бог не забывает вознаградить естественными и временными благами, а иногда и высочайшими почестями. Но также учите, приводя доводы, неотделимые от самой сущности христианства, тому, что естественные добродетели, естественные познания не могут привести человека к его конечной цели, каковая есть небесная слава.

Учите тому, что догмат обязателен, что сверхъестественный порядок, в котором образовал нас формальным актом своей воли и своей любви сам автор нашей природы, неприменим и неизбежен; *учите тому, что Иисус Христос не является выбором и что за пределами его закона, явленного в откровении, нет и никогда не будет подлинно философической и безмятежной сферы, в которой кто бы то ни было, изысканная или простая душа, могла бы найти покой для своей совести и правило для своей жизни.*

Учите тому, что важно не только чтобы человек делал добро, но важно, чтобы он делал добро во имя веры, посредством сверхъестественного движения, без чего его деяния не достигнут конечной цели, назначенной ему Богом, то есть вечного счастья небес...».⁴

Таким образом, в состоянии человечества, которое именно таким продиктовано волей Бога, общество не мо-

⁴ *Cardinal Pie, évêque de Poitiers. Œuvres. T. II. P. 380—381; цит. в кн.: Jean Ousset. Pour qu'il règne. P. 117.*

жет ни выстроиться, ни существовать за пределами Господа Нашего Иисуса Христа. Об этом говорит поучение святого Павла:

«Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле [...] все Им и для Него создано. И Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1, 16—17).

Замысел Бога заключается в том, чтобы «все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1, 10), то есть привести все вещи к одному началу, ко Христу. Папа святой Пий X взял эти же слова святого Павла в качестве своего девиза: «*omnia instaurare in Christo*», все установить, все восстановить во Христе — не только религию, но и светское общество:

«Нет, Преподобные Братья, — следует настоятельно напомнить в наши времена общественной и интеллектуальной анархии, когда каждый преподносит себя в качестве мудреца и законодателя, — нельзя построить общество иначе, нежели оно построено Богом; нельзя возвести общество, если Церковь не заложит его основы и не будет руководить строительством; нет, нельзя вновь изобрести цивилизацию, нельзя построить новый град в облаках. Цивилизация была и есть — христианская цивилизация, вселенский град. Следует лишь устанавливать и восстанавливать его снова и снова на его естественных и божественных основаниях в ответ на все возобновляющийся натиск опаснейшей утопии, бунта и святотатства: „*omnia instaurare in Christo*”». ⁵

Жан Уссе в своей важнейшей книге «Пусть Он царит», во второй ее части «Враги земного царствия Господа Нашего Иисуса Христа», дает замечательный разбор

⁵ Письмо о «Нашем апостольском бремени» от 25 августа 1910 г. Ст. 430.

натурализма; он выделяет три его категории: во-первых, «агрессивный, или открыто провозглашаемый, натурализм», который отрицает само существование сверхъестественного, — натурализм рационалистов (см. выше); во-вторых, умеренный натурализм, который не отрицает сверхъестественное, но отказывает ему в превосходстве и считает все религии проявлениями религиозного чувства, — натурализм модернистов; и, в-третьих, непоследовательный натурализм, который признает существование сверхъестественного и его божественное превосходство, однако считает его «предоставленным выбору», — это практический натурализм многочисленных стихийных христиан.

Лаицизм — это натурализм политический: им утверждается, что общество может и должно выстраиваться — и что оно может спокойно существовать — без всякой оглядки на Бога и религию, без уважения к Иисусу Христу, без признания прав Иисуса Христа на царство, которое требовало бы закладки Его доктрины в основание всего светского законодательства. Лаицисты стремятся отделить государство от Церкви (чтобы оно не благоприятствовало католической религии и не признавало ее интересы своими) и Церковь от государства (чтобы она имела права, равные правам всех прочих сообществ перед государством безотносительно к ее божественному авторитету и всемирной миссии). Вводится, причем подчас в обязательном порядке, «общественное» и светское, то есть атеистическое, образование и даже воспитание. Лаицизм — это государственный атеизм под другим именем!

Я еще вернусь к этому заблуждению, которое, будучи свойственно современному либерализму, оказалось поддержано II Ватиканским Собором, провозгласившим религиозную свободу.

Индифферентизм объявляет непринципиальным выбор человеком того или иного вероисповедания. Пий XI, осуждая это заблуждение, формулирует его следующим образом: «человек свободен принимать и исповедовать религию, которую, руководствуясь светом своего разума, он сочтет истинной» («Силлабус», осуждаемое положение № 15); «люди могут находить путь спасения в исповедании любой религии» (№ 16); «следует надеяться на вечное спасение всех тех, кто никоим образом не принадлежит к истинной Церкви Христа» (№ 17).

Рационалистические и модернистские корни этих положений очевидны. Описанное заблуждение дополняется *индифферентизмом государства* по отношению к религии: государство в принципе полагает себя неспособным (агностицизм) установить истинность одной религии и обязанным предоставить свободу всем вероисповеданиям. Оно может признавать за католической религией фактический приоритет, если ее исповедует большинство граждан, но полагать ее *истинной* значило бы для него способствовать восстановлению теократии и во всяком случае возлагать на государство не свойственную ему функцию — требовать от него суждения об истинности или ложности той или иной религии.

Об этом глубоком заблуждении, равно как и о католической доктрине земного Царства Господа Нашего Иисуса Христа счел своим долгом напомнить императору Франции Наполеону III монсеньор Пий (который еще не был тогда кардиналом). В памятной беседе он с апостольской твердостью преподал монарху урок христианского права, того, что именуется *публичным правом Церкви*. Фрагментами этого прославленного текста я и хотел бы завершить эту главу.

Беседа состоялась 15 марта 1856 года, как сообщает нам об этом отец Теотим де Сен-Жюст, по книге которого я буду ее цитировать.⁶ В ответ на кичливые слова императора о том, что он сделал для религии больше, чем сама Реставрация,⁷ епископ отвечал:

«Спешу воздать должное религиозным наклонностям Вашего Величества и должен признать, Сир, что вы много сделали для Рима и Церкви, особенно в первые годы вашего правления. Возможно, что Реставрацией было сделано меньше, чем сделали вы. Однако позвольте мне добавить, что ни Реставрация, ни вы не сделали для Бога то, что нужно было сделать, ибо ни ею, ни вами не был восстановлен его престол, ибо ни ею, ни вами не были отринуты принципы революции, хотя вы и предприняли борьбу с ее практическими последствиями, ибо мирским евангелием, которым руководствуется государство, по-прежнему остается декларация прав человека, каковая, Сир, есть не что иное, как формальное отрицание прав Бога.

Между тем именно Богу принадлежит право руководить и государствами, и отдельными людьми. В этом-то и заключается цель пришествия Господа Нашего на землю. Он должен царить здесь, вдохновляя законы, освящая обычаи, наставляя просвещение, руководя советами, направляя действия правительства и управляемых им людей. Везде, где Иисус Христос не вершит эту власть, имеют место раздор и упадок.

Я же вправе поведать вам, что Он не царит среди нас и что наша конституция отнюдь не является конституцией

⁶ P. *Théotime de Saint-Just*. *La Royauté sociale de N. S. Jésus-Christ, d'après le cardinal Pie*. Paris: Bauchesne, 1925. 2 éd. P. 117—121.

⁷ Реставрация обозначает восстановление монархии Людовиком XVIII после Великой Французской революции и Первой империи. К несчастью, эта Реставрация установила либеральную норму свободы вероисповедания.

христианского и католического государства. Наше публичное право прямо говорит о том, что католическая религия является религией большинства французов, но затем оно добавляет, что *другие вероисповедания имеют право на равную защиту*. Не означает ли это, что конституция в равной степени охраняет истину и заблуждение? Увы, это так! Знаете ли вы, Сир, что Иисус Христос отвечает виновным в таком противоречии правительствам? Иисус Христос, Царь небесный и земной, отвечает им: „И я тоже, о правительства, следующие одно за другим, свергая друг друга, обеспечиваю вам равную защиту. Я обеспечивал эту защиту императору — вашему дяде; я обеспечивал такую же защиту Бурбонам, такую же защиту Луи-Филиппу, такую же защиту Республике, и такая же защита будет обеспечена вам”».

Император прервал епископа: «Но неужели вы считаете, что эпохе, которую мы переживаем, подобает такое устройство, что сейчас подходящий момент для установления того всецело религиозного царства, о котором вы меня просите? Не думаете ли вы, Ваше Преподобие, что это разбудило бы вредные страсти?»

«Сир, когда крупные политики, подобные вам, Ваше Величество, говорят, что сейчас неподходящий момент, я вынужден уступить, ибо не являюсь крупным политиком. Но я епископ и, как епископ, я отвечаю им: „Коль скоро сейчас неподходящий момент для царствия Иисуса Христа, что ж, это означает, что сейчас неподходящий момент для сохранения правительств”».⁸

* * *

Закljučая две эти главы о различных сторонах либерализма, я попытаюсь показать самую сущность того избавления, которое он предлагает людям в отдельности и чело-

⁸ Histoire du cardinal Pie. T. I, L. II, chap. II. P. 698—699.

всеческим обществам. Как я объяснял, либерализм — это душа любой революции, и в равной степени, с XVI века, либерализм — вездесущий враг Господа Нашего Иисуса Христа, воплощенного Бога. Поэтому я без малейших сомнений могу утверждать, что либерализм тождествен революции. Либерализм — это революция, причем радикальная революция, во всех без исключения областях.

Монсеньор Гом посвятил Французской революции строки, которые, как мне кажется, характеризуют также и либерализм:

«Если, сорвав с нее [то есть с революции] маску, вы спросите: кто ты? — она скажет вам: „Я не то, что обо мне думают. Многие говорят обо мне, но мало кто меня знает. Я — не карбонаризм [...], не смута [...], не замена монархии республикой, не смена одной династии на другую, не временное нарушение общественного порядка. Я — не озлобленные крики якобинцев, не бешенство Горы, не бои на баррикадах, не разграбления, не поджоги, не земельный закон, не гильотина, не потоки крови. Я — не Марат, не Робеспьер, не Бабеф, не Мадзини, не Кошут. Эти люди — мои сыновья, но они — не я. Эти вещи — мои создания, но они — не я. Эти люди и вещи — временные факты, я же — постоянное состояние.

Я — ненависть ко всякому порядку, который установлен не человеком и в котором человек не является царем и Богом одновременно. Я — провозглашение прав человека без уважения к правам Бога. Я — закладка воли человека, а не воли Бога в основание религиозного и светского государства. Я — низложенный Бог и человек, занявший его место. Вот почему мое имя — Революция, то есть ниспровержение...”⁹

⁹ *Mgr Gaume. La Révolution, Recherches historiques. Lille: Secrétariat Societé Saint Paul, 1877. Т. I. P. 18. Цит. в кн.: Jean Ousset. Pour qu'il règne. P. 122.*

Глава IV

СКОВЫВАЕТ ЛИ ЗАКОН СВОБОДУ?

Свобода заключается в том, чтобы светские законы облегчали нашу жизнь в повиновении закону вечному.

Лев XIII

Я не смог бы выразить лучше те бедствия, которые произвел во всех областях либерализм и о которых шла речь в предыдущей главе, чем это сделано в пастьерском послании епископов, написанном сто лет назад, но не утратившем актуальности и век спустя:

«В настоящий момент, когда либерализм является заблуждением, охватившим умы, и страстью, властвующей нашим веком, он, словно заразный воздух, окутывает со всех сторон политический и религиозный мир, будучи в высшей степени опасным для общества и отдельно взятого человека.

Столь же беспричинный, сколь несправедливый и жестокий враг католической Церкви, он собирает в пучок, в один бессмысленный хаос, все орудия разрушения и смерти, чтобы упразднить ее на земле.

Он искажает представления, извращает суждения, помрачает сознания, порочит характеры, разжигает страсти, порабощает правителей, возмущает подданных и стремится не только задуть (если бы он только был на это способен) факел откровения, но и в бездумном и дерзком порыве угасить светоч самого естественного разума».¹

Формулировка либерального принципа

Возможно ли открыть в этом хаосе заблуждений, в этом столь многообразном помрачении основополагающий принцип, который объяснял бы всё? Вслед за аббатом Русселем я сказал вам: либерал — это фанатик независимости. В этом и заключен основополагающий принцип. И все же внесем уточнения.

Кардинал Бийо, теологические трактаты которого были моими учебниками в Григорианском университете и во Французской семинарии в Риме, посвятил либерализму пламенные и прозорливые строки в своем трактате о Церкви.² Вот как он формулирует основополагающий принцип либерализма:

«Свобода есть фундаментальное, священное и неотъемлемое благо человека, посягать на которое каким-либо вмешательством не позволено никому; следовательно, эта безграничная свобода должна быть неподвижным камнем, с опорой на который будут строиться все отношения между людьми, незыблемой нормой, согласно которой будут судить обо всех вещах с точки зрения права; в таком случае правым, справедливым, добрым будет считаться в обществе то, что продиктовано принципом неотъемлемой инди-

¹ Пастырское письмо епископов Эквадора к прихожанам их епархий (15 июля 1885). Цит. в кн.: *Don Sarda y Salvany. Le libéralisme est un péché*. P. 257—258.

² *Le cardinal Billot. De Ecclesia*. Т. II. P. 19—63.

видуальной свободы; а незаконным и порочным — все остальное. Таков был ход мысли вершителей революции 1789 года — революции, чьи горькие плоды по сей день пожинает весь мир. Такова суть „Декларации прав человека” от первой до последней строки. Такова, наконец, была отправная точка, необходимая идеологам для полного переустройства общества в политическом, экономическом, а главное — в моральном и религиозном планах».³

Но разве не является свобода, — спросите вы, — достоинством просвещенных людей? Разве не должна она быть основой общественного порядка? — Внимание! — ответу вам я. О какой свободе вы говорите? Этот термин имеет различные значения, не смешивающиеся друг с другом, вопреки ухищрениям либералов.

Бывает свобода и свобода...

Позволим себе немного философии. Простейшее суждение показывает, что существует три вида свободы.

1) **Психологическая свобода**, или свободный арбитр, свойственна разумным существам и представляет собой способность определять свое отношение к тому или иному благу независимо от всякой внутренней необходимости (рефлексы, инстинкты и т. п.). Свободный арбитр определяет исключительное достоинство человеческой личности, состоящее в том, что она *sui juris*, самостоятельна и, следовательно, — в отличие от животного — ответственна.

2) **Моральная свобода** относится к использованию свободного арбитра, которое может быть благим, если из-

³ Мы цитируем перевод, сделанный с латинского текста П. Ле Флоком в кн.: *P. Le Floch. Le cardinal Billot lumière de la théologie.* P. 44.

бираемые средства ведут к достижению благой цели, и дурным, если они такой цели не содействуют. Как видите, моральная свобода сущностно привязана к добру. Папа Лев XIII дает замечательное и очень простое ее определение: моральная свобода, — говорит он, — это «способность движения во благе». Таким образом, моральная свобода — не абсолют, она всецело соотносится с Благом, то есть в конечном счете с законом. Поскольку это закон, прежде всего — вечный закон, который заключен в божественном умозрении, затем — закон естественный, причастность к вечному закону разумной твари, этим законом определяется порядок, установленный творцом между целями, которые он назначает человеку (жизнь, приумножение, создание общества, приход к конечной цели — *Summit Bonum*, каковая есть Бог), и средствами достижения этих целей. Закон не враждебен свободе, наоборот, он — ее необходимая поддержка, и это относится также к светским законам, достойным своего имени. Без закона свобода принижается до *вседозволенности*, заключающейся в том, чтобы «делать то, что заблагорассудится». Некоторые либералы, представляя эту моральную свободу как абсолют, как раз и проповедают вседозволенность, свободу делать добро или зло, верить истине или лжи без различия между ними. Но разве не очевидно, что возможность не следовать добру является вовсе не сущностью и не совершенным выражением свободы, а признаком несовершенства павшего человека? Более того, свобода грешить, как поясняет святой Фома,⁴ есть не свобода, а рабство: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Иоан. 8, 34).

Напротив, та свобода, которая руководима законом, поддерживаема бесценными перилами, достигает своей цели. Вот что говорит по этому поводу Папа Лев XIII:

⁴ В комментарии к словам Иисуса Христа в Евангелии от Иоанна.

«Коль скоро условия человеческой свободы таковы, ей требуется защита, ей требуется помощь и поддержка, позволяющие направить все ее устремления к благу и отвлечь их от зла; без таковых свобода была бы крайне вредна для человека. — И в первую очередь ей необходим закон, то есть правило того, что следует и что не следует делать».⁵

Лев XIII заключает свое рассуждение восхитительным, я бы сказал, всеобъемлющим определением свободы:

«В обществе людей свобода, заслуживающая своего имени, заключается не в том, чтобы делать все, что нам нравится, — будь так, она вызывала бы в государстве крайний беспорядок, смуты, которые кончались бы подавлением; свобода заключается в том, чтобы светские законы облегчали нашу жизнь в повиновении закону вечному».⁶

3) И, наконец, существует *физическая свобода*, или свобода действия, свобода в отношении принуждения, заключающаяся в отсутствии внешнего принуждения, которое мешало бы нам действовать согласно нашей совести. Именно из этой свободы либералы делают абсолют, и именно эта ее концепция в особенности требует от нас анализа и критики.

Естественный порядок и естественный закон

Но прежде я хотел бы обратить внимание на существование естественного порядка и естественного закона, так как либералы с готовностью признают законы, но только законы, установленные самим человеком, и отвергают всякий порядок (или уложение, или посвящение) и всякий закон, авторство которых человеку не принадлежит!

⁵ Энциклика «*Libertas*» от 20 июня 1888. Ст. 179.

⁶ Там же. Ст. 185.

То, что существует естественный порядок, предусмотренный создателем для минеральной, растительной, животной и, в том числе, человеческой природы, является научной истиной. Ни один ученый не станет отрицать наличие законов, заключенных в природе вещей и людей. Действительно, что такое научные исследования, на которые расходуются миллиарды? Разве это не поиск законов? Часто говорят о научных изобретениях, однако в этом содержится ошибка: ничто не бывает изобретено, наука лишь открывает и учит использовать законы. И эти открываемые законы, эти постоянные отношения между вещами, не являются творением ученых. То же самое относится и к законам медицины, регулирующим здоровье, и к законам психологии, регулирующим собственно человеческую деятельность: этим законам повинуются все, и человек не устанавливает их, но находит уже установленными в человеческой природе. Но, когда речь заходит о нахождении моральных законов, регулирующих человеческие действия по отношению к великим предназначениям человека, либералы принимаются толковать исключительно о плюрализме, творческом начале, непосредственности, свободе; согласно им, каждый человек или каждая философская школа способны сами выстроить собственную этику, словно человек в той части своей природы, которая повинуется разуму и воле, не является творением Бога!

Выходит, человеческая душа создала — или создаст — себя сама? Между тем очевидно, что при всей их сложности и при всем их отличии друг от друга души следуют одному и тому же образцу, одной и той же природе. Будь то душа южноафриканского зулуса или новозеландского маори, душа святого Фомы Аквинского или Ленина, это всегда человеческая душа. Лучше понять, что я имею в виду, поможет сравнение: в наши дни, покупая более или менее сложную вещь — стиральную машину, фотоаппарат

или компьютер, — мы обязательно просим приложить к ним инструкцию. Всегда существует закон, согласно которому ими следует пользоваться, правило их наилучшего употребления, при соблюдении которого они будут работать правильно, следовать, я бы сказал, своей цели. И правило это создано тем, кто разработал ту или иную машину, а не домохозяйкой, которая, впрочем, тоже может отстаивать свободу распоряжения пуговицами и спицами! Отношения между нашей душой и Богом — разумеется, с учетом разницы в масштабе — могут быть описаны похожим образом. Бог дает нам душу, он создает ее и, следовательно, по необходимости предписывает нам законы: тем самым он дает нам возможность пользоваться душой для достижения наших целей и в первую очередь — нашей конечной цели, каковая есть сам Бог, познаваемый и любимый нами в жизни вечной.

— Да нам это не нужно! — воскликнут либералы. — Законы человеческой жизни должен устанавливать человек. Но в таком случае, если человека заставляют жить вопреки законам его природы, стоит ли удивляться тому, что он становится невротиком? Представьте себе деревья, избавленные от законов растительного мира, — они бы погибли, это очевидно! Деревья, которые отказались бы накапливать в себе соки, или птицы, которые отказались бы искать себе пищу из-за того, что эти условия им не нравятся, просто погибли бы. Не следовать своему закону — закону, который предписывается их природным инстинктом, — равносильно смерти. Причем человек, в отличие от животных, не подчиняется слепому инстинкту: Бог наделил нас бесценной способностью разума именно с тем, чтобы, осознавая закон, который нами управляет, мы могли сами, свободно, направить себя к цели, в то же время не отвергая закон. Вечный закон, естественный закон, сверхъестественный закон и другие, следующие из названных, —

человеческие, светские, церковные — все эти законы существуют ради нашего блага, в них наше счастье. Без порядка, предположенного Богом, без законов свобода была бы для человека отравленным подарком. Такова реалистическая концепция человека, которую Церковь в меру своих сил защищает от либералов. Так, подвиг поборника естественного и христианского порядка под натиском либерализма был одной из заслуг великого папы Пия XII.

В заключение, возвращаясь к свободе, скажем коротко, что она невозможна в отрыве от веры: это две взаимно дополнительные реалии, которые бессмысленно разделять и противопоставлять:

«Правило свободы не только для отдельных людей, но и для человеческих обществ, следует искать единственно в вечном законе Бога».⁷

⁷ Энциклика «Libertas». Ст. 184.

Глава V

БЛАГОТВОРНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Думай не о том, что ты принужден, но о том, к чему ты принужден — к добру или же ко злу.

Святой Августин

Либерализм, как я уже говорил, представляет свободу действия, определенную в предыдущей главе как избавление от всех принуждений, в виде некоего абсолюта, цели в себе. Предоставлю кардиналу Бийо проанализировать и опровергнуть эту основополагающую гипотезу либералов:

«Фундаментальный принцип либерализма, — пишет он, — заключается в свободе от какого бы то ни было принуждения, не только от насильственного и направленного исключительно на внешние действия, но также и от принуждения, которое проистекает из страха перед законами и наказаниями, общественными обязанностями и необходимостями, словом, перед всякого рода связями, мешающими человеку действовать согласно его естественной склонности. Эта индивидуальная свобода является для либералов преимущественным благом, фундаментальным, неотъемлемым благом, перед которым должно отступить

все, за исключением разве что сугубо материальных требований общества; свобода для них — это благо, которому подчинено все остальное, необходимый фундамент всякого общественного здания».¹

Но «это абсурдный, противосущественный и химерический принцип», — добавляет кардинал Бийо. И подвергает его критическому анализу, который я хотел бы пересказать и прокомментировать.

Либеральный принцип абсурден

Это абсурдный принцип: *incipit ab absurdo*, он исходит из абсурда, утверждая, что принципиальным благом для человека является отсутствие всякой связи, могущей стеснить или ограничить свободу. Благо для человека должно мыслиться как *цель*, как нечто желаемое в себе. Тогда как свобода, свобода действия, есть не что иное, как *средство*, способность, могущая позволить человеку приобрести некое благо. Поэтому она всецело связана с тем, как ее используют: свобода хороша, если ее используют во благо, и дурна, если ее используют во зло. Таким образом, она не является целью в себе, а значит, не может быть принципиальным благом для человека.

Согласно либералам, принуждение всегда является злом (исключая случаи, когда с его помощью обеспечивается общественный порядок). Но очевидно, что, скажем, тюрьма является благом для злодея не только потому, что тем самым поддерживается общественный порядок, но и потому что виновный получает тем самым наказание и возмездие. Таким же образом цензура прессы, практикуемая и либералами в борьбе с их врагами, — в подтвержде-

¹ *Le cardinal Billot. De Ecclesia. T. II. P. 45—46.*

ние пословицы (либеральной?) «нет свободы для врагов свободы», — является благом как таковая не только как поддержание общественного спокойствия, но и как защита общества от яда заблуждения, сбивающего с пути умы.

Следовательно, надо заключить, что принуждение не является злом в себе, а с моральной точки зрения является даже *quid indifferens in se* — вещью, нейтральной в себе; все зависит от цели его использования. Об этом же говорит святой Августин, один из учителей церкви, в письме к Винценту:

«Теперь ты, я полагаю, понимаешь, что думать следует не о том, что ты принужден, но о том, к чему ты принужден — к добру или же ко злу. Это не означает, что человек может стать добрым вопреки своей воле, но это означает, что боязнь того, чему ты не хочешь подвергнуться, кладет конец упрямству, мешавшему тебе, и подталкивает к нахождению истины, которой ты не ведал; он заставляет отвергнуть ложное, которое ты принимал, и искать истинное, которого ты не знал, чтобы в итоге ты стал желать того, чего не желал прежде».²

Я сам не раз выступал на II Ватиканском Соборе с возражениями против либеральной концепции свободы в приложении к свободе религиозной — концепции, согласно которой свобода определяется как отсутствие всякого принуждения. Вот что я говорил:

«Человеческая свобода не может пониматься как избавление от всякого принуждения, ибо это грозит упразднением всех авторитетов. Принуждение может быть физическим или духовным. Духовное принуждение в религиозной области весьма полезно и о нем неоднократно говорится в

² *Saint Augustin. Lettre 93, ad Vincentium. № 16, PL 33, 321—330.*

Священном Писании: „Боязнь Бога есть начало мудрости”». ³

«Заявленный в № 28 отказ от принуждения двусмыслен, а с некоторых точек зрения и ложен. В самом деле, как быть с отцовской властью глав христианских семей над их детьми? Как бы с авторитетом учителей в христианских школах? Как быть с авторитетом Церкви над отступниками, еретиками, раскольниками? Как быть с авторитетом глав католических государств над ложными религиями, которые приносят с собой имморализм, рационализм и т. п.»⁴

Трудно, мне кажется, найти лучшее определение абсурдности, которую кардинал Бийо усматривает в либерализме, чем то, которое дал папа Лев XIII:

«Ни в каких словах и ни в каком представлении не может быть большей абсурдности и большего противоречия здравому смыслу, чем в утверждении: человек, будучи свободен от природы, должен быть избавлен от всякого закона».⁵

Иначе говоря: я свободен, значит, мне следует предоставить свободу! Разъяснив этот лозунг, мы обнаружим в нем софизм: я свободен от природы, наделен свободным арбитром, следовательно, я свободен и от всякого закона, от всякого принуждения надо мной под страхом наказаний. Или же законы должны быть очищены от принудительности. Но это означало бы смерть законов: ведь человек — не ангел, не все люди — святые!

³ Обращение, направленное в Секретариат Собора 30 декабря 1963 г.

⁴ Устное выступление на заседании Собора в октябре 1964 г.

⁵ Энциклика «*Libertas*». Ст. 180.

Дух обновления и либерализм

Здесь я хотел бы сделать небольшое отступление. Либерализм — это весьма серьезное заблуждение, исторические истоки которого я попытался очертить выше. Но существует дух обновления, который, не будучи открыто либеральным, обнаруживает либеральные наклонности. Он заявляет о себе с XVI века у католических авторов, не замеченных в симпатиях к натурализму или протестантизму. И все же нет сомнения, что именно этим духом отмечены суждения, подобные следующему: «Я свободен, покуда меня не ограничивает закон». ⁶ — Разумеется, всякий закон ограничивает свободу действия, однако дух Средневековья, тот дух естественного и христианского порядка, о котором мы говорили выше, всегда рассматривал закон и связанные с ним принуждения прежде всего как поддержку и обеспечение истинной свободы и только затем — как ограничение. — Вопрос акцентов? — спросите вы. — Я отвечу: нет! Это сущностный вопрос, характеризующий начало глубокого сдвига в мировоззрении: мир, обращенный к Богу как конечной цели, достичь которой нужно любой ценой, мир, всецело устремленный к Высшему Благу, пошатнулся под натиском нового мира, привязанного к человеку, озабоченного привилегиями человека, его правами и свободой.

⁶ Франсиско Суарес (1548—1617) выражает этот дух в такой формуле: «*homo continent libertatem suam*» — «человек — хозяин своей свободы», — в том смысле, что свобода предшествует закону (*François Suarez S. J. De bon. et mal. hum. act. Disp. XII, sect. V. P. 448; цит. в: DTC XIII, 473*). Авторы, верные духу томизма, как, например, Лев XIII, не признавали этого разделения двух строго соотносящихся друг с другом реалий.

Глава VI

НЕОБХОДИМОЕ НЕРАВЕНСТВО

Природа действует посредством власти и неравенства, она противится прямым углам и нелепой гипотезе либерализма и демократии.

Шарль Моррас

Противоестественный индивидуализм

Продолжим анализ либерального принципа: по словам кардинала Бийо, это противоестественный принцип, поскольку «он утверждает, что все должно отступить перед благом индивидуальной свободы, что общественные обязанности лишь чинят препятствия этой свободе и что идеальным для человека является режим, при котором царил бы закон чистого и абсолютного индивидуализма». Но «этот индивидуализм, — добавляет автор, — глубоко противен человеческой природе».

Вы, конечно, узнали индивидуалистский либерализм Жан-Жака Руссо, который мы встречаем в сердцевине всякой современной политической мысли. Согласно Руссо, люди рождаются свободными, не связанными никаким

принуждением, по природе своей асоциальными, созданными для уединенной жизни в джунглях, которая и составляет их счастье. Причиной их несчастий и неравенства становится введение частной собственности, вызывающее конфликты — «положение войны всех против всех». Если люди в этот момент образуют общество, то вовсе не по необходимости, определяемой их природой, но единственно по решению их свободной воли, находя в обществе своего рода запасной выход из этого положения, при котором человек человеку волк. В обществе нет ничего естественно-го, оно насковзь конвенционально по своему историческому происхождению и по своему устройству; и конвенцией его является «общественный договор».¹

Эта теория заведомо опровергнута уже святым Фомой Аквинским, который доказывает *общественную природу* человека, обращая внимание на то, что человек — это животное, практически не имеющее, вступая в мир, естественных средств самостоятельного выживания, а также на то, что в зрелом возрасте люди не могут в одиночку удовлетворять все свои потребности и вынуждены помогать друг другу.² Я хотел бы порекомендовать вам также замечательные суждения современного политического мыслителя Шарля Морраса (1868—1952), который вслед за святым Фомой безоговорочно развенчивает руссоистскую мифологию индивидуализма и равенства и говорит, напротив, о «защитном неравенстве».³ А сейчас лишь присоединюсь к тому, что говорит по этому поводу Лев XIII в своей энциклике, посвященной корням политической власти:

¹ Cp.: *Baltasar P., Argos S. J. Catéchisme politique. Orme Rond, 1981. P. 58.*

² Cp.: *Saint Thomas. De Regimine principum. L. I, ch. I.*

³ *Charles Maurras. Mes idées politiques, la politique naturelle. P. 17 sq.*

«Глубокое заблуждение этих философов заключается в том, что они оказываются слепы к очевидному — к тому, что люди не являются некоей дикой и одинокой расой и что жизнь в обществе — это их естественное положение, предшествующее всякому решению их воли».⁴

Химерическое равенство

Принцип равенства является химерическим, согласно кардиналу Бийо, «прежде всего потому, что он никак не согласуется с реальностью: он предполагает в начале всякого общества некий основополагающий договор. Где же он его находит? Он предполагает свободное вступление в общество для каждого человека. С этим еще хуже. Он предполагает, что все люди скроены в точности по одному образцу — в точности *равны* между собой, — будто существует некий абстрактный человек, миллионы раз воспроизводящийся без индивидуальных корректив. Где этот человек?» — *«Вы применяете общественный договор, кажущийся вам таким замечательным, — говорит Тэн, — и объясняете его только тем людям, для которых он придуман. Но это абстрактные люди, не принадлежащие ни к какой эпохе и ни к какой стране, чистые сущности, рожденные метафизической указкой»*.⁵

Лев XIII выражает эту же мысль в нескольких словах, следующих за только что процитированной фразой: «К тому же договор, которым так кичатся, есть чистейший плод воображения, химера».⁶

Я настаиваю на химерическом характере этого равенства, согласно которому люди рождаются равными или по

⁴ Энциклика «*Diuturnum*» от 29 июня 1881. Ст. 97.

⁵ *Hypolite Taine. La Révolution. T. I, L. II, ch. 2.*

⁶ Энциклика «*Diuturnum*» от 29 июня 1881 г. Ст. 97.

крайней мере равными по праву: «Люди рождаются и существуют свободными и равными в правах», — провозглашает первая статья Декларации прав человека и гражданина (1791). Прислушаемся к тому, что говорят об этом папы.

Папа Пий VI, подвергая особому осуждению II статью этой декларации,⁷ касается и самого принципа свободы-равенства, осуждая его и называя «химерой», «лишенными смысла словами»:

«Что такое эта свобода мысли и действия, которую Национальное собрание приписывает общественному человеку как неотъемлемое право, данное природой? Разве это химерическое право не противоречит правам верховного Создателя, которому мы обязаны существованием всего, чем обладаем? И можно ли не признавать того, что человек был создан не для себя одного, но для того, чтобы приносить пользу себе подобным? Ибо такова уж слабость человеческой природы, что, дабы выживать, люди нуждаются во взаимной помощи; вот почему они получили от Бога разум и владение речью, призванные употребляться к тому, чтобы люди обращались к помощи других и в свою очередь сами помогали тем, кто умоляет об их поддержке. Следовательно, сама природа сблизила людей между собой и объединила их в общество — еще и потому, что человек должен употребить свой разум прежде всего к тому, чтобы открыть для себя своего высшего творца, чтобы чтить его, восхищаться им, отдавая ему всю свою личность, все свое бытие; потому, что с детских лет он должен подчиняться тем, кто превосходит его по возрасту, вверять их воспитанию и урокам, учиться у них строить свою жизнь согласно законам разума, общества и религии;

⁷ «Свободное выражение мыслей и мнений является одним из ценнейших прав человека; каждый гражданин может свободно говорить, писать, публиковать свои суждения, исключая случаи злоупотребления этой свободой, оговоренные законом».

а эти столь превозносимые *равенство* и *свобода* являются для него с самого его детства не более чем *химерами* и словами, лишенными смысла». ⁸

Из этой свободы-равенства, якобы свойственной человеку от рождения, выйдет благодаря общественному договору и принцип народовластия; власть изначально принадлежит народу, а вовсе не Богу и не естественным авторитетам, установленным Богом: это важное следствие не обходит своим вниманием Пий VI.

Папа Лев XIII в свою очередь осуждает либеральный принцип равенства между людьми, воспринятый социалистами, и тщательно различает равенство, которым люди обладают вследствие их общей природы, и утвержденное в Евангелии неравенство вследствие различных общественных функций, которые они исполняют:

«Социалисты [...] без устали, как мы знаем, провозглашают, что все люди по природе равны между собой, и заключают из этого, что не нужно ни почитать, ни уважать власть, равно как и повиноваться законам, исключая те, которые приняты по их собственной прихоти.

Согласно евангельским документам, напротив, равенство людей заключается в том, что все они имеют одну и ту же природу, что общим для всех них призванием является высочайшее достоинство сына Бога и что вместе с тем, поскольку всем им предположена одна и та же цель, каждого должно судить по общему закону, назначая кары и поощрения согласно его заслугам. В то же время существует неравенство права и власти, исходящее от самого Творца природы, „от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле”». ⁹

⁸ Послание «*Quod aliquantulum*» от 10 марта 1791 к епископам Национального собрания Франции. Ст. 3.

⁹ Энциклика «*Quod apostolici*». Ст. 71—72.

Лев XIII напоминает наставление о покорности властям, данное святым апостолом Павлом: «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению (Рим. 13, 1—2)». Затем же понтифик учит, что иерархия, существующая в светском обществе, не является только лишь следствием воли людей, но что прежде всего она есть приложение божественного распорядка, высшего плана:

«Ибо тот, кто сотворил все вещи и управляет ими, расположил их в своей предвидящей мудрости так, что низшие достигают своей цели при посредстве средних, а средние — при посредстве высших. Подобно тому как он пожелал, чтобы в самом царстве небесном хоры ангелов были отличными и подчинялись друг другу, подобно тому как он установил в Церкви различные ступени орденов, имеющих различные функции, так чтобы не все были апостолами, не все богословами, не все пастырями (Рим. 13, 1—7), он установил и в светском обществе различные ордена, отличающиеся по достоинству, по правам и власти, чтобы государство, так же как и Церковь, составляло одно тело, образованное из великого множества членов, одни из которых пусть будут более чтимы, чем другие, но все пусть будут необходимы друг для друга и заботятся об общем благе».¹⁰

Мне кажется, что эти тексты ясно свидетельствуют о расхождении с реальностью основополагающего принципа либерализма свободы-равенства. Напротив, неоспоримый *природный факт* заключен в том, что человек на протяжении всей своей жизни является не взаимозаменяемым *индивидом*, но заведомо *членом*, составной частью, тела, которое было образовано, прежде чем он произнес свое

¹⁰ Энциклика «Quod apostolici». Ст. 74.

первое слово. И в этом теле на него возлагаются необходимые и благотворные обязанности. В этом теле, наконец, он обретает место, соответствующее его природным или приобретенным талантам, а также его сверхъестественным дарованиям, которым опять-таки свойственны благотворные иерархия и неравенство. Таков замысел Бога — Бога порядка, а не хаоса.

Глава VII

ИИСУС ХРИСТОС — ЦАРЬ РЕСПУБЛИК?

Не большинство создает истину, но истина должна создавать большинство.

Я еще вернусь к теме либерализма. Но сейчас мне хотелось бы подчеркнуть, что я предлагаю вам не просто свои личные суждения. Именно поэтому я опираюсь в большей степени на сочинения и выступления Пап, нежели на собственные убеждения, которые можно было бы списать на особенности моего начального образования, полученного во Французской семинарии в Риме. Отец Ле Флок, который возглавлял эту семинарию в пору моего учения, действительно имел репутацию весьма твердого традиционалиста. И обо мне можно было бы сказать: «Да он просто находится под влиянием того, что ему внушали в семинарии!» Что ж, я не отрицаю этого влияния, и более того, я каждый день благодарю Бога за то, что он дал мне в наставники и учителя отца Ле Флока. Тогда его упрекали в занятиях политикой; только Бог знает, является ли это преступлением, или совсем наоборот, — проводить политику Иисуса Христа и побуждать политиков к использованию всех законных средств, даже средств правосудия, для того чтобы изгнать из своего града врагов Господа На-

шего Иисуса Христа!¹ Но, собственно говоря, отец Ле Флок никогда не вмешивался в политику, даже в период заговора, предпринятого против «Аксьон франсез»,² и кризиса, случившегося как раз тогда, когда я был семинаристом.

Однако опасность модернизма, силлонизма, либерализма была постоянной темой бесед, которые вел с нами отец Ле Флок. Опираясь на энциклики Пап, он внушал нам глубокое, прочно обоснованное, подкрепленное незыблемой доктриной Церкви убеждение в опасности этих заблуждений. Это убеждение я и хочу передать вам, как факел, который передают своему потомству, как светоч, который предохранит вас от этих заблуждений, укоренившихся как никогда *in ipsis Ecclesiae venis et visceribus*, в самых жилах и внутренностях Церкви, по словам святого Пия X.

Теперь вы понимаете, что мои личные политические суждения, — например о режиме, который бы наилучшим образом подходил Франции, — не так уж важны. К тому же факты говорят сами за себя: демократия осуществила

¹ Тот факт, что епископы-левые проводят социалистическую или коммунистическую политику, вовсе не является поводом для отказа Церкви от политической деятельности как таковой! Церковь обладает властью, несомненно, косвенной, но реальной властью в светском мире и жизни града. Земное царство Господа Нашего Иисуса Христа составляет ее главнейшую заботу.

² «Аксьон франсез» — ежедневная газета и политическое движение, возглавлявшиеся Шарлем Моррасом, вели борьбу против либерального демократизма с позиций здоровой естественности. В натурализме их упрекали необоснованно. Папа Пий XI ошибся, осудив Французское действие. Его преемник, Папа Пий XII, впоследствии отменил эту санкцию. Но дело было сделано: 1926 г. ознаменовался во Франции решительным наступлением на Церковь либеральной клики так называемых «католиков-либералов».

то, о чем и не помышляла французская монархия: пять кровавых революций (1789, 1830, 1848, 1870, 1945), четыре иностранных вторжения (1815, 1870, 1914, 1940), два разграбления Церкви, с упразднением религиозных орденов, закрытием католических школ, секуляризацией институтов (1789 и 1901) и т. д. Однако, скажут некоторые, Папа Лев XIII потребовал «присоединения» французских католиков к республиканскому режиму³ (что, скажем в скобках, вызвало политическую и религиозную катастрофу). Другие же станут критиковать это решение Льва XIII, называя его, как и его автора, либеральными. Но я не думаю, что Лев XIII был либералом или тем более демократом. Нет, он просто хотел принять наилучшее для интересов французской религии политическое решение; при этом очевидно, что он не принял во внимание того, что французская демократия имела глубоко либеральные, масонские и антикатолические корни.

Демократическая идеология

Основанная на либеральном постулате о господствующем над всем человеке, демократическая идеология строится как его логическое продолжение: люди переходят к общественной жизни посредством условного соглашения, общественного договора, который, по словам Руссо, заключается в «полной передаче прав каждого присоединяющегося всему сообществу». Откуда следуют:

— необходимость *народовластия*: народ — властитель по необходимости, он правит от имени самого себя и сохраняет свою власть даже после избрания им правительства;

³ Ср. энциклику «Среди забот» от 16 февраля 1892, обращенную к епископам и верующим Франции.

— незаконность всякого режима, в основе которого не лежит народовластие или правящие силы которого утверждают, что властвуют от имени Бога.

Практически же выводы таковы:

— борьба за установление демократии во всем мире;

— «крестовый поход демократий» против всякого режима, ссылающегося на божественный авторитет и характеризусмого на этом основании как «церковный» или «абсолютистский». В этом отношении либеральной, а точнее — масонской, победой стал Версальский договор 1919 года, упразднивший последние поистине христианские монархии;⁴

— политическое правление большинства, призванного выражать обожествляемую и считаемую непогрешимой общую волю.

Когда речь заходит об этом демократизме, который, принимая обличье коллегиальности, проникает сейчас и в Церковь, я обычно повторяю: *большинство не создает истину*. А возможно ли построение сколько-нибудь устойчивого здания без опоры на истину и истинную справедливость по отношению к Богу и ближнему?

Осуждение демократической идеологии Папами

Папы всегда подвергали осуждению демократическую идеологию. Лев XIII высказался по отношению к ней *ex professo* в своей энциклике «*Diuturnum*», которую я уже цитировал:

⁴ Ср.: *H. le Caron. Le plan de domination mondiale de la contre-église*. P. 22.

«Многие наши современники, идя по следам самопровозглашенных философов предшествующего столетия, утверждают, будто всякая власть исходит от народа и что, как следствие, авторитет не принадлежит тем, кто им пользуется, по праву, но дается народом в качестве некоего поручения и с той оговоркой, что народ своей волей всегда может лишить уполномоченных переданной им власти.

Католики в этом расходятся с новыми властителями, они ищут право властвовать в Боге и видят в Боге естественный источник и необходимый принцип этого права.

Тем не менее следует отметить, что, когда дело касается назначения правящих сил в обществе, это назначение в некоторых случаях может быть предоставлено выбору и предпочтениям большинства без каких-либо препятствий со стороны католической доктрины. В самом деле, такой выбор определяет личность властителя, но не вручает ему прав на власть; им устанавливается не сам авторитет, но то, кем этот авторитет будет осуществляться».⁵

Следовательно, всякий авторитет исходит от Бога, даже при демократии!

Всякий авторитет исходит от Бога. Эта истина явлена в откровении, и Лев XIII подробно говорит о том, что она укоренена в Священном Писании, в традиции Отцов церкви и, наконец, в здравом смысле: авторитет, исходящий только лишь от народа, не имел бы силы предписывать по совести, под страхом греха:⁶

⁵ Энциклика «*Diuturnum*». Ст. 94.

⁶ Он вполне мог бы принуждать, угрожая наказаниями, но вовсе не таков, — подчеркивает Иоанн XXIII в «*Pacem in Terris*», — путь побуждения каждого к поиску общего блага! Авторитет — это прежде всего духовная сила.

«Ни один человек не обладает сам в себе тем, что нужно, чтобы связать узами совести свободную волю ему подобный, — только Бог, как всеобщий творец и законодатель, имеет такую власть; и те, кто ее вершит, должны прежде получить ее от Бога и вершить ее от имени Бога».⁷

И, наконец, Лев XIII показывает, насколько ложен лежащий в основании современной демократической идеологии общественный договор Руссо.

Церковь не осуждает демократическое устройство

Теперь я хотел бы остановиться на том, что не всякая демократия является либеральной. Существует демократическая *идеология* и существует демократическое *устройство*; и если Церковь осуждает эту идеологию, то она не осуждает это устройство, то есть *участие народа во власти*.

Уже святой Фома Аквинский оправдывал законность демократического устройства:

«Если каждому принадлежит некоторая доля в правлении, этим поистине поддерживается спокойствие народа, и все любят такое устройство и заботятся о его сохранении, как говорит Аристотель во второй книге своей „Политики”».⁸

Не отдавая предпочтения демократии, святой Фома считает наилучшим политическим режимом такую монархию, в которой гражданам принадлежит некоторая доля власти, например, выбор правителей низших по отношению к монарху ступеней: такое устройство, по его словам,

⁷ Энциклика «*Diuturnum*». Ст. 96.

⁸ *Saint Thomas d'Aquin*. I II, 105, I.

«должным образом соединяет монархию, аристократию и демократию».⁹

Французская монархия Старого режима, подобно многим другим, в общем и целом относилась именно к этому типу, что бы ни говорили либералы: между монархом и массой подданных существовала целая система, целая иерархия из множества промежуточных звеньев, которые отстаивали связанные с их компетенцией интересы при дворе.

В свою очередь католическая Церковь не возвышает то или иное устройство над прочими; она признает, что народы выбирают ту форму правления, которая в большей степени отвечает их собственному духу, а также обстоятельствам:

«Ничто не мешает Церкви одобрять единоличное правление или правление многих при том условии, что оно праведно и радеет об общем благе. Поэтому, если справедливость соблюдается, то ничто не запрещает народам выбирать для себя ту или иную политическую форму, лучше соответствующую их собственному духу, их традициям и обычаям».¹⁰

Что такое нелиберальная демократия?

Должен признать, что нелиберальная демократия — редкое, а сегодня и вообще исчезнувшее явление. Однако она — вовсе не плод воображения, как об этом свидетельствует республика Христа Царя, существовавшая в Эквадоре времен правления Гарсиа Морено, в прошлом столетии.

⁹ Ibid.

¹⁰ Лев XIII. Энциклика «*Diuturnum*». Ст. 94.

Характерные особенности нелиберальной демократии таковы:

1. Первым ее принципом является *принцип народовластия*, который действует в рамках демократического устройства, но уважает и законность монархии. Этот принцип коренным образом расходится с подобным ему принципом руссоистской демократии: власть принадлежит народу, но принадлежит ему не изначально и не окончательно; власть дается народу от Бога, творца общественной природы человека, но не от господствующих над всем индивидов. И после того, как властители избраны народом, он перестает быть вершителем власти.¹¹

— Первый вывод: правит не безликая масса индивидов, но народ, организованный в сословия: отцы семейств (которые непосредственно участвуют в законодательстве в некоторых очень маленьких государствах, как, например, в швейцарском Аппенцелле); крестьяне и предприниматели, промышленники и рабочие, крупные и мелкие собственники, военные и судьи, монахи, священники и епископы — по словам его монсеньора Сегюра, это «нация в лице всех ее действующих сил, образующая серьезное представительство и могущая выражать через своих представителей свои чаяния, свободно осуществлять свои права».¹² Пий XII в свою очередь строго различает *народ* и *массу*:

«Народ и безликое множество, или, как принято говорить, „масса“, суть два разных понятия. Народ живет и приходит в движение самостоятельно; масса сама по себе инертна и может быть движима только извне. Народ живет полнотой жизни тех людей, которые его составляют и каждый из ко-

¹¹ Лев XIII. Энциклика «*Diuturnum*» (фрагмент, цитированный выше). См. также: *Mgr de Ségur. La Révolution*. P. 73.

¹² *Mgr de Ségur. La Révolution*. P. 73.

торых — на свойственном ему месте и подобающим ему образом — является личностью, сознающей свою ответственность и свои убеждения. Масса же, напротив, дожидается внешнего толчка, будучи легким орудием в руках желающего использовать ее инстинкты и помыслы; она без труда меняет лагерь, воюя то под одним знаменем, то под другим». ¹³

— Второй вывод: избранные правители, даже если их называют, как это делает святой Фома, «поводырями многих», являются таковыми лишь в том смысле, что делают для многих то, что те не могут делать сами, а именно правят. Но власть приходит к ним от Бога, «от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 15). Таким образом, правители ответственны за свои деяния в первую очередь перед Богом, посланниками которого они являются, и во вторую очередь — перед народом, ради общего блага которого они властвуют.

2. Вторым принципом нелиберальной демократии заключается в том, что права Бога (и права его Церкви в католических странах) закладываются в основу конституции. Все законодательство оказывается тем самым вдохновляемо десятью заповедями.

— Первый вывод: «общая воля» — ничто, если она идет вразрез с правами Бога. Большинство не «создает» истину, но оно должно держаться *во* истине, тогда как в противном случае демократия окажется извращена. Пий XII обоснованно подчеркивает внутренне присущую демократическому устройству опасность, которой должна всячески противодействовать конституция: опасность обезличивания, образования массы и манипулирования этой массой

¹³ Новогоднее обращение по радио от 24 декабря 1944 г.

со стороны групп, вершащих произвол, или искусственно-го большинства.

— Второй вывод: демократия — это не светское, но очевидным образом христианское и католическое устройство. Она отвечает общественной доктрине Церкви в том, что касается частной собственности, принципа взаимопомощи, предоставленного заботам Церкви и семьи воспитания детей и т. д.

Подытожу: демократия, равно как и любое другое устройство, призвана воплощать земное царствие Господа Нашего Иисуса Христа. У демократии все-таки должен быть Царь, и Царь этот — Иисус Христос.

Глава VIII

ЛИБЕРАЛИЗМ, ИЛИ ОБЩЕСТВО БЕЗ БОГА

Индифферентизм — это атеизм под другим именем.

Лев XIII

Проанализировав принципы политического либерализма, теперь я попытаюсь показать вам, что движение всеобщей лаицизации, которое ныне почти уничтожило христианство, возникло на фундаменте либеральных постулатов. Именно об этом говорит Папа Лев XIII в своей энциклике «*Immortale Dei*», классическом тексте, которому нельзя не уделить внимания.

«Новое право»

«Это гибельное и прискорбное пристрастие к нововведениям, которое зародилось в XVI веке, вызвав потрясения в христианской религии, вскоре естественным путем перешло в философию, а из философии — на все ступени светского общества. Именно к этому источнику следует возвести современные принципы необузданной свободы, которые отстаивались и утверждались в ходе великих потрясений предшествующего века как принципы и основания некоего нового права, доселе не известного и по цело-

му ряду пунктов расходящегося не только с христианским правом, но и с правом естественным. Вот первый из этих принципов: все люди, коль скоро они принадлежат к одной расе и общей природе, подобны друг другу и, следовательно, равны между собой в своей жизнедеятельности; каждый человек настолько самостоятелен, что никоим образом не подчиняется авторитету другого: он может совершенно свободно думать о том, о чем он хочет, и делать то, что ему нравится; никто не вправе приказывать другим. В основанном на таких принципах обществе публичным авторитетом может быть исключительно воля народа, который, будучи зависим только от себя, является и единственным наставником для себя. Он выбирает своих уполномоченных, но таким образом, что передает им не столько право, сколько функцию власти, которую те исполняли бы от его имени. О превосходстве Бога не говорится ни слова, так, словно Бог не существует или никоим образом не причастен к обществу рода человеческого; или — словно люди, будь то в отдельности или в обществе, ничем не обязаны Богу, словно можно себе представить некую сущность, чьи причина, сила, авторитет не заключались бы целиком в самом Боге.

В таком случае государство, очевидно, есть не что иное, как полновластное и руководящее само собой множество; коль скоро народ является источником всякого права и всякой власти, из этого предположения следует, что *государство не признает себя связанным каким-либо обязательством по отношению к Богу, не исповедует официально никакой религии, не берется ни устанавливать, какая из числа религий является единственно истинной*, ни предпочитать одну религию другим, ни благоприятствовать одной более, чем другим; напротив, государство берет на себя долг предоставить всем религиям равные права, если только это не нанесет ущерб общественному спокойствию. Тем самым каждый оказывается свободен решать для себя вопросы религии, исповедовать ту религию, которая для него предпочтительнее, или, если ему не подходит никакая религия, не исповедовать никакой веры.

Отсюда с необходимостью следует полная, ничем не ограниченная свобода совести, абсолютная свобода чтить или не чтить Бога, беспредельная вседозволенность в том, что касается мысли и ее публичного выражения».¹

Следствия «нового права»

«Если какое-либо государство основывается на таких принципах, снискавших ныне большой почет, то легко представить себе, какое место будет несправедливо отдано в нем Церкви. — Действительно, в таком государстве, где жизнедеятельность согласуется с подобного рода доктринами, католическая Церковь оказывается на одной ступени с чуждыми ей сообществами или даже ниже их. Церковные законы совершенно не принимаются в расчет; Церкви, которая получила от Иисуса Христа наказ и миссию наставлять все народы, запрещается какое-либо вмешательство в дела народного образования. — По делам, относящимся к смешанному праву, главы государств единолично выносят окончательные решения и демонстрируют в этой области высокомерное презрение к святым законам Церкви. Так, например, они включают в свою юрисдикцию браки христиан; они устанавливают законы о брачном союзе, его единстве и устойчивости; они вторгаются в сферу богатств Церкви и лишают ее права собственности. Вообще они относятся к Церкви так, будто она не обладает ни статусом, ни правами совершенного сообщества и является простой организацией, равной всем прочим, существующим в государстве. Все свои права, всю свою законную и действительную силу она получает отныне милостью и одолжением правительств».²

Конечные следствия

«[...] Таким образом, в этой политической ситуации, которую многие сегодня поддерживают, содержатся идеи и

¹ *Лев XIII*. Энциклика «*Immortale Dei*». Ст. 143.

² Там же. Ст. 144.

устремления, направленные к изгнанию Церкви из общества или к сохранению ее в подчинении государству и под его контролем. Этот замысел диктует большинство принимаемых правительствами мер. Законы, деятельность государственных учреждений, воспитание без религии, разграбление и уничтожение религиозных орденов, упразднение светской власти римских Понтификов — все способствует этой цели: нанести смертельный удар христианским институтам, свести к нулю свободу католической Церкви и лишить ее всех прочих прав».³

Лев XIII ясно продемонстрировал, что новое право, основанное на либеральных принципах, приводит к *государственному индифферентизму* по отношению к религии: это «атеизм под другим именем»,⁴ говорит Папа, это изгнание католической религии из общества. Иными словами, целью либералов-безбожников является не что иное, как устранение Церкви посредством уничтожения поддерживающих ее католических государств. Эти государства были оплотом веры. Следовательно, их нужно сокрушить. И как только этот оплот Церкви будет уничтожен, как только будут упразднены политические институты, служившие ее защитой и выражением ее благотворного влияния, Церковь сама окажется обездвижена и сломлена, а вместе с нею и христианская семья, и христианская школа, и христианский дух, и само слово «христианство». Льву XIII ясно виден этот сатанинский план, задуманный масонскими сектами и сегодня приближающийся к своим конечным следствиям.

Лаицистский либерализм в действии: II Ватиканский Собор

Предел святотатства, доселе неслыханный, был достигнут тогда, когда сама Церковь или во всяком случас

³ Там же. Ст. 146.

⁴ Там же. Ст. 148.

те, кто преподносил себя как Церковь, приняли на II Ватиканском Соборе, провозгласившем религиозную свободу, принцип светского государства, который сводится к той же самой норме равного государственного покровительства для приверженцев всех вероисповеданий. Я еще вернусь к этому. Помимо прочего, это свидетельствует о глубине проникновения либеральных идей в саму Церковь вплоть до самых высоких ее сфер. И к этому я также вернусь.

Чтобы позволить вам судить о логическом развитии либеральных принципов и об их роковых следствиях для Церкви, я приведу схематическую таблицу, составленную мною из фрагментов энциклик «*Quanta Cura*» Пия IX и «*Immortate Dei*» Льва XIII и направленную в письме к кардиналу Сеперу от 26 февраля 1978 года:

Лев XIII

Пий IX

Immortate Dei (143—144)

Quanta Cura (39—40)

1) Осуждение индифференцистского индивидуалистического рационализма и государственных индифференцизма и монизма:

1) Осуждение натурализма и его выражения в государственном устройстве:

«Все люди [...] равны между собой, каждый человек настолько самостоятелен, что никоим образом не подчиняется авторитету другого: он может совершенно свободно думать о том, о чем он хочет, и делать то, что ему нравится [...]

«Многие сегодня применяют в светском государстве святотатственный и абсурдный принцип натурализма, осмеливаясь утверждать, будто стремление к наилучшему политическому устройству и прогрессу общественной жизни с необходимостью требу-

Авторитетом может быть исключительно воля народа [...] коль скоро народ является источником всякого права [...] из этого предположения следует, что государство не признает себя связанным каким-либо обязательством по отношению к Богу, не исповедует официально никакую религию, не берется [...] предпочитать одну религию другим [...]».

2) Следствие: «право на религиозную свободу» в государстве:

«Напротив, государство берет на себя долг предоставить всем религиям равные права, если только это не нанесет ущерб общественному спокойствию. Тем самым каждый оказывается свободен решать для себя вопросы религии, исповедовать ту религию, которая для него предпочтительнее, или, если ему не подходит никакая религия, не исповедовать никакой веры [...]».

ет, чтобы человеческое общество строилось и управлялось без внимания к религии, словно ее не существует, или во всяком случае без разграничения между истинной религией и ложными религиями».

2) Следствие: «право на религиозную свободу» в государстве:

«Вопреки доктрине Священного Писания, Церкви и Святых Отцов они без колебаний утверждают, что „наилучшим условием для жизни общества является непризнание властью обязанности налагать законные кары на преступников католической религии, если только этого не требует поддержание общественного спокойствия“ [...] и что „свобода совести и вероисповеданий является правом каждого человека, правом, которое должно провозглашаться и гарантироваться в любом правильно устроенном обществе“ [...]».

3) Следствия этого «нового права»:

«Если какое-либо государство основывается на таких принципах, снискавших ныне большой почет, то легко представить себе, какое место будет несправедливо отдано в нем Церкви. — Действительно, в таком государстве, где жизнедеятельность согласуется с подобного рода доктринами, католическая Церковь оказывается на одной ступени с чуждыми ей сообществами или даже ниже их. [...] Вообще, они [главы государств] относятся к Церкви так, будто она не обладает ни статусом, ни правами совершенного сообщества и является простой организацией, равной всем прочим, существующим в государстве».

Разумеется, II Ватиканский Собор не выступил с утверждением первого принципа либерализма, который я охарактеризовал как индифферентистский индивидуалистический рационализм. Однако, как я покажу вам, все остальное было им одобрено: и государственный индифферентизм, и право на религиозную свободу для всех сек-

3) Следствием этого «нового права» является покушение на Церковь:

Пий IX осуждает последнее из приведенных в пункте 2) «мнений» как «ошибочное, в высшей степени пагубное для католической Церкви и спасения душ».

И более ничего не говорит об этом, но затем добавляет, что все это приводит к «вытеснению религии за пределы общества».

тантов любых конфессий, лишение Церкви публичных прав, упразднение католических государств — все эти мерзости получили официальное признание, будучи продиктованы самой логикой либерализма, который умалчивает в данном случае свое имя, но является отравленным зерном всего этого древа.

Глава IX

СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Под обольстительным именем свободы вероисповеданий они провозглашают официальное отступничество общества.

Лев XIII

В своей энциклике «Libertas» Папа Лев XIII обозревает новые свободы, которые устанавливает либерализм. Последуем за ним шаг за шагом:¹

«Полезно будет, — говорит Папа, — рассмотреть в отдельности различные свободы, которые представляют в качестве завоеваний нашей эпохи».

Свобода вероисповеданий (или свобода совести и вероисповеданий) идет в их ряду первой: она, как объясняет Лев XIII, отстаивается как *духовная свобода* личной совести и как общественная свобода, признаваемое государством *гражданское право*.

«Прежде всего рассмотрим в применении к отдельным людям эту свободу, идущую вразрез с религиозной добродетелью».

¹ Лев XIII. Энциклика «Libertas». Ст. 201 и далее.

тельно, — эту, как ее называют, свободу вероисповеданий, в основе которой лежит принцип свободы каждого человека исповедовать ту религию, которая ему нравится, или не исповедовать никакой религии. — Но, напротив, именно в том, без всякого сомнения, и состоит наиболее важный и наиболее священный долг человека, чтобы воздавать Богу культ почитания и религии. И долг этот есть не что иное, как следствие того, что мы находимся в вечном подчинении Богу, руководимы волей и Провидением Бога и, выйдя из Него, должны вернуться к Нему».

В самом деле, если господствующий над всем индивид объявляется источником своих собственных прав, то логическим следствием этого становится присвоение его совести полной независимости по отношению к Богу и религии. Затем Лев XIII переходит к религиозной свободе в качестве гражданского права:²

«С общественной точки зрения эта же самая свобода требует, чтобы государство не осуществляло никакого религиозного поклонения, не предусматривало никакой общей религии, чтобы никакая религия не возвышалась им над прочими, но чтобы *все они считались равноправными*, безотносительно даже к вере народа, даже тогда, когда народ исповедует католицизм».

Если общество — это лишь сугубо условное собрание господствующих над всем индивидов, то оно действительно ничем не обязано Богу, и государство может освободить себя от всяких религиозных обязательств. Что очевидным образом ложно, говорит Лев XIII:

«Нельзя усомниться в том, что образование людьми общества продиктовано волей Бога, как бы мы общество ни рас-

² См. также тексты, цитированные нами в предшествующей главе (энциклики «Immortale Dei» Льва XIII и «Quanta Cura» Пия IX) и в следующей главе.

сма тривали: с точки зрения его членов, с точки зрения его формы, то есть власти, с точки зрения его причины или числа и важности преимуществ, которые оно дает человеку. Именно Бог создал человека для общества и объединил его с подобными ему, дабы потребности его природы, которые не могли бы удовлетворить его собственные усилия, осуществлялись бы в содействии. Поэтому и светское общество в качестве такового должно по необходимости признавать Бога своим началом и творцом и, как следствие, воздавать его силе и авторитету должное своим почитанием. Ни на основании справедливости, ни на основании разума государство не может быть атеистическим или, что тоже сводится к атеизму, оказывать всем религиям, как говорят, одинаковое расположение и устанавливать для них, не делая между ними различий, общие права».

Лев XIII не забывает сделать необходимое уточнение: абстрактно говоря о *религии* вообще, мы имеем в виду *единственную истинную религию*, а именно — католическую Церковь:

«Поскольку в обществе должно исповедовать одну религию, следует исповедовать единственную истинную религию, определить которую нетрудно, особенно в католических странах, по неопровержимым свидетельствам истины, которые она несет в себе».

Таким образом, государство должно признать истинную религию таковой и исповедовать католицизм.³ Ниже следующие строки безоговорочно осуждают мнимый государственный агностицизм, необоснованную нейтральность в религиозной области:

«Главы государств должны охранять и поддерживать эту религию, если они хотят — а такова их обязанность —

³ То есть оговорить это признание в своей конституции.

осмотрительно и благотворно заботиться об интересах своего народа. Ибо государственная власть установлена ради блага тех, кем она руководит, и, хотя приведение граждан к благоденствию в жизни земной может и не являться ее ближайшей целью, долг ее во всяком случае состоит в том, чтобы не сдерживать, а, наоборот, развивать в человеке способность достичь того высшего и суверенного блага, в котором заключено вечное блаженство людей, — и это было бы невозможно без религии».

Я еще вернусь к этому тексту, в котором сформулирован основополагающий принцип, диктующий взаимоотношения государства и религии — истинной, подчеркну это еще раз, религии.

*

Энциклика «*Libertas*» датирована 20 июня 1888 года. Год спустя Лев XIII вновь обратился к теме свободы вероисповеданий, чтобы еще раз осудить ее в восхитительных словах и с подлинно апостольским рвением в «Послании к императору Бразилии».⁴ Я приведу выдержки из этого послания, доказывающие абсурдность и безбожие свободы вероисповеданий, которая с необходимостью подразумевает государственный атеизм:

«Свобода вероисповеданий, если рассматривать ее в отношении к обществу, основывается на том принципе, что государство, даже в католической стране, не обязано исповедовать или поддерживать определенную религию, но должно оставаться нейтральным ко всем религиям и обеспечивать для них равные юридические условия. Речь здесь идет не о тех актах терпимости, которые в некоторых обстоятельствах возможны по отношению к раскольниче-

⁴ Послание «*E giunto*» от 19 июля 1889 г. Ст. 234—237.

ским верованиям, но о признании за ними прав, равных тем, которые принадлежат только единственной истинной религии, установленной в мире Богом и наделенной им ясными и точными особенностями и признаками с тем, чтобы все могли узнать ее и приобщиться к ней. [...]

Тем самым подобная свобода ставит в один ряд истину и заблуждение, веру и ересь, Церковь Иисуса Христа и любую другую организацию людей; она проводит прискорбный и гибельный раздел между человеческим обществом и Богом — его Творцом; наконец, она ведет к столь пагубным последствиям, как государственный индифферентизм по отношению к религии или, что то же самое, государственный атеизм».

Золотые слова! Их, может быть, следовало бы выучить наизусть. Свобода вероисповеданий подразумевает индифферентизм государства по отношению ко всем религиозным формам. *Религиозная свобода с необходимостью означает государственный атеизм.* Ибо государство, обязующееся признавать или поддерживать всех богов, на самом деле не признает никакого бога и особенно — истинного Бога! Вот с чем мы соглашаемся, когда преподносим религиозную свободу, провозглашенную II Ватиканским Собором, как некое завоевание, достижение, продолжение доктрины Церкви! Так атеизм — это достижение? «Теология смерти Бога» — это продолжение традиции? Узаконенная смерть Бога! Да это невообразимо!

Именно от этого зла, как вы понимаете, мы гибнем сегодня: во имя объявленной собором религиозной свободы были упразднены еще существовавшие католические государства — их секуляризовали, из их конституций вычеркнули первую статью, в которой оговаривалась верность государства Богу, его творцу, или исповедование государст-

вом истинной религии.⁵ Масоны более не могли с этим мириться и нашли радикальное средство: заставить Церковь провозгласить решением своего руководства религиозную свободу — не более того; и как только эта цель была достигнута, ее несминутым следствием стала лаицизация католических государств.

Вы хорошо знаете — это исторический факт, мгновенно отраженный в публикациях нью-йоркских газет, — что кардинал Би накануне посетил Бнай-Брит, масонскую секту, состоящую исключительно из свреев, имеющих весьма влиятельное положение в кругах западного мондиализма.⁶ В качестве секретаря Секретариата по объединению христиан, немногим ранее образованного Иоанном XXIII, он спросил их: «Масоны, чего вы хотите?» И они ответили: «Религиозной свободы. Провозгласите религиозную свободу, и вражда между масонством и католической Церковью прекратится!» Масоны получили религиозную свободу, которая, будучи провозглашена II Ватиканским Собором, оказалась, таким образом, масонской победой! Подтверждением этого стал тот факт, что уже через несколько месяцев президент Аргентины Альфонсин был принят в Белом доме в Вашингтоне, а затем в нью-йоркской штаб-квартире Бнай-Брит и получил из рук масонов Медаль религиозной свободы за введение свободы вероисповеданий, религиозной свободы.⁷ Поэтому мы отвергнем религиозную свободу II Ватиканского Собора, отвергнем ее на тех же основаниях, что и Папы XIX века, опираясь на их авторитет и только на него: что может более прочно утвердить нас в истине, чем сила самой традиции, неустан-

⁵ Ср. ниже: глава XXXII, прим. 11.

⁶ Ср.: *H. le Caron. Le plan de domination mondiale de la contre-église.* P. 46.

⁷ Ср.: *Journal de Genève.* Samedi 23 mars 1985.

ных наставлений Пап Пия VI, Пия VII, Григория XVI, Пия IX, Льва XIII, Бенедикта XV и т. д., единодушно осуждавших религиозную свободу, как я продемонстрирую вам в наше следующей беседе.

*

В качестве заключения этой главы ограничусь тем, что приведу еще одну выдержку из послания «E giunto», которая вновь свидетельствует о великолепных прозорливости и силе суждений Папы Льва XIII по поводу религиозной свободы (которую он называет в данном случае свободой вероисповеданий):

«Упорствовать в этих размышлениях было бы излишним. Уже неоднократно в официальных документах, обращенных к Католическому Миру, Мы говорили о том, насколько ошибочна доктрина тех, кто *под обольстительным именем свободы вероисповеданий провозглашает официальное отступничество общества*, тем самым отвращая общество от его божественного Творца».

Религиозная свобода — это узаконенное отступничество общества. Твердо усвойте эти слова, которые я повторяю в Риме всякий раз, когда меня призывают принять постановления II Ватиканского Собора в целом или, в частности, декларацию о религиозной свободе. 7 декабря 1965 года я отказался поставить свою подпись под этим соборным актом, и двадцать лет спустя причин для этого отказа стало только больше. Не будем же одобрять отступничество!

Глава X

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В ОСУЖДЕНИИ ПАП

Гражданская свобода всех вероисповеданий распространяет чуму индифферентизма.

Пий IX

В этой главе, не боясь повториться, я собрал важнейшие осуждения религиозной свободы, с которыми выступали Папы XIX века, чтобы позволить вам уяснить, что именно осуждалось и почему папы выступали с таким осуждением.

I

ОСУЖДЕНИЕ

Пий VI. Послание «*Quod aliquantulum*» от 10 марта 1791 года к французским епископам Национального собрания:

«Необходимым следствием принятой собранием Конституции явилось отрицание католической религии, а вместе с нею и должного повиновения королям. На этом основании устанавливается в качестве права человека в обществе та абсолютная свобода, которая не только утверждает право

не заботиться о своих религиозных воззрениях, но также и позволяет думать, говорить, писать и даже безнаказанно публиковать о религии все что угодно, включая то, что может вселить в умы самые порочные представления; это чудовищное право показалось собранию вытекающим из принципов естественного равенства и свободы всех людей. Но что может быть более безрассудным, чем установление среди людей такого равенства и такой необузданной свободы, которые способны помрачить разум, этот ценнейший дар, которым природа наделила человека и который единственно отличает его от животных?»¹

Пий VII. Апостольское послание «*Post tam diuturnitas*» епископу Труа (Франция) с осуждением «свободы вероисповеданий и совести», принятой конституцией 1814 года (при Людовике XVIII):

«Новым предметом огорчения, который поразил Наше сердце еще сильнее и, признаемся откровенно, причинил Нам подлинную муку, вызвал крайнее разочарование и тревогу, стала 22 статья Конституции. Ею не только дозволяется свобода вероисповеданий и совести, если буквально следовать тексту, но также обещается защита и поддержка этой свободы, равно как и глав так называемых вероисповеданий. Понимая, что в длительных рассуждениях здесь нет необходимости, Мы обращаемся к вам, епископу, с тем, чтобы указать на то, что эта статья наносит католической религии во Франции смертельную рану. Фактом установления свободы всех вероисповеданий без разбора истина отождествляется с заблуждением и святая и непорочная Супруга Христа, Церковь, за пределами которой не может быть спасения, становится в один ряд с еретическими сектами и, более того, с иудаистской изменой. А обещание защиты и поддержки сектам еретиков и их главам означает терпимость и благосклонность не только к ним самим, но и к их заблуждениям. Тем самым подразумевается губитель-

¹ Пий VI. Послание «*Quod aliquantulum*» от 10 марта 1791. Ст. 1.

ная и в высшей степени прискорбная ересь, которую святой Августин выразил так: „Она утверждает, что все еретики идут верным путем и говорят истинно, в чем заключен столь чудовищный абсурд, что я не могу поверить, будто его действительно исповедует какая-либо секта”». ²

Григорий XVI. Энциклика «*Mirari vos*» от 15 августа 1832 года, осуждающая либерализм, проповедуемый священником Фелисите де Ламенне:

«Из этого тлетворного источника Индифферентизма истекает ложная и абсурдная максима или, скорее, безумная идея о том, что следует предоставить и гарантировать каждому человеку свободу совести, — заблуждение из числа наиболее заразных, которому прокладывает путь эта абсолютная и необузданная свобода мнений, которая, предвещая крушение Церкви и государства, распространяется повсюду и которую кое-кто, переходя границы бесстыдства, безбоязненно представляет как благоприятную для религии. „Можно ли представить себе худшую смерть для душ человеческих, нежели свобода заблуждения!” — писал святой Августин. ³ Видя, как людей избавляют от всяких ограничений, могущих удержать их на путях истины, тогда как их и так сбивает с этих путей естественная склонность ко злу, Мы истинно говорим вам, что отверзся тот кладезь бездны, из которого, по свидетельству святого Иоанна, вышел дым, помрачивший солнце, и саранча для опустошения земли. ⁴ Вот в чем причина нестойкости умов; вот откуда все бо́льшая развращенность молодых людей; вот откуда в народе презрение к священным правам, к святейшим делам и законам; вот откуда, одним словом, смертоносный бич, поразивший государства. Ибо опыт подсказывает нам и глубочайшая древность учит нас: чтобы вызвать крушение самых богатых, самых могущественных,

² *Пий VII*. Апостольское послание «*Post tam diuturnitas*». Ст. 19.

³ В комментарии к псалму 124.

⁴ Отк. 9, 2—3.

самых прославленных и процветающих государств, достаточно одной этой необузданной свободы мнений, этой вольности публичных речей, этой страсти к нововведениям».⁵

Пий IX. Энциклика «*Quanta Cura*» от 8 декабря 1864 года. Папа повторяет осуждение своего предшественника:

«Вам хорошо известно, Преподобные Братья, что многие сегодня применяют в светском государстве святотатственный и абсурдный принцип натурализма, осмеливаясь утверждать, будто стремление к наилучшему политическому устройству и прогрессу общественной жизни с необходимостью требует, чтобы человеческое общество строилось и управлялось без внимания к религии, словно ее не существует, или, во всяком случае, без разграничения между истинной религией и ложными религиями. Более того, противореча доктрине Священного Писания, Церкви и Святых Отцов, они без колебаний утверждают, что „наилучшим условием для жизни общества является непризнание Властью обязанности налагать законные кары на преступников католической религии, если только этого не требует поддержание общественного спокойствия”.

Следуя этой абсолютно ложной идее общественного правления, они без колебаний поддерживают ошибочное мнение, как нельзя более роковое для католической Церкви и спасения душ, которое Наш светлой памяти предшественник Григорий XVI называл безумным и которое заключается в том, что „свобода совести и вероисповеданий является правом каждого человека, правом, которое должно провозглашаться и гарантироваться в любом правильно устроенном обществе; что граждане имеют право на полную свободу открыто и публично выражать свои мнения, какими бы они ни были, в слове, в печати или иным спо-

⁵ *Григорий XVI*. Энциклика «*Mirari vos*» от 15 августа 1832. Ст. 24. Ср.: Dz 1613—1614.

собом, без всяких ограничений со стороны церковной или светской власти”. Но поддерживая эти дерзкие утверждения, они не думают, не понимают, что проповедуют „свободу заблуждения”⁶ и что „если человеческим мнениям будет всегда позволено вступать в конфликт, то всегда найдутся люди, которые осмелятся воспротивиться истине и доверить свою совесть пустословию людской мудрости, в высшей степени суетным и вредным помыслам, которых следует всеми силами избегать, согласно наставлению Самого Господа Нашего, христианской вере и мудрости”⁷».⁸

Пий IX. «Силлабус» (собрание осуждаемых заблуждений, составленное из выдержек различных документов канцелярии Пия IX; опубликовано в тот же период, что и энцикликой «Quanta Cura»):

77. В нашу эпоху более не является полезным считать католическую религию единственной государственной религией, в отличие от всех прочих вероисповеданий.

78. Вполне обоснованно то, что в некоторых католических странах закон предусматривает право приезжающих в них иностранцев публично осуществлять свои отличные вероисповедания.

79. Неверно, что гражданская свобода всех вероисповеданий и предоставленная всем неограниченная возможность открытого и публичного выражения любых своих мнений способствуют нравственному и духовному развращению народов и распространяют чуму индифферентизма.⁹

⁶ *Св. Августин*. Послание 105 (166).

⁷ *Св. Лев*. Послание 164 (133).

⁸ *Пий IX*. Энциклика «Quanta Cura» от 8 декабря 1864. Ст. 39—40. Ср.: Dz 1689—1690.

⁹ *Пий IX*. Силлабус. Ст. 53. Ср.: Dz 1777—1779.

Лев XIII. Энциклика «Immortate Dei» от 1 ноября 1885 года, о христианском устройстве государств:

«[...] коль скоро народ является источником всякого права и всякой власти, из этого предположения следует, что государство не признает себя связанным каким-либо обязательством по отношению к Богу, не исповедует официально никакую религию, не берется ни устанавливать, какая из числа религий является единственно истинной, ни предпочитать одну религию другим, ни благоприятствовать одной более, чем другим; напротив, государство берет на себя долг предоставить всем религиям равные права, если только это не нанесет ущерб общественному спокойствию. Тем самым каждый оказывается свободен решать для себя вопросы религии, исповедовать ту религию, которая для него предпочтительнее, или, если ему не подходит никакая религия, не исповедовать никакой веры».¹⁰

Предмет осуждения

Все эти папские осуждения направлены на религиозную свободу, как бы она ни называлась — «свободой совести» или «свободой совести и вероисповеданий», то есть на предоставляемое каждому человеку право публично осуществлять любую религию по своему выбору, не подвергаясь воздействию со стороны светской власти.

II

МОТИВ ОСУЖДЕНИЯ

Как вы могли заметить по приведенным выше текстам, Папы заботятся о восхождении к причинам и раскрывают либеральные истоки права религиозной свободы:

¹⁰ Лев XIII. Энциклика «Immortate Dei» от 1 ноября 1885 (продолжение см. в главе VIII).

разоблачается тем самым натуралистский и рационалистический либерализм, которым утверждается, что человеческий разум является единственным арбитром добра и зла (рационализм), что каждому дано решать, должен ли он чтить Бога или нет (индифферентизм), и, наконец, что источником всякого права является государство (государственный монизм).

Некоторым современным теологам это обстоятельство позволило вывести три тезиса:

1. Папы осуждают религиозную свободу не саму по себе, но только в той мере, в какой она является «следствием натуралистского представления о человеке»,¹¹ то есть «проистекает из первой посылки натуралистского рационализма»¹² или из двух других: «через следствия (религиозная свобода) здесь затрагиваются самые принципы: Церковь осуждает рационализм, индифферентизм и государственный монизм».¹³ И дело с концом.

2. Ввиду конкретных приложений новейших принципов (таких, как борьба со светской властью папства, лаицизация конституций, экспроприация Церкви и т. д.) Папы «не могли беспристрастно, со всей объективностью оценить систему современных свобод, разделив истинную и ложную ее стороны»; «нельзя было избежать того, что их первая защитная реакция выразится в позиции тоталь-

¹¹ *Roger Aubert*. Le magistère ecclésiastique et le libéralisme, dans *Tolérance et communauté humaine*. Casterman. 1951. P. 81.

¹² *John Courtney Murray*. Vers une intelligence du développement de la doctrine de l'Eglise sur la liberté religieuse, dans *Vatican II, La liberté religieuse*. Paris: Cerf, 1967. P. 112.

¹³ *Jérôme Hamer o. p.* Histoire du texte de la déclaration, dans *Vatican II, La liberté religieuse*.

ного осуждения»;¹⁴ Папам было трудно «признать содержательную ценность того, что диктовалось враждебностью к религиозным ценностям [...] Потому долгое время и сохранялась неприязнь к идеалу, связанному с правами человека, что в нем не могли разглядеть дальний отголосок идей Евангелия».¹⁵

3. Сегодня мы можем открыть долю христианской истины, заключенную в принципах 1789 года и тем самым примирить Церковь с современными свободами и, в частности, с религиозной свободой. О. Конгар был первым, кто прямо высказался в этом духе: «Примирение церкви с так называемым современным миром не могло осуществиться посредством простого принятия идей этого мира такими, каковы они есть; это требовало глубокой работы, благодаря которой неизменные принципы католицизма получили бы новое развитие, усвоив в *проясненном* и, при необходимости, *очищенном* виде благие новшества современного мира».¹⁶

Роже Обер год спустя присоединяется к этой мысли. Вот что он говорит о сотрудниках католическо-либеральной газеты «Грядущее», выпускавшейся в XIX веке Ламенне:

«Они не уделяли должного внимания задаче переосмысления принципов, которые, будь они в необходимой мере

¹⁴ Roger Aubert. Op. cit. P. 82.

¹⁵ Международная теологическая комиссия «Позиция современных христиан в отношении достоинства и прав человеческой личности» — см.: *Justitia et Pax*. Cité du Vatican, 1985. P. 44. Цит. в изд.: *Documents épiscopat // Bulléтин du secrétariat de la conférence épiscopale française*. Octobre 1986. P. 15.

¹⁶ Y. Congar, *o. p.* *Vraic et fausse réforme dans l'Eglise* (Unam Sanctam, 20). Paris: Cerf, 1950. P. 345; цит. в кн.: Roger Aubert. Op. cit. P. 102.

подвергнуты отбору и *очистке*, позволили бы *перенести* в христианство идеи демократии и свободы, которые *возникли за пределами Церкви* и развивались в духе враждебности к ней». ¹⁷

Этот труд очищения и усвоения принципов 1789 года II Ватиканский Собор счел своей главной задачей:

«Прежде всего Собор считает необходимым вынести суждение в этом свете [в свете веры] о ценностях, особо чтимых нашими современниками (права человека, свобода, терпимость и т. д.), и восстановить их связь с *божественным источником*. Ибо в той мере, в какой эти ценности порождены человеческим гением, являющимся даром Бога, они — *благие* ценности. Вместе с тем нередко случается так, что разvrращенность человеческого сердца лишает их должного значения: поэтому они и нуждаются в *очищении*». ¹⁸

И Собор выполнил эту задачу, как это явствует из слов кардинала Ратцингера:

«Проблема 1960-х годов заключалась в том, чтобы принять наилучшие ценности из числа тех, которые выработала за последние двести лет „либеральная“ культура. Хотя эти ценности *возникли за пределами Церкви*, они могут найти свое место — будучи *очищены и исправлены* — в ее [Церкви] видении мира. Вот что было сделано». ¹⁹

Я намеренно привел все эти тексты, чтобы продемонстрировать поразительное единодушие в стане теологов, которые подготовили, собрали и провели II Ватиканский

¹⁷ Roger Aubert. Op. cit. P. 81—82.

¹⁸ Gaudium et spes. II, § 2.

¹⁹ Le cardinal Ratzinger. Entretien avec Vittorio Messori. Mensuel Jesus. Novembre 1984. P. 72.

Собор. Однако их утверждения, которые почти буквально повторяют одно — другое, суть не что иное, как жестокий обман. Утверждать, будто Папы не понимали, что в принципах 1789 года содержится христианская истина, — это просто страшно! Назовем вещи своими именами:

1. Разумеется, Папы осуждали рационализм, индивидуалистический индифферентизм и государственный мо­низм. Но они осуждали не только их! Они осуждали современные свободы *как таковые*. Религиозная свобода была осуждена за то, что представляет собой она сама, а не по причине исторических обстоятельств эпохи ее возникновения; ибо, если ограничиться единственным примером, либерализм Ламенне (осужденный Григорием XVI) не был абсолютным и атеистическим либерализмом философов XVIII века (который подверг осуждению Лев XIII в энциклике «Immortate Dei»), и тем не менее все либералы, вне зависимости от серьезных или поверхностных различий их принципов, требовали одной и той же религиозной свободы. Все разновидности либерализма роднит *отстаивание права человека не преследоваться светской властью в публичном исповедании избранной им религии*; их общим знаменателем (как указал на это кардинал Бийо) является отказ от всякого принуждения в религиозной области. Который-то как раз и осуждали Папы, и я готов привести тому свидетельства.

2. Неуважительно и несправедливо по отношению к Папам обращаться в их адрес со словами: «Вы смешали в общем осуждении ложные принципы либерализма и благие свободы, которые он устанавливает; вы совершили *историческую ошибку*». Не Папы совершили историческую ошибку или оказались заложниками исторических обстоятельств, а, скорес, теологи, которые внутренне разделяют *историцистское предубеждение*, пусть даже и открещива-

ясь от этого.²⁰ Достаточно прочесть исторические обзоры Роже Обера и Дж. Кортни Мюррея, касающиеся религиозной свободы, чтобы заключить, что эти авторы подвергают систематической релятивизации высказывания руководителей Церкви XIX века согласно, в общем и целом, следующему принципу: «Всякое доктринальное заявление руководства Церкви строго соотносится с его историческим контекстом таким образом, что с изменениями этого контекста может меняться и доктрина». Должен ли я объяснять вам, насколько этот релятивизм и этот доктринальный эволюционизм противоречат стойкости твердыни святого Петра среди непостоянных вод человечества, насколько они противоречат в конечном счете той незыблемой Истине, каковая есть Господь Наш Иисус Христос. В действительности эти теологи не являются теологами и даже хорошими историками, ибо у них отсутствует представление об истине и о неизменной доктрине Церкви, особенно в том, что касается общественной и политической областей; они сбились с пути в своей учености и стали пленниками своих собственных систем истолкования; широта их познаний не означает верности этих познаний. Пий XII вполне обоснованно осудил их теологию флюгера за историцизм:

«К этому добавляется ложный историцизм, который, опираясь единственно на события человеческой жизни, подвергает пересмотру основания всякой истины и всякого абсолютного закона, будь то в философии или даже в христианских догматах».²¹

²⁰ О. Кортни Мюррей, пытаясь объяснить, каким образом руководство Церкви перешло от осуждений XIX века к религиозной свободе II Ватиканского Собора, оговаривается: «Значение этого перехода нельзя постичь априори или путем приложения к нему некоей *общей теории развития доктрины. Пока мы не обладаем общей теорией подобного рода*».

²¹ *Пий XII*. Энциклика «*Humani generis*» от 12 августа 1950. См.: Documents pontificaux de Pie XII, XII, 303; DS. 2306.

3. Что же касается примирения Церкви с новыми свободами, то к этому оказались направлены все усилия II Ватиканского Собора, как можно судить об этом по «*Gaudium et spes*» и по декларации о религиозной свободе. К этой попытке обручить Церковь с революцией, заведомо обреченной на провал, я еще вернусь.

*

А теперь приведу истинные, непосредственные и конкретные, мотивы осуждения религиозной свободы Папами XIX века — мотивы, *действительные независимо от обстоятельств эпохи*, в чем не составляет труда убедиться: религиозная свобода является абсурдной, безбожной и ведет народы к религиозному безразличию. Повторю вкратце формулировки Пап:

— Религиозная свобода *абсурдна* потому, что она предоставляет равные права истине и заблуждению, истинной религии и еретическим сектам; тогда как, по словам Льва XIII, «право есть духовная способность, и, как мы уже говорили и не преминем повторить еще раз, абсурдно было бы думать, что оно от природы, без всякого различия и разбора, принадлежит истине и лжи, добру и злу».²²

— Религиозная свобода *безбожна* потому, что она «предоставляет равные права всем религиям» и «ставит в один ряд с еретическими сектами и, более того, с иудаистской изменой святую и непорочную Супругу Христа»; и также потому, что она подразумевает «государственный индифферентизм в религиозной области», равноценный государственному «атеизму» — узаконенному безбожию

²² Лев XIII. Энциклика «*Libertas*». Ст. 207.

обществ, демонстративному отступничеству наций, непризнанию земного царствия Господа Нашего Иисуса Христа, отрицанию публичных прав Церкви, ее изгнанию из общества или подчинению государству.

— И, наконец, религиозная свобода ведет народы к религиозному безразличию, как это явствует из осуждения положения 77 в «Силлабусе». Это очевидно: если ныне соборная Церковь и большинство католиков склонны видеть пути к спасению во всех религиях, то именно потому, что за почти двести лет существования религиозной свободы во Франции и других странах ими овладел яд индифферентизма.

Глава XI

СВОБОДА ПРЕССЫ

*Гибельная, презренная свобода,
истинное насилие над массами.*

Лев XIII

Продолжив чтение папских документов, вы обнаружите, что все как один они говорят о новых свободах, выросших на фундаменте либерализма, одно и то же: свобода совести и вероисповеданий, свобода прессы, свобода обучения суть вредоносные свободы, ложные свободы, ибо заблуждение всегда распространяется легче, нежели истина, зло передается быстрее добра. Куда легче сказать людям: «вы можете иметь нескольких жен», чем «вы должны жениться раз и навсегда», нет ничего проще, чем узаконить развод, оправдывая это целью уравновесить брак! Точно так же, предоставив свободу публичного выражения истины и лжи без разбора, вы можете быть уверены, что тем самым поспособствуете заблуждению в ущерб истине.

Сегодня принято говорить, что истина прокладывает себе путь своей внутренней силой и не нуждается, чтобы восторжествовать, в неуместной и обременительной поддержке со стороны государства и его законов. Государственный фаворитизм в отношении истины с ходу объявля-

ется *несправедливым*, как будто справедливость состоит в том, чтобы поддерживать равновесие истины и лжи, добродетели и порока... Это неверно: первая справедливость в отношении душ заключается в том, чтобы благоприятствовать их приходу к истине и оберегать их от заблуждения. Такова же и первая составляющая милосердия: «*veritatem facientes in caritate*», милосердием творим истину. Стремление выслушать все мнения, терпимость по отношению ко всем поступкам, моральный и религиозный плюрализм — признаки общества в состоянии глубокого разложения, каким и является либеральное общество масонских грез. Против установления подобного общества и боролись неустанно Папы, высказывания которых мы приводили, утверждая, что государство — и в первую очередь государство католическое — не вправе предоставлять такие свободы, как свобода религии,¹ прессы и обучения.

Свобода прессы

Лев XIII напоминает государству о его долге *справедливо*, то есть согласно требованиям истины, *умерять* свободу прессы:

«А теперь продолжим эти рассуждения применительно к свободе выражать все что угодно посредством публичного выступления или прессы. Несомненно, что, если такая свобода не умеряется должным образом, если она превосходит предел и меру, то, надо ли об этом говорить, она уже не является правом, ибо право есть духовная способность, и, как мы уже говорили и не преминем повторить еще раз, абсурдно было бы думать, что оно от природы, без всякого различия и разбора, принадлежит истине и лжи, добру и злу. Разумеется, должно быть право с благоразумной свободой распространять в государстве истинное и благое,

¹ См. предыдущую главу.

дабы они приносили пользу как можно большему числу людей; но лживые доктрины, самую страшную чуму из всех, которым подвержен человеческий ум, но пороки, разъедающие сердце и нравы, государственной власти следует заботливо пресекать, дабы помешать злу приумножиться и привести к крушению общества. Порочные умствования, которые для невежественной массы легко становятся подлинным притеснением, должны по всей справедливости караться властью законов, наравне с насильственными действиями в отношении слабых. И это сдерживание тем более необходимо потому, что для большей, без сомнения, части народа невозможно или стоит величайшего труда не поддаться этим стилистическим уловкам и диалектическим тонкостям, особенно когда они потакают страстям. Если каждому предоставляется неограниченная свобода устного и письменного самовыражения, то не остается ничего священного и неприкосновенного, ничто более не охраняется, даже те основополагающие истины, те великие естественные начала, которые должны считаться ценнейшим достоянием, общим для всего человечества. Истина оказывается тем самым под натиском невежества, и, как это часто случается, легко завладевают умами самые многоликие и опасные заблуждения».²

До Льва XIII, как мы видели, свободу прессы осуждал в «Силлабусе» (положение 79) Пий IX, а еще раньше — Григорий XVI в энциклике «*Mirari vos*»:

«К этому добавляется свобода прессы, самая пагубная и презренная свобода, никакой ненависти к которой не было бы достаточно и которую, однако, иные люди осмеливаются с жаром и настойчивостью защищать и насаждать повсюду. Мы содрогаемся, Преподобные Братья, при виде тех доктринальных чудовищ, тех вершимых заблуждениями чудес, которые нам досаждают; всюду, не ведая границ, разносят эти заблуждения полчища книг, брошюр и про-

² *Лев XIII*. Энциклика «*Libertas*». Ст. 207.

чих писаний, пусть малых по объему, но великих по степени порочности, и это навлекает на землю бедствие и жестоко ранит наше сердце. Тем не менее находятся люди, бесстыдство которых столь велико, что они не стесняются рьяно доказывать идею, будто вызываемый этим град заблуждений с лихвой компенсируется изданием немногих книг, призванных защитить истину религии от этого нашего беззакония».³

Понтифик разоблачает здесь вымышленный либералистский принцип «компенсации», согласно которому истину следует уравнивать заблуждением и наоборот. Эта идея, как мы увидим, является главной максимой тех, кто называет себя либеральными католиками: для них невыносимо простое, прямое утверждение истины, и они требуют, чтобы она уравнивалась противоположными мнениями, тогда как свободному распространению заблуждений, по их мнению, наоборот, ничего противопоставлять не нужно, коль скоро истине тоже позволено быть услышанной! Такова вечная утопия так называемых либералов, и я к ней еще вернусь.

³ *Григорий XVI*. Энциклика «*Mirari vos*». Ст. 25.

Глава XII

СВОБОДА ОБУЧЕНИЯ

*Только истинные положения
должны быть предметом обу-
чения.*

Лев XIII

Третьей в числе новых свобод, осуждаемых Папами, является свобода обучения.

Возмущайтесь, наивные души, либеральные умы по-неволе, проветренные двумя веками либеральной культуры головы! Признайтесь, что это уже слишком, что это за гранью понимания: Папы осуждают свободу обучения! Возможно ли такое? О ужас! Папа — и какой Папа! — Лев XIII, которого иные называют либеральным, — осуждает непогрешимую свободу обучения! Но как же мы защитим тогда наши католические школы, точнее... наши свободные школы? Выражение «католическая школа» отдает сектантством, в нем есть какая-то воинственная религиозность, слишком явный конфессиональный оттенок, излишний во времена, когда каждый в наших рядах предпочитает прятать свое знамя за пазухой.

Полубуйтесь на эти нежные и трепетные либеральные добродетели, состязающиеся в лицемерии: глупость, трусость и предательство, взявшись за руки, хором исполняют, как это было в 1984 году на улицах Парижа, «Гимн свободной школы»:

«Свобода, свобода, ты — единственная истина».

Что, собственно, означает: мы просим у вас только свободы, всего-навсего свободы для наших школ; это единственное, что нам нужно, и мы ничуть не возражаем против свободы светского и обязательного образования, против почти монопольного господства марксистско-фрейдистской школы. Продолжайте в том же духе — принижайте Иисуса Христа, хулите отечество, черните наше прошлое в умах и сердцах 80 % детей, а мы, со своей стороны, ограничимся внушением нашим 20 % добродетелей терпимости и плюрализма, разоблачением заблуждений фанатизма и суеверий, объяснением достоинств свободы.

*

Теперь же предоставлю Папам засвидетельствовать для нас ложный характер этой новой свободы и указать на западню, в которую она увлекает истинную защиту католического образования. Итак, эта свобода является *ложной*:

«Что же до так называемой свободы обучения, то к ней вынесенное Нами суждение относится в равной степени. Только истина, и в этом нельзя сомневаться, должна проникать в души, ибо именно в ней существа, наделенные разумом, находят свое благо, свою цель и свое совершенство: вот почему только истинные положения должны быть предметом обучения, к кому бы оно ни было обращено — к несведущим или к ученым, дабы одним принести познание ис-

тины, а другим — утверждение в ней. По этой причине всякий, кто занимается обучением, имеет, конечно же, своим долгом искоренять заблуждения и возводить на пути ложных суждений прочную стену. Очевидно, таким образом, что обсуждаемая Нами свобода, провозглашая право преподавать все что угодно, разительно противоречит разуму и угрожает вызвать полное помрачение умов; государственная власть не может вводить подобную свободу в обществе, если только ею не руководит презрение к своему долгу. Мы не можем сомневаться в этом, зная, сколь весом для обучающихся авторитет преподавателя и сколь редко ученик может самостоятельно судить об истинности внушаемых ему наставлений.

Следовательно, эта свобода тоже, будем честны, должна удерживаться в определенных границах; не нужно, чтобы искусство и обучение могли безнаказанно становиться орудиями порока».¹

Запомним эти слова Папы: светская власть не должна предоставлять свободу обучения в так называемых государственных школах Маркса и Фрейда или, что еще хуже, позволять внушать, что все мнения и доктрины равноценны и никакая из них не может претендовать на исключительное право истины, но все они должны быть взаимно терпимы. Ибо в этом заключен худший из духовных пороков — релятивизм.

*

Перейдем к тому, в чем заключается *запядия* свободы обучения. Она побуждает католика сказать государству: «Я прошу у вас только свободы». Иными словами: «В свободном государстве должны быть свободные школы».

¹ Лев XIII. Энциклика «Libertas». Ст. 209—210. Ср. также цитированное выше послание Льва XIII «E giunto». Ст. 240.

Или: «Коль скоро вы предоставляете свободу Марксу и Фрейду в ваших светских школах, предоставьте же в наших свободных школах свободу Иисусу Христу!» Это и есть западня: оставить на милость государства заботу определения допустимого уровня христианского образования в светском обществе, а самим покорно уйти в сторону. По отношению к насильственно-принудительному режиму это был бы, за несимением лучшего, приемлемый аргумент *ad hominem*, но по отношению к либерально-масонской власти, существующей на Западе, в частности во Франции и других странах, где христианство еще не уничтожено окончательно, это трусость и *измена*. Католики! Покажите, что вы сильны! Заявите права Иисуса Христа на души, искупленные его кровью! Смело встаньте на защиту **полной свободы** Церкви обучать на основании ее божественной миссии! Потребуйте полной свободы родителей — поскольку их неотъемлемый долг заключен в воспитании потомства — дать своим детям католическое воспитание и образование. Об этом говорит и Пий XI в своей энциклике «*Divini illius*» от 31 декабря 1929 года, посвященной воспитанию:

«Функция светской власти, правящей в государстве, заключается, таким образом, в двух вещах: обеспечивать покой и преуспеяние семьи и отдельного человека, но не подчинять их себе и не становиться на их место.

В области воспитания правом или, правильнее сказать, обязанностью государства является защищать своими законами древнее, установленное свыше, право семьи на христианское воспитание ребенка и, следовательно, уважать сверхъестественное право Церкви на это воспитание».

А в энциклике «*Non abbiamo bisogno*» от 29 июня 1931 года, направленной против фашизма, притеснявшего

молодежные католические союзы, Пий XI выступил с замечательными словами о *полной свободе* обучения, свойственной в равной степени Церкви и самим человеческим душам:

«...Это священные и неприкосновенные права человеческих душ и Церкви. Во-первых, это право душ приобщаться к величайшему духовному благу под руководством и наставничеством Церкви, единственной установленной Богом рачительницы об этом наставничестве и об этих душах согласно сверхъестественному порядку, заложенному кровью Бога-Искупителя и необходимому и обязательному для всех, дабы они достигли божественного Искупления. Во-вторых, это право душ, которые воспитаны подобным образом, передавать сокровища Искупления другим душам, принимая участие в деятельности иерархического апостольства [Пий XI имеет в виду движение „Католическое действие“].

Помышляя об этом двояком праве душ, Мы назвали недавно отважной и благородной праведную борьбу за свободу совестей, но не за свободу совести (как, возможно, по недосмотру, решили некоторые), каковым двусмысленным выражением стали слишком часто обозначать абсолютную независимость совести, вещь абсурдную для души, которая сотворена и искуплена Богом [...].

И, в-третьих, это столь же неприкосновенное право Церкви осуществлять данное ей Тем, кто является ее божественным Учредителем, поручение нести душам, всем душам, все сокровища истины, а также доктринальные и практические блага, которые Он сам установил в мире: *Euntes docete omnes gentes [...] docents eos serpare omnia quaecumque mandavi vobis*: „Итак идите, научите все народы [...], уча их соблюдать всё, что я повелел вам” (Мат. 28, 19—20)».²

² D. C. 574 (1931), col. 82; Enseignements pontificaux. L'Education, Desclée. 1960. № 316.

Прежде всего эти слова относятся к обучению, осуществляемому в католических школах.

Теперь, полагаю, вы лучше понимаете различие, диаметрально противоположность, между, так сказать, *либеральной свободой обучения* и *тотальной свободой обучения*, требуемой Церковью в качестве одного из ее священных прав.

*

Какое место уделяет доктрина Церкви государству в области обучения и воспитания? Ответ прост: исключая лишь некоторые подготовительные школы государственных служб, как, например, военные, нигде более *Государство не является ни наставником, ни воспитателем*. Его роль, согласно *принципу взаимопомощи*, который выразил в приведенном выше тексте Пий XI, заключается в том, чтобы содействовать основанию свободных школ родителями и Церковью, но не становиться на их место. Идея государственной школы, принцип «общенационального министерства образования», даже если таковые не являются светскими и государство не получает монополии на образование, по сути своей противоречат доктрине Церкви.

Глава XIII

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО ЦЕРКВИ?

*Церковь без государства — это
душа без тела. Государство без
Церкви — это тело без души.*

Лев XIII

Каков статус Церкви по отношению к светскому обществу? Ответ на этот вопрос является предметом специальной церковной науки — публичного права Церкви. Вы можете обратиться к замечательным трактатам по публичному праву кардинала Оттавиани, а также Сильвио Романи и к источникам, собранным Ло Грассо (см. библиографию в конце книги).

Я же хотел бы показать, насколько либерализм противоречит публичному праву Церкви, доходя до его упразднения, и насколько он, следовательно, противоречит самой вере, на которой и основывается это право.

Положения публичного права Церкви

Действительно, положения публичного права Церкви суть истины веры — или выводы веры. Вот они:

1. *Независимость Церкви.* — Церковь, целью которой является сверхъестественное спасение душ, есть *совершенное общество*, наделенное его божественным Учредителем всеми необходимыми для прочного самостоятельного существования средствами. В «Силлабусе» осуждается следующее расходящееся с этим положение:

«Церковь не есть истинное, совершенное и всецело свободное общество; она не обладает собственными и постоянными правами, полученными ею от ее божественного Учредителя, и определять права Церкви, равно как и границы, в которых она может эти права осуществлять, надлежит светской власти».¹

Вот к какому порабощению государству хотят привести Церковь либералы! «Силлабус» твердо осуждает и экспроприации собственности и прочих прав, которым Церковь периодически подвергается светской властью. Церковь никогда не примет *принципа общего права*, никогда не согласится удовольствоваться правами, общими для всех законных организаций светского общества, получающих от государства как преимущества, так и ограничения. Следовательно, Церкви заведомо присуще право свободно и независимо от светской власти приобретать, владеть и управлять мирскими благами, необходимыми для исполнения ее миссии (кодекс канонического права 1917 года, статья 1495): церквами, семинариями, епископствами, монастырями, бенефициями (статьи 1409—1410). Кроме того, Церковь не подлежит никаким государственным налогам. Она имеет собственные церковные суды, разбирающие дела, касающиеся священнослужителей и церковной собственности (статья 1552) и не относящиеся к юрисдикции гражданских судов (судебный иммунитет). Кроме того,

¹ «Силлабус», положение 19; Dz 1719.

священнослужители освобождаются от воинской обязанности (военный иммунитет) (статья 121) и т. д.

Одним словом, основанием для предоставления Церкви суверенитета и независимости является сама ее миссия: «...дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы...» (Мат. 28, 18—19).

2. *Различие Церкви и государства.* — Государство, непосредственной целью которого является всеобщее мирское благо, также есть совершенное общество; оно отличается от Церкви и суверенно в своей области. Это различие Пий XII называет «законным и должным светским характером государства»,² который не имеет ничего общего с лаицизмом, осуждаемым заблуждением. Следует остерегаться смешения одного с другим! Необходимое различие двух обществ прекрасно выражено Львом XIII:

«Бог разделил руководство родом человеческим между двумя властями: церковной и гражданской; первой из них поручены божественные дела, второй — человеческие. Каждая из двух властей суверенна в своей области; каждая пребывает в строго определенных и проведенных в соответствии с ее природой и особой целью границах. Имеют место, таким образом, два замкнутых круга, в которых две власти осуществляют свою деятельность *jure proprio*».³

3. *Союз между Церковью и государством.* — Но различие не подразумевает разделения! Могут ли две власти не иметь дела друг с другом, будучи обращенными к одним и тем же подданным и регулируя зачастую одни и те же вопросы: брак, семью, школу и т. д.? Противостоять друг другу они также не могут, ибо, наоборот, благо людей

² Обращение к жителям Марша. 23 марта 1958. Ст. 1284.

³ Лев XIII. Энциклика «Immortale Dei». Ст. 136; Dz 1866.

требует от них *единодушной деятельности*. Лев XIII поясняет:

«Конфликт [между ними] был бы бессмысленным и очевидно противоречил бы божественным наставлениям: необходимо, таким образом, находить середину, путь к устранению причин споров и разногласий, добиваясь практического единодушия. И это единодушие не без оснований сравнивали с союзом души и тела, в котором заключено преимущество для обеих сторон, тогда как разделение оказалось бы исключительно пагубным для тела, лишив его жизни».⁴

4. *Косвенная юрисдикция Церкви в мирских делах.* — В разрешении смешанных вопросов Церковь, учитывая превосходство ее цели, пользуется приоритетом: «Всё в делах человеческих, что на том или ином основании является священным, все, что имеет отношение к спасению душ и почитанию Бога, либо по природе, либо *по своей цели*, относится к ведению церковной власти».⁵ Другими словами, отношения *союза* и гармонии между Церковью и государством предполагают некоторый порядок, иерархию — этим и объясняется косвенная юрисдикция Церкви в мирских делах, косвенное право вмешательства Церкви в дела, обычно относящиеся к ведению государства. Церковь вмешивается «*ratione peccati*», на основании греха и спасения душ, если воспользоваться выражением папы Бонифация VIII (Dz 468, примечание).

5. *Косвенное подчинение.* — Соответственным образом, светская власть находится в косвенном подчинении власти духовной. Таков пятый принцип — принцип веры,

⁴ *Лев XIII.* Энциклика «*Libertas*». Ст. 200. Еще Ив Шартрский писал королю Роберу Благочестивому: «Сколь ничтожно тело, если оно не руководимо душой, столь ничтожна и светская власть, если она не повинуется церковной дисциплине».

⁵ *Лев XIII.* Энциклика «*Immortale Dei*». Ст. 137.

или во всяком случае теологической достоверности, на котором основывается публичное право Церкви. В самом деле, человек предназначен к вечному блаженству, и блага здешней жизни, мирские блага, призваны содействовать достижению этой цели: даже будучи несоразмерными ей, они косвенно ей подчинены. Само всеобщее мирское благо, являющееся целью государства, призвано облегчить гражданам приход к небесному блаженству. В противном случае оно было бы благом кажущимся и иллюзорным.

6. *Функция содействия* государства Церкви. — «Светское общество, добываясь всеобщего благосостояния, должно, — учит Лев XIII, — заботиться о благе граждан таким образом, чтобы не только не затруднять, но всеми возможными средствами облегчать поиск и обретение того высшего и незыблемого блага, к которому устремлены их чаяния». ⁶ «Королевская власть [мы сказали бы: государство], — по словам святого Фомы, — должна обеспечивать множеству благоприятную жизнь в соответствии с тем, что нужно, чтобы привести его к обретению небесного блаженства; то есть она должна предписывать (своими мирскими установлениями) то, что к этому блаженству ведет, и по возможности запрещать то, что ему противоречит». ⁷

Итак, государство выполняет по отношению к Церкви функцию содействия, роль служителя: преследуя свою цель, оно должно активно, хотя и косвенно, помогать Церкви достичь ее цель — спасти души!

Эта неизменная на протяжении многих веков доктрина Церкви по праву именуется *doctrina catholica*, и только злонамеренностью либералов может быть объяснено то,

⁶ Лев XIII. Энциклика «*Immortale Dei*». Ст. 137.

⁷ *Saint Thomas d'Aquin. De regimine principum. L. I, ch. XV.*

что она преподносится зачастую как часть обскурантизма ушедшей эпохи.

Согласно либералам, она годилась для «священных монархий» Средневековья, но для современных «конституционных демократических государств» не подходит.⁸ Это просто глупость, ибо наша доктрина, основанная на откровении и принципах естественного порядка, является такой же незыблемой и вневременной, как природа общего блага и божественное устройство Церкви.

В поддержку опаснейшего тезиса о разделении Церкви и государства вчерашние и сегодняшние либералы часто цитируют следующие слова Нашего Господа: «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мат. 22, 21). Но они умалчивают о том, чем кесарь обязан Богу!

7. Земное царство Господа Нашего Иисуса Христа. — Последний принцип, в котором находит свою высочайшую сумму все публичное право Церкви, заключается в истине веры: Иисус Христос, истинный Бог и истинный человек, Царь Царей и Господин Господ, должен царить над обществами так же, как Он царит над людьми; искупление душ с необходимостью продолжается в повиновении государств и их законов легкому и сладостному ярму закона Христа.

Мало того, что государство должно, по словам Льва XIII, «требовать уважения к священным и неприкосновенным уставам религии, нормы которых объединяют человека с Богом»;⁹ светское законодательство должно само быть

⁸ Ср.: *John Courtney Murray. Vers une intelligence du développement de la doctrine de l'Eglise sur la liberté religieuse.* P. 128—129.

⁹ *Лев XIII.* Энциклика «Immortale Dei». Ст. 131.

проникнуто законом Бога (десятью заповедями) и евангельским законом с тем, чтобы являться в своей области, каковая есть мирской порядок, *орудием дела Искупления*, ведомого Господом Нашим Иисусом Христом. В этом прежде всего и заключено осуществление земного Царства Господа Нашего Иисуса Христа.

Достаточно прочесть одну лишь великолепную энциклику Пия XI «*Quas primas*» от 11 декабря 1925 года, посвященную земному царствию Господа Нашего Иисуса Христа! Эта доктрина изложена там с восхитительной ясностью и силой. Я вспоминаю о том, как, будучи семинаристом в Риме, впервые услышал вместе с моими соучениками это наставление Папы. С какой радостью, с каким воодушевлением комментировали его для нас наши учителя! Прочтите хотя бы следующие строки, камня на камне не оставляющие от государственного лаицизма:

«Государства же, в свою очередь, ежегодное празднование этого дня, обязательное для всех правительств, чиновников и частных лиц, научит общественному почитанию Христа и следованию его законам. Светским властям оно будет напоминать о грядущем суде, когда Христос осудит тех, кто изгонял Его из жизни земной, а также тех, кто пренебрежительно отстранял или игнорировал Его, и подвергнет за подобные оскорбления самому тяжелому возмездию; ибо его царское достоинство требует того, чтобы все государство руководствовалось наказами Бога и христианскими принципами в установлении законов, в исполнении правосудия, в интеллектуальном и моральном образовании молодежи, которая должна блюсти праведную доктрину и нравственную чистоту».¹⁰

¹⁰ Пий XI. Энциклика «*Quas primas*». Ст. 569.

Церковь же пусть своей литургией воспеваает и провозглашает царствие Иисуса Христа над светскими законами. Сколь прекрасное догматическое наставление, пусть оно и не было произнесено *ex cathedra*!

Какая же злоба владела врагами Иисуса Христа, новаторами, когда они сорвали с Него корону, решением собора 1962 года исключив, вычеркнув три следующие строфы из песнопения первой вечерни праздника Христа-Царя:

Scelesti turba clamitat	Ревет неистово толпа злодеев:
Regnare Christum nolumus,	Мы не желаем Царствия Христова,
Te nos ovantes omnium	Но нашим ликованием Тебя
Regem supernum dicimus.	Провозглашаем мы царем над всеми.

(стих 2)

Te nationum praesides	Тебе правители народов
Honore tollant publico	Пусть воздадут публичную хвалу!
Colant magistri, iudices	Тебя пусть чествуют властители и судьи,
Leges et artes expriment.	Тебя являют пусть законы и искусства!

(стих 6)

Submissa regum fulgeant	Пусть блещут верностью Тебе
Tibi dicata insignia,	Царей знамена посвященные,
Mitique sceptro patriam	И доброму пусть скиптру твоему
Domosque subde civium.	Все граждане отныне повинуются.

(стих 7)

Глава XIV

КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ОНИ ПРЕДАЛИ ИИСУСА ХРИСТА?

На грядущем суде [...] Христос осудит тех, кто изгонял Его из жизни земной [...] и подвергнет за подобные оскорбления самому тяжелому возмездию.

Пий XI

Пусть и повторяясь, я вновь обращаюсь к теме земного царствия Господа Нашего Иисуса Христа, к этому *догмату католической веры*, который никто не может подвергать сомнению, не впадая тем самым в ересь. Да-да, именно в ересь!

Да веруют ли они еще?

Вы можете сами судить об угасании веры апостольского нунция в Берне монсеньора Марчони, с которым 31 марта 1976 года я имел следующую беседу:

Монсеньор Лефевр: «Очевидно, что на Соборе произошли опаснейшие вещи [...]. В декларации о религиозной свободе есть пункты, противоречащие тому, чему учи-

ли Папы: так, ею предполагается, что католических государств более не будет!»

Монсеньор Марчони: «Что ж, это так».

Монсеньор Лефевр: «И вы считаете, что это упразднение католических государств пойдет на благо церкви?»

Монсеньор Марчони: «Но, видите ли, это было сделано ради того, чтобы добиться большей религиозной свободы в СССР».

Монсеньор Лефевр: «А как же земное Царство Господа Нашего Иисуса Христа?»

Монсеньор Марчони: «Вы знаете, сейчас это невозможно. Может быть, в далеком будущем... Ныне это Царство заключено в отдельных людях. Нужно открыться массам».

Монсеньор Лефевр: «А как же энциклика „Quas pri-mas”, что делать с ней?»

Монсеньор Марчони: «Да, но... теперь бы Папа не написал этого».

Монсеньор Лефевр: «Вы знаете о том, что в Колумбии христианская конституция была упразднена по требованию Ватикана?»

Монсеньор Марчони: «Да, и здесь тоже».

Монсеньор Лефевр: «В Вале?»

Монсеньор Марчони: «Да, в Вале. И теперь, как видите, меня приглашают на все публичные мероприятия!»

Монсеньор Лефевр: «Значит, вы поддерживаете доводы письма, которое направил своим прихожанам монсеньор Адам (епископ Сьона, в Вале), чтобы объяснить, почему они должны голосовать за закон об отделении Церкви от государства?»

Монсеньор Марчони: «Видите ли, сейчас земное царство Нашего Господа — дело довольно-таки затруднительное...»

Нунций болсе не верит: он говорит о «невозможном», «довольно-таки затруднительном» догмате, о том что «теперь Папа так не написал бы!» И сколь многие думают так сегодня! Сколь многие неспособны понять, что Искупление Господа Нашего Иисуса Христа должно вершиться с помощью светского общества и что государство поэтому должно стать, в границах мирского порядка, орудием осуществления дела Искупления. Они отвечают вам: «Это разные вещи! Вы смешиваете политику и религию!»

И тем не менее все создано для Господа Нашего Иисуса Христа, а следовательно, для того, чтобы дело Искупления свершилось: все, включая светское общество, которое, как я уже говорил вам, тоже является творением Бога! Светское общество не есть только лишь продукт человеческой воли, оно прежде всего — следствие общественной природы человека, того, что Бог создал людей для жизни в обществе; так устроено в природе ее творцом. Следовательно, само светское общество, а не только отдельные люди, должно чтить Бога, своего создателя и свою цель, *служба искупительному замыслу Иисуса Христа.*

В сентябре 1977 года, выступая с лекцией в Риме у герцогини Палавиччини, я процитировал текст, написанный кардиналом Коломбо, архиепископом Милана, в котором говорится, что государство якобы не должно иметь своей религии, что оно должно существовать «без идеологии». И кардинал, прочтя мое выступление в журнале «Будущее Италии», отнюдь не опроверг меня, но ответил на мое порицание тем, что повторил то же самое, проведя свою мысль еще тверже в целой статье, так и озаглавленной: «*Lo Stato non puo essere altro que laico*», «Государство может быть только светским» (то есть, безрелигиозным)! Так говорит кардинал! Какое же представление он имеет об Искуплении Господа Нашего Иисуса Христа? Это неслыханно! Вот в какой мере либерализм пронизал Церковь! Будь подобное сказано еще двадцать лет назад, оно произвело бы эффект бомбы, разорвавшейся в Риме, все выразили бы свое возмущение, и Папа Пий XII осудил бы слова кардинала, принял бы меры... Ныне же это нормально, или кажется нормальным. Но мы должны сохранять твердое убеждение в этой истине веры: всё, включая светское общество, было создано, чтобы прямо или косвенно служить искупительному плану Господа Нашего Иисуса Христа.

Осуждение отделения Церкви от государства

Прежде всего надо уточнить, что папы осуждали отделение Церкви от государства только как доктрину и в приложении к нациям *с католическим большинством*. Нет никаких оснований осуждать возможную *терпимость* к

другим вероисповеданиям в официально католическом обществе и тем более — факт множественности вероисповеданий, имеющей место во многих странах, находящихся за пределами того, что некогда называли христианским миром.

Упомянув об этом, я могу утверждать вместе с Папами, что безбожие и граничащее с ересью заблуждение заключается в том, чтобы отстаивать необходимость отделения государства от Церкви и Церкви от государства. Святой Пий X своей твердой верой, своей глубокой теологией, своим пастырским рвением яростно протестовал против лаицистского замысла отделения Церкви от государства во Франции. Вот что он говорил в энциклике «*Vehementer nos*» от 11 февраля 1906 года, к которой я советую вам прислушаться:

«В том, что якобы следует отделить государство от Церкви, заключен абсолютно ложный тезис, крайне опасное заблуждение.

Будучи основанным на том принципе, что государство не должно официально признавать никакого вероисповедания, этот тезис прежде всего глубоко оскорбителен для Бога; ибо Создатель человека является также Основателем человеческих обществ, и он заботится об их сохранении так же, как о нашем существовании. Поэтому нашим долгом является не только его личное почитание, но также государственный и общественный культ в его честь.

Кроме того, в этом тезисе содержится явственное отрицание сверхъестественного порядка. В самом деле, он ограничивает деятельность государства одной лишь заботой о всеобщем благосостоянии в жизни сей, каковое есть лишь ближайшая цель светских обществ; и он не уделяет никакого внимания, словно отвергая ее, конечной цели этих об-

ществ — вечному блаженству, которое обещано человеку по окончании его краткого земного века. Но поскольку земной порядок вещей, имеющий место во времени, подчинен завоеванию этого высшего и абсолютного блага, светская власть не должна чинить препятствий этому завоеванию, но, напротив, должна помогать нам в нем.

Также этот тезис расходится с порядком, который установлен в мире великой мудростью Бога и который требует гармонического содействия двух обществ. Ведь члены этих двух обществ, религиозного и светского, одни и те же, хотя каждое из них вершит над ним свою власть в присутствующей ему области. Отсюда с необходимостью следует, что существует множество дел, разбор и суд которых оказывается в ведении обеих властей. И, если согласие между государством и Церковью пропадет, эти общие для них дела окажутся плодородной почвой для распрей между ними, острых разногласий с обеих сторон; тем самым окажется замутнено понятие истины и души преисполнятся глубокой тревогой.

Наконец, этот тезис сулит великие бедствия самому светскому обществу, ибо оно не может ни процветать, ни существовать долгое время, если должное место в нем не отдается религии, каковая является для человека высшим уставом и могущественным патроном, коим неусыпно охраняются его права и обязанности».

*

*Замечательно постоянство
этой доктрины*

Затем святой Папа обращается к поучению своего предшественника, Льва XIII, и цитирует его слова, показывающие авторитет, который присущ этой доктрине, сквозь призму ее *постоянства*:

«Римские понтифики всегда, когда этого требовали обстоятельства и эпоха, опровергали и осуждали доктрину раздельного существования Церкви и государства. Так, наш прославленный Предшественник, Лев XIII, неоднократно и безукоризненно высказывался о том, какими, согласно католической доктрине, должны быть отношения между двумя обществами».

Далее следует фрагмент энциклики «*Immortate Dei*», который я приводил в предыдущей главе, и следующая цитата:

«Человеческие общества не могут, не становясь при этом преступными, действовать так, как если бы Бог не существовал, или отказываться заботиться о религии, словно они ей чужды или ничем не могут ей услужить [...] Исключать Церковь, создателем которой является сам Бог, из деятельной жизни общества, законов, воспитания молодежи, семьи означает совершать великую и крайне опасную ошибку».¹

Стоит еще раз перечесть следующий фрагмент этого же текста, чтобы убедиться, что и Лев XIII в свою очередь открыто продолжает доктрину своих предшественников:

«Эти доктрины, которые опровергает человеческий разум, но которые оказывают весьма значительное влияние на ход общественных событий, всегда, когда они бесстыдно высказывались, подвергались осуждению со стороны римских Понтификов, Наших предшественников, ясно осознававших требования, возложенные на них апостольским бременем. Так, Григорий XVI в своем Послании-Энциклике „*Mirari vos*” от 15 августа 1832 года [...], по вопросу о раздельном существовании Церкви и государства, выра-

¹ *Лев XIII*. Энциклика «*Immortate Dei*». Ст. 149.

зился следующим образом: „Мы не можем ожидать лучшего для Церкви и государства от начинаний тех, кто стремится отделить Церковь от государства и разрушить взаимное согласие между духовенством и империей. В действительности сторонники необузданной свободы страшатся этого согласия, которое всегда играло весьма благоприятную и спасительную роль для религиозных и общественных интересов”.

Так же и Пий IX всякий раз, когда этого требовал случай, осуждал самые общепринятые ложные мнения, из которых впоследствии был составлен сборник,² с тем чтобы указать католиком должное направление среди нынешнего града заблуждений».³

В заключение скажу, что эта доктрина, согласно которой между Церковью и государством должен существовать союз, тогда как противоположное является заблуждением, с восхитительным постоянством утверждалась четыремя Папами на протяжении 1832—1906 годов и 21 февраля 1906 года была торжественно провозглашена Пием X в консистории, получив тем самым в высшей степени авторитетное выражение и даже, несомненно, гарантию верности.

*

Как же нунций Марчони, кардинал Коломбо могли прийти к отрицанию этой доктрины, основанной на вере и, по всей вероятности, неопровержимой? Как мог экуменический Собор отодвинуть ее в сторону, отправить в музей

² «Силлабус», 55-е осуждаемое положение которого звучит так: «Следует отделить Церковь от государства и государство от Церкви».

³ *Лев XIII*. Энциклика «Immortale Dei». Ст. 151.

диковинных древностей? На эти вопросы я попытаюсь ответить в дальнейшем, рассказав вам о том, как либерализм проник в Церковь усилиями смертельно опасного направления в религиозной мысли — *либерального католицизма*.

ЧАСТЬ II
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАТОЛИЦИЗМ

Глава XV

ВЕЛИКАЯ ИЗМЕНА

Примирить Церковь с революцией: вот в чем заключается цель так называемых католических либералов.

В качестве возражения католической доктрине земного царства Господа Нашего Иисуса Христа и союза между Церковью и государством так называемые католики-либералы приводят то, что она, несомненно, верна, но неприложима даже в католических странах: в теории можно принять *тезис*, предлагаемый Папами и теологами; на практике же следует уступить обстоятельствам и решительно присоединиться к *гипотезе*, поддержать плюрализм и свободу вероисповеданий.

«Католические либералы постоянно заявляют, что они стремятся к ортодоксии не меньше самых непримиримых традиционалистов и заботятся исключительно об интересах Церкви; примирение, их целью является не теоретическое или абстрактное, но практическое примирение».¹

¹ ДТС. Т. IX. Col. 509 (статья «Либеральный католицизм»).

Прошу вас обратить внимание на то, что пресловутое различие тезиса (доктрины) и гипотезы (практических действий в данных обстоятельствах) требует правильного истолкования: приложение принципов предполагает учет обстоятельств посредством осмотрительности, являющейся частью добродетели *благоразумия*. Так, если в католической нации есть сильные мусульманское, иудаистское и протестантское меньшинства, этим может быть продиктована терпимость к их вероисповеданиям в стране, которая тем не менее остается католической, со стороны государства, которое признает истинную религию, ибо верует в земное царство Господа Нашего Иисуса Христа!

Но будьте осторожны! Католические либералы имеют в виду совсем другое! Согласно им, принципы, являющиеся между тем руководством к действию, не должны ни применяться на практике, ни провозглашаться, поскольку, по их словам, они неприменимы. Это очевидным образом ложно: разве нужно отказываться провозглашать и применять наказания Бога «веруй в единственного Бога», «не убивай», «не желай жены ближнего», потому лишь, что люди этого больше не хотят? Потому что общие настроения требуют снятия всяких моральных ограничений? Нужно ли отказываться от земного царства Иисуса Христа в своей стране под предлогом того, что места для себя требуют Магомет или Будда? Но *они отказываются верить в практическую действительность истины*. Они думают, будто могут по-прежнему утверждать католические принципы в теории и при этом неизменно действовать вразрез с этими принципами: такова внутренняя непоследовательность так называемых католических либералов.

Вот что говорит об этом кардинал Бийо:

«Либерализм „либеральных католиков” не поддается никакой классификации, и единственным отличительным и характерным признаком его является *совершенная и абсолютная непоследовательность*».²

Кардинал указывает, что само выражение «либеральный католик» содержит в себе терминологическое противоречие, непоследовательность, поскольку «католик» предполагает следование человеческому и божественному порядку вещей, а «либеральный» означает как раз отказ следовать этому порядку, бунт против Господа Нашего Иисуса Христа.

И, наконец, кардинал Бийо касается упомянутого различия между тезисом и гипотезой, проводимого так называемыми католическими либералами:

«Если конкретное положение вещей отличается от идеальных теоретических условий, то отсюда следует, что конкретные вещи никогда не будут иметь идеального совершенства, и ничего более».

Так, из существования инакомыслящих меньшинств в католической стране следует то, что религиозное единодушие, возможно, никогда не будет осуществлено целиком и полностью, что земное царство Иисуса Христа может никогда не достичь того совершенства, которое заявлено в его принципах; однако не следует того, что нужно практически отказаться от этого Царства и установить в качестве нормы религиозный плюрализм!

Уже по сказанному выше можно судить о том, что в либеральном католицизме (я вынужденно и с омерзением прибегаю к этому святотатственному выражению) заклю-

² P. Le Floch. Le cardinal Billot, lumière de la théologie. P. 57.

чена непризнанная самими предателями *измена* принципам, практическое отступничество от веры в земное Царство Господа Нашего Иисуса Христа. Применительно к католическому либерализму с полным основанием можно сказать: «*либерализм — это грех*».³

Кроме того, и к этому я вернусь в следующей главе, это заблуждение отмечено *интеллектуальным конфузионизмом*, манией к допускаемым смещениям, нежеланием определенности. Так, оно смешивает *толерантность* и *толерантизм*: толерантность — это католический принцип, и в некоторых обстоятельствах она является долгом *милосердия* и политического *благоразумия* по отношению к меньшинствам; толерантизм же — это либеральное заблуждение, требующее предоставления всем инакомыслящим без разбора и *по справедливости* таких же прав, какие даны пребывающим в истине, моральной или религиозной. Но, как можно судить об этом по другим областям, отождествление милосердия и справедливости приводит к подрыву общественного порядка, убивает и милосердие, и справедливость.

³ Дон Феликс Сарда-и-Сальвани.

Глава XVI

КАТОЛИЧЕСКО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Бывает тираническая слабость, озлобленное слабоумие и побежденные, заслуживающие своего положения.

Шарль Моррас

Болезнь разума

Либеральный католицизм — это даже не столько неправомерное смешение, сколько *«болезнь разума»*,¹ который не в силах спокойно утвердиться в истине, который не может ничего утверждать, не выдвигая самому себе контраргументы, видя в этом свою обязанность. Папа Павел VI был образцом подобного раздвоения разума, подобного двуличия, которое даже физически ощущается в его лице: его ум постоянно разрывался противоречиями, проникнутый непрерывным колебанием между традицией и новизной: интеллектуальная шизофрения, скажут некоторые?

¹ *Abbé A. Roussel. Libéralisme et catholicisme. P. 16.*

Мне кажется, что глубокое представление этой болезни дал о. Клериссак. Это «*нехватка целостности духа*»,² — пишет он, — неспособность «довериться истине»:

«Эта нехватка целостности духа во времена либерализма психологически выражается в двух характерных признаках: либералы восприимчивы и вспыльчивы; восприимчивы, так как они с чрезмерной легкостью перенимают умонастроения своих современников; вспыльчивы, так как, боясь ущемить то или иное из этих умонастроений, они пребывают в постоянном апологетическом возбуждении; они как будто сами мучаются сомнениями, которые пытаются рассеять; им не хватает способности довериться истине; они слишком озабочены тем, чтобы все оправдать, все подтвердить, все приспособить или даже все извинить».

Поиск гармонии с миром

Все извинить! Как точно сказано: они хотят извинить все в прошлом Церкви: крестовые походы, инквизицию и т. д.; оправдать и подтвердить — в этом им присуща робость, особенно когда дело касается прав Иисуса Христа; но приспособить — в этом они мастера, таков, собственно, их принцип:

«Они исходят из практического принципа, неопровержимого, по их мнению, факта: принцип этот заключается в том, что Церковь не сможет быть услышанной в конкретной среде, где она должна исполнить свою миссию, не *достигнув гармонии с этой средой*».³

Так, модернисты берутся приспособить евангельские заповеди к ложной критической науке и к ложной имма-

² *Humbert Clérissac*, о. p. *Le mystère de l'Eglise*. Ch. VII.

³ DTC. T. IX. Col. 509.

нентистской философии своего времени, «пытаясь сделать христианскую истину доступной умам, приученным к отрицанию сверхъестественного».⁴ Согласно их рассуждениям, ради обращения тех, кто не верит в сверхъестественное, нужно оставить за скобками откровение Нашего Господа, благодать и чудеса... Имея дело с атеистами, не говорите с ними о Боге, поставьте себя на их уровень, общитесь к их мировоззрению, войдите в их систему! Чтобы в итоге стать христианином-марксистом — ибо это они обратят вас!

Именно так рассуждала о миссионерской деятельности в рабочей среде Французская миссия и рассуждают многие нынешние священнослужители: коль скоро мы хотим их обратить, нам нужно работать вместе с ними, не подавая виду, что мы священники; мы должны перенять их заботы, выяснить их чаяния, чтобы послужить в итоге закваской для их теста... Только тем самым сами священники оказываются обращены и становятся профсоюзными агитаторами! «Да, — ответит кто-то, — но, видите ли, нужно было полностью раствориться в этой среде, не вызывать ее неприятия, не произвести впечатления, будто ее хотят воцерковать, внушить ей истину!» Какое заблуждение! Эти разуверившиеся люди жаждут истины, они просят того хлеба истины, который не желают преломить помраченные священники!

Обращались к миссионерам и с таким советом: не бросайтесь сразу проповедовать Иисуса Христа этим гибнущим от голода туземцам! Сначала дайте им еду, затем орудия труда, обучите их работать, научите их грамотности, гигиене и... контрацепции — почему нет? Но не говорите им о Боге: у них пусто в животе! — Но я отвечу так:

⁴ *Jacques Marteaux. Les catholiques dans l'inquiétude. Passim.*

именно бедность и отсутствие земных благ придает им исключительную предрасположенность к Царствию Небесному, к «чаянию прежде всего Небесного царства», к Доброму Богу, любящему их и претерпевшему за них муки, чтобы они своей нищетой приняли участие в Его искупительных страданиях. Если же вы, напротив, возьметесь встать на один уровень с ними, то тем самым лишь вызовете упрёки в несправедливости и воспламените ненависть к себе. Но если вы будете нести им Бога, вы поднимете их с колен, вы возвысите их, вы дадите им истинное богатство.

Примирение с принципами 1789 года

Вступая на политическое поле, либеральные католики усматривают в принципах 1789 года христианские истины, пусть немного извращенные в обличье идеалов современности, но после некоторой очистки вполне приемлемые для Церкви: речь идет о свободе, равенстве, братстве, демократии (идеологии) и плюрализме. Подобное заблуждение — «Римский Первосвященник может и должен соглашаться с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией и подчиняться им» — осуждено Пием XI в «Силлабус».⁵

«Что вы хотите? — говорит либеральный католик. — Нельзя без конца идти вразрез с идеями своего времени, плыть против течения, занимать устаревшую или реакционную позицию». Он хочет остановить вражду между Церковью и светским, безбожным либеральным духом. Он хочет примирить непримиримых — Церковь и Французскую революцию, Господа Нашего Иисуса Христа и князя мира сего. Однако возможно ли предприятие, более оскорби-

⁵ *Пий XI*. «Силлабус». Положение 80; Dz 1780.

тельное для Бога и более чуждое христианскому духу — духу праведной борьбы за веру, духу крестового похода, духу беззаветного покорения мира Иисусу Христу?

От малодушия к отступничеству

Во всем этом «католическом» либерализме присутствует нехватка веры или, если быть точным, — *нехватка духа веры*, каковой есть дух целостности: все подчинить Иисусу Христу, «все покорить под ноги Его», по словам святого Павла (Еф. 1, 22). Не осмеливаются требовать всей полноты прав для Церкви, смиряются без борьбы, неплохо приспособляются даже к лаицизму, доходя до его признания. Эту склонность к отступничеству превосходно характеризуют дон Делатте и кардинал Бийо:

«Широкая борозда разделяла прежде (во времена Фаллу и Монталамбера с либеральной стороны во Франции XIX века) две группы католиков: одни из них первойшей необходимостью считали свободу деятельности Церкви и сохранение ее прав в тогда еще христианском обществе, а другие пытались прежде всего определить допустимую для современного общества меру христианства, чтобы затем призвать Церковь этой меры придерживаться».⁶

По словам же Бийо, весь либеральный католицизм сводится к допущению двусмысленности, «смещения терпимости и одобрения»:

«Вопрос, разделяющий либералов и нас [...], заключается не в том, следует ли, учитывая превратности эпохи, смиренно *сносить* то, что не в нашей власти, и вместе с тем прикладывать усилия к избежанию больших зол, добиваясь всего того блага, которое еще возможно; вопрос в том,

⁶ Vie de Dom Guéranger. Т. II. P. 11.

следует ли *одобрять* [новое положение вещей] [...], воспе-
вать принципы, лежащие в основе этого положения, *пре-
творять* их нашими речами, доктриной и делами, как это
делают так называемые католики-либералы».⁷

Монталамбер с его лозунгом «Свободная Церковь
в свободном государстве»⁸ стал проводником отделения
Церкви от государства, не желающим понимать, что эта
обоюдная свобода с необходимостью приведет к порабо-
щению Церкви государству-экспроприатору. Де Брольи
написал либеральную историю Церкви, согласно которой
злодеяния христианских властителей перевешивают благо
христианских конституций. А Жак Пиу выступил глашата-
ем присоединения французских католиков к революции:
не столько к фактически установившемуся республикан-
скому режиму, сколько к либерально-демократической
идеологии. Вот одно из песнопений движения Пиу «Сво-
бодное действие народа» 1900-х годов, цитируемое Жаком
Плонкар д'Ассаком:⁹

Мы из свободного действия,
Мы хотим жить свободно.
Да или нет — воля наша.
Свобода — наша слава.
Воскликнем же: да здравствует Свобода!
Мы хотим выбора: верить или не верить.

Припев:

Поддержим свободное действие,
Действие, действие!
Чтоб закон был равен для всех,
Равен для всех!
Да здравствует Свободное действие Пиу!

⁷ P. Le Floch. Le cardinal Billot, lumière de la théologie. P. 58—59.

⁸ Ср. его речь, произнесенную в Малине 20 августа 1863 года.

⁹ Jacques Ploncard d'Assac. L'Eglise occupée. D. P. F., 1975. P. 136.

Либеральные католики 1984 года действуют ничуть не лучше, скандируя на парижских улицах свой лозунг:

«Свобода, свобода, ты — наша единственная истина!»

Какое же бедствие несут с собой эти либеральные католики! Они кладут веру в карман и присоединяются к лозунгам эпохи. Какой неизмеримый вред причинили они Церкви своим маловерием и отступничеством.

Завершить эту главу я хотел бы словами Дона Геранже, преисполненными того духа веры, о котором я вам говорил:

«Сегодня, как никогда [...], общество нуждается в твердых, последовательных и верных себе доктринах. В обстановке всеобщего измельчания идей только утверждение, твердое, емкое и недвусмысленное утверждение может обратить на себя внимание. Соглашения становятся все более бесплодными, и каждое из них лишь наносит ущерб истине [...] Так покажите [...] свою истинную статью, убежденные католики [...]. *Есть благодать, заключенная в полном и безоговорочном исповедании веры.* Это исповедание, говорит нам Апостол, есть спасение для тех, кто в нем тверд, но также, как показывает опыт, и для тех, кто его слышит».¹⁰

¹⁰ Dom Guéranger. Le sens chrétien de l'histoire. Paris: Nouvelle Aurore, 1977. P. 31—32.

Глава XVII

ПАПЫ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАТОЛИЦИЗМ

Католический либерализм — это истинное бедствие.

Пий IX

Аббат Руссель собрал в своей книге¹ выступления Папы Пия IX, осуждающие план обручения Церкви и революции, вынашиваемый либеральным католицизмом. Представлю вашему вниманию лишь некоторые из них:

«Смещение принципов — вот что приносит вред вашей стране и не позволяет ей заслужить благословение Бога. Я скажу об этом несколько слов, ибо не могу молчать. Я опасюсь не всех этих злодеев, устроивших Парижскую Коммуну... Я опасюсь пагубной политики, того католического либерализма, в котором заключено истинное бедствие... Эта игра уступок может уничтожить Религию. Нет сомнения в том, что нужно вершить милосердие, делать все возможное, чтобы вернуть отклонившихся назад; но это не означает, что нужно разделять их воззрения...»²

¹ *Abbé Roussel. Libéralisme et catholicisme. 1926.*

² *Пий IX. Выступление перед паломниками в Невере. Июнь 1871.*

*

«Осведомите же, Преподобный Брат [епископ Кимперский], членов Католической ассоциации о том, что в тех многих случаях, когда Мы порицали приверженцев либеральных воззрений, мы имели в виду не тех, кто ненавидит Церковь и кого нет нужды называть по именам, но тех, кого Мы упомянули только что тех, кто, храня и поддерживая в себе скрытую заразу либеральных принципов, впитанную ими с молоком, и ссылаясь на то, что она не причиняет явного вреда и не является, согласно им, вредной для Религии, легко разносят ее по умам и тем самым распространяют семена революций, что вот уже долгое время сотрясают мир».³

*

«Однако, хотя дети века куда искуснее детей света, их [врагов Церкви] уловки имели бы, без сомнения, меньший успех, если бы многие из числа тех, кто называет себя католиками, не протягивали им руку дружбы. Увы, это так! Есть среди нас люди, склонные быть заодно с нашими врагами и пытающиеся установить союз между светом и тьмой, согласие между справедливостью и беззаконием, посредством так называемых „либерально-католических доктрин”, которые, опираясь на опаснейшие положения, потакают вмешательству светской власти в духовные дела и учат уважению или по меньшей мере терпимости к самым несправедливым законам, словно бы и не было написано, что никто не может служить двум господам. А такие люди, несомненно, приносят куда большие опасность и вред, нежели открытые враги, как потому, что они содействуют последним, оставаясь незамеченными и даже не догадываясь об этом сами, так и потому, что, находясь на грани от формально осуждаемых воззрений, они, однако,

³ *Пий IX.* Ктаткос обращение к Католическому кружку Кимпера. 1873.

выглядят как честные проповедники безукоризненной доктрины, прельщая тем самым недалеконвидных сторонников соглашений и обманывая порядочных людей, которые воспротивились бы явному заблуждению. Они в некотором роде разделяют умы, разрушают единство и ослабляют силы, которые нужно было бы объединить с тем, чтобы со-обща выступить против врага...»⁴

*

«Мы можем лишь одобрить ваше стремление поддержать и разъяснить положения Нашего „Силлабуса“, особенно те из них, в коих осуждается так называемый католический либерализм, который, имея множество приверженцев даже в числе порядочных людей и производя впечатление, будто он почти не расходится с истиной, особенно опасен и обманчив для тех, кто, не сохраняя должной бдительности, исподволь и неощутимо подтачивает католический дух, ослабляя тем самым силы католиков и умножая силы врагов».⁵

*

Пусть после этих осуждений либеральные католики попробуют убедить нас, что они — не предатели, не перебежчики, не опасные враги Церкви!

Чтобы покончить с либеральным католицизмом в целом, приведу мнение авторитетного свидетеля — французского депутата (1865) Эмиля Келлера, автора книги «„Силлабус“ Пия IX. Пий IX и принципы 1789 года»:

⁴ *Пий IX*. Краткое обращение к Католическому кружку Милана. 1873.

⁵ *Пий IX*. Краткое обращение к издателям католической газеты Родеза. Декабрь 1876.

«В чем же заключается это соглашение, которого так долго добиваются и о котором сегодня говорят все громче? Какое место хотят уделить Церкви в здании, откуда сначала ее планируется исключить? Либералы и правящие круги намерены отдать Церкви второстепенную роль. И, избавившись от нее и ее авторитета, присвоить себе полную независимость, безграничную власть и свободу деятельности. Они хотят предоставить Церкви души, а в свое полное распоряжение получить политику и признание Церковью общественной полезности современных идей, известных под названием принципов 1789 года. Многие светлые умы, попавшие в эту обольстительную западню, не понимают, что подобные предложения могут не оправдать себя. Одни отдаляются от Церкви, решив, — что совершенно абсурдно, — будто она действительно требует отказаться от прогресса и свободы. Другие, уверенные в обратном, но не решающиеся отрицать благо новейших принципов, предпринимают всяческие усилия, дабы убедить Церковь пойти на предлагаемое ей примирение. Они добровольно соглашались с тем, что принципы 1789 года, исключая некоторые детали, суть чистейшей воды христианские принципы, что их следует принять и постепенно, без резких толчков, подвести Церковь к их признанию и благословлению».⁶

Чистая правда! Все это и осуществилось во время II Ватиканского Собора: либералам удалось получить от Папы и Собора благословение принципов 1789 года. В дальнейшем я остановлюсь на этом событии подробнее.

⁶ *Emile Keller*. Le Syllabus de Pie IX. Pie IX et les principes de 89. P. 13.

Глава XVIII

МИФ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ СВОБОДЫ. ОТ ЛАМЕННЕ ДО САНЬЕ

Они безбоязненно проводят святотатственные сближения между Евангелием и революцией.

Святой Пий X

Едва сформировавшись, католический либерализм пошел на приступ Церкви под *знаменем прогресса*. Позвольте представить вам ключевые фигуры этого прогрессистского либерализма.

I

ЛАМЕННЕ (1782—1854)

Фелисите де Ламенне, священник, взбунтовавшийся против Церкви и разошедшийся с ее духовенством, основал свой либерализм на мифе о *прогрессе человечества*, который выражается якобы в растущем стремлении народов к свободе. Это движение, по словам Ламенне, «находит свой нерушимый принцип в изначальном и основополагающем законе, в силу которого человечество неуклонно

стремится освободиться от младенческих уз по мере того, как народы благодаря разуму, освобождаемому укрепляющимся и развивающимся христианством, достигают в некотором роде возраста зрелости».¹ В Средние века человечество, переживая еще свои детские годы, нуждалось в опеке Церкви; ныне народы стали взрослыми и должны выйти из-под этой опеки, отделив Церковь от государства. Что же касается Церкви, то ей следует приспособиться к новому положению дел, которое она сама создала, — иными словами, к «новому общественному порядку, в основе которого лежит небывалое развитие свободы, подготовленное стараниями католицизма, взрастившего в душах истинное представление и чувство права». Текст, призванный представить программу газеты «Грядущее», рисует в полном смысле слова либеральное претворение теории Ламенне в жизнь:

«Все друзья религии должны понять, что она нуждается только в одном — в свободе».

Таким образом, Церковь предполагается уравнивать в правах со всеми религиозными сообществами или конфессиями. Папа Григорий XVI не мог оставить это заблуждение без порицания и в энциклике «*Mirari vos*» от 15 августа 1832 года осудил:

«[...] тех, кто хочет отделить Церковь от государства и разрушить взаимное согласие между империей и духовенством», — ибо, поясняет Папа, — «несомненно, что именно это согласие, которое во все времена было весьма благоприятным и спасительным как для интересов религии, так и для светских властей, оспаривается сторонниками необузданной свободы»,² а также

¹ *Félicite de Lamennais. Œuvres complètes. T. X. P. 317—318; цит. в кн.: ДТС. Т. VIII, col. 2489.*

² *Григорий XVI. Энциклика «Mirari vos»; Dz. 1615.*

«[...] ту абсурдную или, скорее, безумную идею, будто бы следует предоставить и гарантировать кому бы то ни было свободу совести».³

И, конечно, Церковь никак не могла примириться с революционно-либеральным принципом свободы для всех, равной свободы всех религиозных воззрений без различия! Что же до мифа о прогрессивном освобождении человечества, то католическая вера называет это явление его истинным именем: отступничество наций.

II

МАРК САНЬЕ И «БОРОЗДА»

Вопреки осуждениям Пап, прогрессистский либерализм продолжал свое проникновение в Церковь. В небольшой книге аббата Барбье «Прогресс католического либерализма во Франции во время понтификата Льва XIII»⁴ есть глава, специально посвященная «прогрессистскому католицизму», в которой автор пишет: «Выражение „прогрессистский католицизм“ использует г. Фогаццаро в своем романе „Святой“ для обозначения совокупности реформ, которым, по его мнению, Церковь должна подвергнуть свою доктрину, внутренний распорядок и дисциплину. Очень близкая направленность связывает изучаемое нами французское движение и кружок, рупором которого г. Фогаццаро является в нынешней Италии».

Стоит ли говорить о том, что модернизм и либеральный католицизм очень родственны друг другу и поль-

³ Григорий XVI. Энциклика «Mirari vos». Ст. 24; Dz. 1613.

⁴ Осуждение, которому в свое время из осторожности была подвергнута эта книга, не умаляет ее ценности.

зуются аналогичными тактиками, зная, что Фогаццаро открыто развивал план проникновения в Церковь модернизма?⁵

*

В 1894 году Марк Саньс основал журнал «Борозда» («Sillon»), вокруг которого вскоре возникло молодежное движение в пользу примирения Церкви с принципами 1789 года, социализмом и всемирной демократией во имя совершенствования человеческого сознания. Проникновение этих идей в семинарии, эволюция движения в направлении все большего индифферентизма побудили святого Пия X к выступлению с посланием «Наше апостольское время» от 25 августа 1910 года, в котором Папа осудил проекты реформы общества, вынашиваемые лидерами «Борозды», а именно:

«[...] их помыслы об изменении естественных и традиционных основ общества и о новом граде, который будет воздвигнут на других принципах, которые они осмеливаются называть более плодотворными, более благоприятными, нежели принципы, на коих покоится нынешний христианский град [...].

„Борозда” движима благородной заботой о достоинстве человека. Но это достоинство понимается ею в духе некоторых философов, отнюдь не одобряемых Церковью. Главным элементом этого достоинства является свобода, понимаемая в том смысле, что каждый человек во всем, исключая область религии, является самостоятельным. Из этого фундаментального принципа „Борозда” извлекает следующие следствия: народ сегодня находится под опекой власти, чуждой ему, и должен выйти из-под этой опеки, поли-

⁵ Ср.: *Ploncard d'Assac. L'Eglise occupée* (глава XV: «Тайное общество в Церкви?»).

тически эмансипироваться [...]. Политический и общественный организм, построенный на двойном основании свободы и равенства, к которым вскоре добавится и братство, — вот что они называют демократией».

Разоблачив вслед за Львом XIII ложную суть отождествления свободы и равенства, святой Пий X вскрывает источники прогрессистского либерализма «Борозды»:

«В основание подмен фундаментальных общественных понятий „Борозда” закладывает ложную идею достоинства человека. Согласно лидерам движения, человек будет человеком, достойным своего имени, лишь тогда, когда обретет просвещенное, сильное, независимое, самостоятельное сознание, которое сделает его хозяином самого себя, способным не повиноваться никому, кроме себя, брать на себя и нести, не преступая закона, самые высокие обязательства. Вот эти громкие слова, с которыми в людях пробуждают чувство гордыни [...].

И что же! Вашей католической молодежи внушают недоверие к Церкви, их матери; их учат тому, что за девятнадцать веков своего существования Церковь не смогла установить в мире общество, покоящееся на истинных основаниях, что она не сумела усвоить общественные понятия власти, свободы, равенства, братства и человеческого достоинства [...]. В этом чувствуется отзвук французской революции [...]. Мы не можем согласиться с тем, что установление всемирной демократии не имеет значения для деятельности Церкви в мире [...].»

Затем святой Пий X разоблачает индифферентизм «Борозды», который как две капли воды похож на индифферентизм II Ватиканского Собора:⁶

⁶ Ср.: *Dignitatis humanae*. № 4.

«Что следует думать об этом уважении ко всем заблуждениям и об этом странном предложении католика всем инакомыслящим развивать свои убеждения посредством познания, дабы они становились все более изобильными источниками новых сил? Что следует думать о некоем обществе, в котором смогут найти ничем не стесненное самовыражение все религии и даже свободная мысль?»⁷».

И святой Папа зрит в корень вещей:

«„Борозда“ [...] оказывается, таким образом, не более чем скудным притоком широкого движения организованного отступничества во всех странах, направленного к установлению некоей всемирной Церкви, у которой не будет ни догматов, ни иерархии, ни духовного устава, ни уз для страстей [...]. Нам слишком хорошо известны те темные углы, в которых готовятся эти тлетворные доктрины [...]. Лидеры „Борозды“ не могут отрицать того, что возбуждение их чувств [...] увлекло их к *новому Евангелию* [...] и что их идеал подобен идеалу Французской революции; они безбоязненно проводят святотатственные сближения между Евангелием и революцией [...]».

В заключение святой Понтифик восстанавливает истину, характеризуя должный общественный порядок:

«[...] Церковь, которая никогда не предавала благоденствие народов порочащими ее альянсами, не нуждается в разрыве с прошлым [...]; напротив, при поддержке истинных тружеников ей следует предпринять общественную реставрацию организмов, сокрушенных Французской революцией,⁸ а также их приспособление, в том же христианском духе, который сопровождал их изначально, к новой среде,

⁷ «Свободная мысль» — одно из ответвлений масонства.

⁸ Истинными тружениками святой Пий X называет профессиональные сословия, являющиеся проводниками общественного согласия и противоположные профсоюзам, агентам классовой борьбы.

сложившейся вследствие *материальной эволюции* современного общества,⁹ ибо *истинными друзьями народа являются не революционеры, не новаторы, но традиционалисты*».

Вот в каких твердых и точных словах святой Папа Пий X осуждает прогрессистский либерализм и определяет истинно католическую позицию. То, что я могу засвидетельствовать свою верность доктрине канонизированного Папы, приносит мне великое утешение. Кроме того, приведенные мною выдержки из его выступлений освещают новым светом доктрины, принятые Собором, на которых я вскоре остановлюсь.

⁹ Эволюция подразумевает материальный и технический прогресс, при том что человек и общество остаются подчиненными тем же законам. II Ватиканский Собор в «Gaudium et spes» отринет это различие и даст новую жизнь прогрессизму «Борозды».

Глава XIX

МИРАЖ ПЛЮРАЛИЗМА. ОТ ЖАКА МАРИТЕНА К ИВУ КОНГАРУ

Либеральный католицизм пошел на штурм Церкви под знаменем прогресса, как я показал это в нашей предыдущей беседе. Ему оставалось лишь облачиться в *мантию философии*, чтобы совершенно безопасно для себя проникнуть в Церковь, которая до того проклинала его! Это либеральное вторжение в Церковь, предшествовавшее II Ватиканскому Собору, иллюстрируют несколько имен.

Жак Маритен (1882—1973)

Мы не ошибемся, назвав Жака Маритена отцом религиозной свободы II Ватиканского Собора. Павел VI впитал общественно-политические воззрения Маритена еще в 1826 году и признавал философа своим учителем... Святой Пий X, несомненно, был прозорливее, когда избрал своим наставником кардинала Пия,¹ слова которого он процити-

¹ Как сообщает о. Теотим де Сен-Жюст, некие священник и монах из епархии Пуатье однажды были приняты святым Пием X. «Вы из епархии кардинала Пия! — сказал Папа, протянув руки им навстречу. — Я высоко ценю труды вашего кардинала и вот уже много лет не проходит дня, чтобы я не прочел несколько страниц из них». С этими

ровал в центральной части своей инаугурационной энциклики «E supremi apostolatus» и сделал своим девизом: «Восстановить всё во Христе».

Увы, девизом Маритена, который перешел и к Папе Павлу VI, были, скорее, другие слова: «Восстановить всё в человеке!» В знак признательности своему давнему учителю именно ему 8 декабря 1956 года, в день закрытия Собора, Павел VI доверил составить текст одного из итоговых *обращений* Собора к миру. И вот что говорилось в одном из этих текстов — в *обращении к главам государств*, зачитанном кардиналом Льенаром:

«В вашем земном и преходящем граде Он таинственным образом воздвиг Свой духовный и вечный град, Свою Церковь. Чего же эта Церковь требует от вас после двух тысячелетий многообразных пороков, коими были отмечены ее взаимоотношения с вами, земными властителями? Чего она требует от вас сегодня? В одном из главных документов настоящего Собора она сказала вам: *она требует от вас только свободы*. Свободы верить и исповедовать свою веру, свободы любить своего Бога и служить ему, свободы жить и нести людям свое послание жизни. Не бойтесь ее: она верна образу своего Господина, чье таинственное дело не посягает на ваши прерогативы, но исцеляет каждого человека от неумолимого увядания, преображает его, преисполняет его надеждой, истиной и красотой».²

Эти слова канонизировали положение Маритена о «жизненно христианском обществе», согласно которому

словами он взял один из томов и вручил его посетителям. По простоте перелета они поняли, что книга, должно быть, принадлежала кюре из Сальцано или духовному наставнику семинарии в Тревизо задолго до его прихода в Ватикан.

² Documents pontificaux de Paul VI / Ed. Saint-Augustin. Saint-Maurice, 1965. P. 685.

путь прогресса и необходимости ведет Церковь к отказу от покровительства светской власти, к постепенному выходу из-под стесняющей ее опеки властей католических государств, чтобы, довольствуясь отныне только свободой, Церковь была не более чем неявной евангельской закваской общества, светочем спасения для человечества.

«Эмансипация» Церкви сопровождается, как признает Маритен, ответной эмансипацией мирского порядка по отношению к духовному, обособлению светского общества от Церкви, лаицизацией общественной жизни, которая отчасти является «потерей». Но эта потеря с лихвой компенсируется *прогрессом*, который получает взамен свобода, и религиозным плюрализмом, обретающим в светском обществе законные основания. Каждая духовная семья пользуется отныне собственным юридическим статусом и причитающейся ей свободой.³ Таким образом, во всей истории человечества обнаруживается «двойной закон ослабления и усиления исторической энергии» — закон укрепления сознания личности и свободы и коррелятивный ему закон убывания мирских сил, состоящих на службе Церкви и ее торжеству в мире:

«Если течение времени и пассивность материи естественным образом истощают и ослабляют вещи мира сего и энергию истории, то творческие силы, присущие духу и свободе [...], неуклонно приумножают качество этой энергии. Таким образом, жизнь человеческих обществ развивается и эволюционирует ценой множества потерь».⁴

Вы, конечно, узнаете пресловутую «творческую энергию» Бергсона и не менее пресловутое «укрепление созна-

³ См.: *J. Maritain. L'Humanisme intégral*. P. 180—181 (глава V).

⁴ *J. Maritain. Les droits de l'homme et la loi naturelle*. P. 34.

ния» Тейяра де Шардена. Эта компания — Бергсон, Тейяр и Маритен — вот уже многие десятилетия властвует католической мыслью и разлагает ее!

Но что остается, — возразите вы Маритену, — от земного царства Нашего Господа в этом «жизненно христианском обществе», если государство более не признает Иисуса Христа и его Церковь? Вдумайтесь в ответ философа: христианский мир (или земное царство Иисуса Христа) может иметь несколько сменяющих друг друга исторических воплощений, внутренне различных, но аналогически единых; средневековому христианству «сакрального» и «теократического» типа (сколько двусмысленности в этих терминах!), для которого характерно сплочение мирских сил на службе всеобщего единения в вере, сегодня должно прийти на смену «новое христианство», отмеченное, как мы помним, взаимным обособлением мирского и духовного и культурно-религиозным плюрализмом общества.

Обратите внимание на хитрость, с которой средствами философской теории аналогии просто-напросто отрицается земное царство Господа Нашего Иисуса Христа! Спору нет, христианское общество находит разные воплощения в монархии Людовика Святого и республике Гарсиа Морено, однако с тем, что общество Маритена, этот «жизненно христианский» плюралистический град, тоже является христианским обществом и воплощает земное царство Иисуса Христа, я категорически не согласен: энциклики «Quanta Cura», «Immortate Dei», «Quas primas», напротив, убеждают меня в том, что Иисусу Христу не свойственно множество разных способов власти над обществом, что он правит, «формируя», моделируя светские законы по образу закона божественного. Одно дело — мириться с обществом, в котором фактически существует *множество* религий, как, например, Ливан, и прилагать все усилия к тому,

чтобы Иисус Христос тем не менее был там одним из «полюсов»; и другое дело — проповедовать *плюрализм* в обществе, значительную часть которого еще составляют католики, и в довершение всего называть эту систему христианством. Нет! Вымышленное Жаком Маритеном «новое христианство» — не что иное, как умирающее христианство, которое предаст и отвергает своего Царя.

*

Дело еще и в том, что Жак Маритен был ослеплен откровенно плюралистической цивилизацией США, в недрах которой католическая Церковь, пользуясь исключительно свободой, пережила впечатляющий подъем, выразившийся и в росте числа прихожан, и во влиятельности институтов. Но является ли это достаточным аргументом в пользу плюралистического принципа? Послушаем, что говорят об этом Папы.

Лев XIII в энциклике «*Longiqua Oceani*» от 6 января 1895 года приветствует успехи Церкви в США. Вот каково его суждение на этот счет:

«Благодаря должному государственному устройству, — пишет он американским епископам, — Церковь у вас не скована узами закона и, будучи защищена от нападков общим правом и равной для всех справедливостью, пользуется гарантированной свободой беспрепятственной жизнедеятельности. Всё это так, однако следует остерегаться ошибки: не будем заключать из перечисленных выше достоинств, что наилучшее для Церкви положение таково, каким оно существует в Америке, или что всегда позволительно и желательно, как это делается в США, разделять и разграничивать установления для гражданских дел и для дел священников.

В самом деле, если католическая религия пользуется у вас почитанием, если она процветает и даже умножает свое влияние, то вы полностью обязаны этим дарованному Церкви божественному плодородию, которое, когда ему не чинят препятствий, приумножается и расточается само; однако оно принесло бы еще больше плодов, если бы пользовалось не только свободой, но также и покровительством законов и защитой со стороны государственных властей».⁵

Пий XII вслед за Львом XIII также отмсчает, что плюрализм может быть достаточным условием, благоприятным для развития Церкви, и даже подчеркивает, что в наше время имеет место тенденция к плюрализму:

«От [Церкви] не укрылось то, что с некоторого времени события развиваются в ином направлении — в направлении множественности религиозных конфессий и представлений о жизни даже в тех национальных сообществах, где католики составляют более или менее сильное меньшинство.

Примечательным и даже заслуживающим восхищения является тот исторический факт, что Соединенные Штаты Америки стали одним из примеров преуспевания Церкви в самых неблагоприятных условиях».⁶

При этом великий Папа предостерегает от мнения, будто нужно довериться «ветру истории» и отныне всячески поддерживать принципы плюрализма. Напротив, он с удвоенной твердостью утверждает католическую доктрину:

⁵ *Lettres apostoliques de Léon XIII*. Bonne Presse. Т. IV. P. 162—165.в

⁶ Речь на X Международном конгрессе исторических наук, 7 сентября 1955; *Documents pontificaux de Pie XII*. Т. XVII. P. 294.

«Историк не должен забывать, что, хотя Церковь и государство знали часы и годы конфликтов, на протяжении многих веков от эпохи Константина Великого до современности не раз устанавливались и мирные периоды, часто весьма продолжительные, когда они с полным взаимопониманием содействовали в общем воспитании людей. Церковь не скрывает, что в принципе именно такое содействие считается ею нормальным и что она видит идеал в исповедании истинной религии всем народом и в единодушной деятельности Церкви и государства».⁷

Сохраним же верность этой доктрине и не будем обманываться *миражом плюрализма!* Если именно в этом направлении дует сегодня ветер истории, то можно быть уверенным в том, что это не Дуновение божественного Духа, но вот уже два столетия исходящий от тех, кто исподволь разрушает здание христианства, ледяной ветер либерализма и революции!⁸

*

Ив Конгар и другие

Отец Конгар не входит в число моих друзей. Выступавший на Соборе в качестве теолога-эксперта, он был наряду с Карлом Рансером одним из основных виновников тех заблуждений, которые я с тех пор не устаю разоблачать. Он входит в число авторов небольшой книги под названием «Монсеньор Лефевр и кризис Церкви». И вслед за Маритеном, как об этом нетрудно судить, отец Конгар посвящает нас в тайнства переменны исторических условий и ветра истории:

⁷ Ibid.

⁸ Cp.: Mgr Lefebvre et le Saint-Office. P. 54—55.

«Нельзя отрицать, — пишет он, — что в этом тексте [в соборной декларации о религиозной свободе] говорится фактически о том же, о чем и в „Силлабусе” 1864 года, причем утверждает практически обратное положениям 16, 17 и 19 этого документа. Так, в частности, „Силлабус” отстаивал светскую власть, от которой папство, с учетом изменившейся ситуации, отказалось в 1829 году. Общественно-исторический контекст, в котором Церковь нужно было жить и выступать, стал иным, и ей пришлось считаться с обстоятельствами. Уже в XIX веке католики поняли, что Церковь найдет более действенную опору для своей свободы в твердых убеждениях верующих, чем в благосклонности властителей».⁹

К несчастью для о. Конгара, эти католики были либеральными католиками, которых и осуждали Папы, тогда как учение «Силлабуса» никоим образом не зависит от стечения исторических обстоятельств и является сводом истин, логически следующих из откровения и столь же *незыблемых*, как и вера! Однако наш противник продолжает и настаивает:

«Церковь II Ватиканского Собора, заявившая о себе в декларации о религиозной свободе и „Gaudium et spes” как Церковь в мире своего времени — название этого документа очень показательное! — провозгласила свою принадлежность к нынешнему плюралистическому миру и, не отрицая своего великого прошлого, сбросила цепи, которые удерживали ее у берегов Средневековья. Она не может всегда оставаться связанной с единственной исторической эпохой!»¹⁰

Ни больше, ни меньше! Ход истории подталкивает нас к плюрализму — так направим же к нему корабль святого Петра, оставив земное Царствие Иисуса Христа у да-

⁹ Ibid. P. 51—52.

¹⁰ Ibid.

леких берегов прошлого... Подобные рассуждения вы найдете и у отца Джона Кортни Мюррея, другого соборного эксперта, который осмеливается заявлять поучительным тоном, за которым скрывается лишь его самонадеянность, что доктрина Льва XIII о единстве Церкви и государства всецело *зависима* от исторической ситуации, в которой она была создана:

«Лев XIII находился под влиянием исторического представления о единоличной политической власти, отечески вершимой над обществом, как над большой семьей».¹¹

А теперь — внимание, фокус! — монархию всюду сменил режим «конституционного демократическо-социального государства», который, как уверяет нас другой теолог и повторяет на соборе монсеньор Де Шмедт, «не является властью, могущей выносить суждение об истинности или ложности в религиозной области».¹² Позволим о. Мюррею продолжить:

«Его [Льва XIII] сочинения отмечены ярко выраженным *историческим сознанием*. Он знал эпоху, в которой жил, и писал для нее с восхитительным и конкретным *историческим реализмом*¹³ [...]. Строй, именуемый католическим

¹¹ Vers une intelligence du développement de la doctrine de l'Eglise sur la liberté religieuse // Vatican II, la liberté religieuse. P. 128.

¹² Relatio de reemendatione schematis emendati, 28 mai 1965. Document 4SC. P. 48—49. Трудно представить себе более циничное провозглашение официального государственного атеизма и отрицание земного Царства Иисуса Христа, причем в устах официального представителя комиссии по составлению соборной декларации о религиозной свободе!

¹³ В этих словах слышится голос Жака Маритена, его «меняющиеся исторические небеса» и «конкретный исторический идеал» (ср.: *Maritain J. L'Humanisme integral*. P. 152—153). Нелегко решить, кто здесь на кого повлиял!

конфессиональным государством, [...] был для Льва XIII не более чем *гипотезой*.¹⁴

Сколь разрушительный доктринальный релятивизм заключен в этих словах! С подобных позиций можно опосредовать всякую истину, сославшись на историческое сознание текущего момента! Выходит, Пий XI в его энциклике «*Quas primas*» был пленником исторических концепций? И святой Павел тоже, когда говорил об Иисусе Христе: «Пусть Он царит»?

*

Полагаю, что от вас не укрылась извращенность доктринально-исторического релятивизма у Маритена, Конгара и им подобных. Мы имеем дело с людьми, не имеющими никакого представления об истине, даже не помышляющими о существовании незыблемой истины. Забавно видеть, как те же самые либералы-релятивисты, что были истинными инициаторами II Ватиканского Собора, теперь возводят положения этого Собора, который они объявляли пастырским, в статус догматов и предписывают нам соборные нововведения в качестве окончательных и неприкосновенных доктрин! Они сердятся, когда я осмеливаюсь возражать им: «Так, по-вашему, Папа не выступил бы сегодня с энцикликой „*Quas primas*“? Я скажу вам другое: это ваш Собор не состоялся бы сегодня, ибо он остался в прошлом. Вы цепляетесь за него, потому что он — ваше произведение, но я придерживаюсь Традиции, ибо она создана Святым Духом!»

¹⁴ *Maritain J. L'Humanisme intégral. P. 134.*

Глава XX

СМЫСЛ ИСТОРИИ

В предшествующих беседах я попытался показать, что католики-либералы — в частности Ламенне, Маритен, Ив Конгар — имели не слишком католические воззрения на *смысл истории*. Теперь мне хотелось бы рассмотреть эти воззрения поглубже и вынести суждение о них с точки зрения веры.

Смысл или бессмыслица?

История, согласно так называемым католическим либералам, обладает особым смыслом, или направлением. Это направление имманентно ей, оно принадлежит к миру сему: речь идет о свободе. Некая внутренняя сила влечет человечество ко все возрастающему осознанию достоинства человеческой личности, ко все более широкой свободе от всякого принуждения. II Ватиканский Собор поддержал эту теорию, заявив вслед за Маритеном:

«Достоинство человеческой личности является в наше время предметом все более глубокого осознания; все больше

число тех, кто требует для человека возможности действовать согласно его собственным решениям, свободно распоряжаясь своими поступками».¹

Спору нет, стоит приветствовать свободное устремление человека к благу; но то, что наша эпоха и смысл истории в целом характеризуются ростом осознания достоинства и свободы человека, выглядит весьма сомнительным! Только Иисус Христос, наделив крестившихся достоинством детей Божьих, показал людям, в чем состоит их истинное достоинство — *свобода детей Божьих*, о которой говорит святой Павел (Рим. 8, 21). И в подчинении наций Господу Нашему Иисусу Христу действительно можно было усматривать приумножение человеческого достоинства и подобающей свободы; но с тех пор, как либерализм привел нации к отступничеству, мы, напротив, вынуждены констатировать, что Иисус Христос более не властен над ними, что «нет верных между сынами человеческими» (Пс. 11, 2), что человеческое достоинство чем дальше, тем больше презирается и подавляется, что свобода сводится к бессодержательной декларации.

Дает ли какой-либо другой исторический период пример более страшного и беспощадного рабства, чем коммунистическая практика порабощения масс?² Если Наш Господь учит нас «различать знамения времен» (Мат. 16, 3), то, напротив, лишь сознательная слепота либералов и строжайший обет молчания могли привести к тому, что экуменический Собор, созванный именно для того, чтобы различить знамения нашего времени,³ *ни словом не обмолвился* о ярчайшем из этих знамений — коммунизме! Одного этого

¹ Декларация о религиозной свободе, преамбула.

² См.: *Jean Madiran. La vieillesse du monde. DMM. Jarzé, 1975.*

³ Ср.: *Vatican II. Gaudium et spes. N 4, § 1; N 11, § 1.*

молчания достаточно, чтобы считать этот Собор исторически позорным и заслуживающим осуждения — и чтобы оценить всю смехотворность процитированных мной заявлений из преамбулы «*Dignitatis humanae*».

Если история имеет смысл, то, конечно, этот смысл не является внутренним и необходимым стремлением человечества к достоинству и свободе — этим фантазиям либералов *ad justificandas justificationes suas*, призванным оправдать их либерализм и обосновать благовидным предлогом прогресса тот ледяной ветер, которым этот либерализм вот уже двести лет изводит христианство.

Иисус Христос как центр истории

Каков же тогда истинный смысл истории? И существует ли таковой?

Вся история строится вокруг одной личности, являющейся ее *центром*, каковой есть Господь Наш Иисус Христос, ибо, по свидетельству святого Павла, «Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — всё Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и всё Им стоит. И Он есть глава тела Церкви; Он — начаток [...], дабы иметь Ему во всем первенство: ибо благоугодно было *Отцу*, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с собою всё, умиротворив чрез Него, Кровию креста Его [...]

 (Кол. 1, 16—20).

Итак, Иисус Христос есть центр истории. История имеет единственный закон: «*Ему надлежит царствовать*» (1 Кор. 15, 25); если Он царствует, то вместе с Ним

царствуют истинный прогресс и процветание, каковые суть в большей мере духовные блага, нежели материальные! Если Он не царствует, то воцаряются упадок, гибель, рабство во всех его формах, господство Зла. Об этом также предупреждает Священное Писание: «Ибо народ и царства, которые не захотят служить Тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (Ис. 60, 12). Философии истории были посвящены многие замечательные сочинения, но я должен признаться, что удивлен — спешу поделиться с вами этим выводом — отсутствием в них этого в высшей степени основополагающего принципа или тем, что ему не уделено в этих книгах должного места. Между тем таков *вообще* принцип философии истории, каковой, более того, является истиной веры, данным в откровении и множество раз подтвержденным на деле истинным догматом!

Вот ответ на поставленный вопрос: каков смысл истории? — История не имеет никакого смысла, никакого *имманентного* направления. У истории нет смысла, но у нее есть цель, трансцендентная *цель* истории, заключающаяся в том, чтобы «восстановить все во Христе», то есть подчинить весь мирской порядок Его искупительному делу, покорить Церкви-воительнице мирской град, подготавливая тем самым вечное царствование торжествующей Церкви небесной. Таким образом, согласно внушению веры и убеждению фактов, у истории есть начальный центр — Воплощение, Крест, Троица; у истории есть расцвет — вселенский град, будь то империя Карла Великого или республика Гарсиа Морено; и, наконец, у истории будет предел, она придет к своему конечному центру тогда, когда число избранных станет полным, по окончании великого *отступления* (II Фес. 2, 3); не это ли отступление мы переживаем сейчас?

*Либеральное возражение против
вселенского града*

Думаю, вы уяснили из сказанного выше, что в истории не содержится никакого имманентного закона прогресса человеческой свободы, равно как и никакого имманентного закона обособления града мирского от Господа Нашего Иисуса Христа.

Однако — утверждают либералы, как, например, герцог Альберт де Брольи в своей книге «Церковь и Римская империя в IV веке», — то устройство, которое вы перевозносите, то единство Церкви и государства, которое существовало во времена христианских кесарей, римских или германских, всегда приводило к порабощению Церкви империей, к тяжкой зависимости духовной власти от мирского меча. Союз трона и алтаря никогда не был, говорит автор, «ни долговечным, ни чистосердечным, ни действительным».⁴ А, следовательно, нет ничего лучше взаимной свободы и независимости двух властей.

Предоставлю ответить на эти либеральные возражения кардиналу Пию, который без колебаний квалифицирует подобного рода бездоказательные утверждения как «революционные банальности»:

«Если некоторые венценосные особы, — пишет он, — будучи неопитами, которые лишь начинали отвыкать от присутствующих языческому цезаризму самодержавных привычек, и обращали подчас свое законное покровительство в угнетение; если они и действовали (обычно в интересах ересей и

⁴ *Albert de Broglie. L'Eglise et l'Empire Romain au IV siècle. T. IV. P. 424; цит. в кн.: P. Théotime de Saint-Just. La Royauté sociale de N. S. Jésus-Christ, d'après le cardinal Pie. P. 55.*

по наущению епископов-еретиков) с несоответствующей христианскому духу жестокостью, то в Церкви находились люди глубокой веры и чистого сердца, подобные нашим Гиларию и Мартину, Афанасию и Амвросию, которые взывали к христианскому духу добросердечия и побуждали их отказаться от миссии меча, учили их тому, что религиозные убеждения не могут внушаться насильственно, красноречиво просвещали их о том, что христианство, которое распространилось вопреки гонениям властителей, может обойтись и без их благоволения и не должно всецело повиноваться никакой тирании. Нам известно и нами обдуманно каждое слово этих благородных поборников веры и свободы матери их Церкви. Но, протестуя против перехлестов и злоупотреблений, осуждая неуместные и неумные выходы, посягавшие подчас даже на самый принцип, на самые основы неприкосновенности духовенства, эти католические отцы никогда не подвергали сомнению то, что долгом народов и их властителей является государственное исповедание христианской истины, приведение в соответствие с нею их постановлений и учреждений и даже запрет посредством законов — предупредительных либо карательных, в зависимости от настроений эпохи и умов, — всяких посягательств, имеющих признаки явного безбожия и вызывающих смуту и раздор внутри светского и религиозного обществ».⁵

Мнение, будто режим «одной лишь свободы» есть шаг вперед по сравнению с единством двух властей, является заблуждением, которое я уже отмечал и которое как нельзя лучше охарактеризовано в этом тексте кардинала Пия. Никогда Церковь не учила тому, что смысл истории и прогресс заключены в неуклонном стремлении к взаимному обособлению мирского и духовного порядков. Смысл истории Жака Маритена и Ива Конгара — не что иное, как

⁵ Третья синодальная инструкция об основных заблуждениях настоящего времени, см.: *Cardinal Pie. Œuvres*, V, 178.

бессмыслица. Это обособление, которое они преподносят как прогресс, является в действительности пагубным и богопротивным разводом града и Иисуса Христа. И нужно было невероятное бесстыдство декларации «*Dignitatis humanae*», чтобы канонизировать этот развод, причем канонизировать — верх несообразности! — от имени истины откровения.

«Наше общество, — заявил Иоанн Павел II в день заключения нового конкордата между Церковью и Италией, — отличается религиозным плюрализмом». Папа мог бы продолжить: это означает, что Церковь и государство существуют раздельно. Однако он ни разу не осудил происшедшую перемену, не выразил сожаления по поводу лаицизации общества и даже не признал, что Церковь вынуждена смириться с этим фактом. Нет! В его словах, как и в словах кардинала Казароли, содержалось приветствие отделения Церкви от государства как идеального устройства, венчающего нормальный и ниспосланный провидением исторический процесс, возразить которому нечего! Иными словами: «Да здравствует отступничество наций, в нем-то и заключен прогресс!». Или: «Не будем пессимистами! Не станем слушать провозвестников несчастий! Иисус Христос более не царствует? Ну и что? Все в порядке! Церковь все равно шествует к венцу своей истории. И в конце концов Христос придет, аллилуйя!». Что такое этот благодушный оптимизм среди громоздящихся развалин, что такое эта — будем откровенны — нелепая эсхатология, если не следствие духа заблуждения и растерянности? Мне они кажутся совершенно дьявольскими.

ЧАСТЬ III

**ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЗАГОВОР САТАНЫ
ПРОТИВ ЦЕРКВИ И ПАПСТВА**

Глава XXI

ЗАГОВОР «ВЕРХОВНОЙ ВЕНТЫ» КАРБОНАРИЕВ

Наш краткий исторический обзор католического либерализма подошел к преддверию II Ватиканского Собора. Но прежде чем анализировать состоявшуюся на этом Соборе победу либерализма, я хотел бы вернуться назад и показать, что проникновение либерализма во всю церковную иерархию вплоть до папской курии, еще два столетия назад немыслимое, было-таки задумано, предсказано и спланировано в начале прошлого века масонами. Достаточно привести документы, доказывающие реальность этого заговора против Церкви, этого «высшего покушения» на папство.

*

Попавшие в руки Папы Григория XVI секретные бумаги, связанные с «Верховной вентой» карбонариев, охватывают период между 1820 и 1846 годами. По инициативе папы Пия IX они были опубликованы Кретино-Жоли в его книге «Римская церковь и революция».¹ В кратком одобре-

¹ *Crétineau-Joly. L'Eglise romaine et la. 1859*; стереотипное переиздание: Paris: Cercle de la renaissance française, 1976; эти же докумен-

нии, данном автору 25 февраля 1861 года, Папа подтвердил подлинность этих документов, но не разрешил упоминать настоящих имен членов «Верховной венты», которые фигурируют в переписке. Письма, о которых идет речь, повергают в смятение своим содержанием, и если Папы приняли решение предать их гласности, то лишь ради того, чтобы верующие узнали о заговоре, который плетут против Церкви тайные общества, и, будучи посвящены в его план, во всеоружии встретили его возможно осуществление. Большого сейчас говорить не буду — скажу лишь, что при чтении этих строк охватывает дрожь; я ничего не привношу от себя, я только воспроизвожу эти тексты, не пытаясь скрыть от вас, что сегодня они обретают реальность! Прочтем же их! Особенно важные места выделены мною жирным шрифтом.

*

«Папа, каким бы он ни был, никогда не придет в тайные общества; им самим следует сделать первый шаг к Церкви, дабы подчинить себе и ее, и Папу.

Труд, который мы решили предпринять, не является делом одного дня, месяца или даже года; он может потребовать многих лет, возможно, целого века; но смерть одного солдата в наших рядах не означает прекращения боя.

Мы не рассчитываем привлечь Пап к нашему делу, обратиться к их принципам, сделать их проповедниками наших идей. Мечтать об этом было бы смешно, и даже если события повернутся так, что, например, кардиналы или прелаты по доброй воле или случайно окажутся посвящены в часть наших секретов, это ни в коем случае не дол-

ты вновь опубликовал монсеньор Делассю в своей книге: *Mgr Delassus. La conjuration antichrétienne*. DDB, 1910. Т. III. P. 1035—1092.

жно служить для нас основанием, чтобы желать их возведения на престол святого Петра. Это возведение нас погубит. Тщеславия будет достаточно, чтобы привести их к измене, жажда власти заставит их пожертвовать нами. Мы должны просить, мы должны искать, мы должны ждать, подобно евреям в ожидании Мессии, *нужного нам Папу* [...].

Это вернее приведет нас к захвату Церкви, чем памфлеты наших французских братьев и даже чем золото Англии. Хотите знать, почему? Потому что с этим средством нам уже не понадобится, дабы разрушить скалу, на которой Бог возвел свою Церковь, ни ганнибалова уксуса, ни пушечного пороха, ни даже наших собственных рук. Мы будем иметь мизинец вовлеченного в заговор наследника святого Петра, и этот мизинец будет стоять в нашем крестовом походе дорожке всех Урбанов II и всех святых Бернардов христианства.

Мы не сомневаемся, что достигнем этой высшей цели наших усилий. Но когда? Но как? Пока это неизвестно. Однако, поскольку ничто не должно увести нас в сторону от намеченного плана, поскольку, напротив, все должно ему способствовать, словно бы едва начатое дело завтра же ожидал успех, мы хотели бы в этой секретной для простых посвященных инструкции дать назначенным членам „Верховной венты” рекомендации, чтобы они внушили их — устно или письменно — всему сообществу братьев [...].

Чтобы получить Папу требуемых качеств, нам нужно *подготовить для него — для этого Папы — поколение, достойное царства, о котором мы мечтаем*. Оставьте в стороне стариков и людей зрелого возраста; обратитесь к молодежи и, насколько это возможно, к детям [...]. Среди них вам нетрудно будет создать себе репутацию добрых католиков и патриотов.

Эта репутация откроет молодым священникам и монахам доступ к нашим доктринам. За несколько лет это молодое

духовенство постепенно возьмет в свои руки все функции Церкви; оно будет руководить, управлять, судить, оно войдет в ближайшее окружение властей и будет призвано, чтобы избрать *нового Папифика, который, подобно большинству его современников, обязательно будет в той или иной степени привержен итальянским и общечеловеческим* принципам, распространение которых мы начинаем сейчас. Мы сеем лишь крошечное горчичное зерно, но солнце справедливости придаст ему огромную силу, и однажды вы сможете лицезреть величие принесенного им урожая.

На пути, который мы указываем нашим братьям, их ожидают серьезные препятствия, самые разные трудности, которые понадобится преодолеть. Опыт и проницательность помогут справиться с ними, и цель столь прекрасна, что ради ее достижения стоит поднять на нашем корабле все паруса. Если вы хотите осуществить в Италии революцию, ищите Папу, портрет которого мы представили выше. Если вы хотите установить царство избранных на троне Вавилонской блудницы, то *пусть к вам присоединится Духовенство, убежденное, что идет под знаменем апостольских Ключей*. Если вы хотите окончательно проститься с тиранами и угнетателями, то закиньте ваши сети по примеру Симона. Закиньте их не в морские глубины, но в ризницы, семинарии и монастыри, и если вы наберетесь терпения, то мы обещаем вам улов более чудесный, чем улов Симона. Рыболов стал ловцом человеков; вам же предстоит собрать друзей вокруг апостольской Кафедры. Вы будете проповедовать *революцию в тиаре и сутане, с крестом и хоругвью в руках*, и достаточно будет малейшего толчка, чтобы эта революция зажгла огонь в четырех оконечностях мира».²

А вот еще один отрывок из письма «Нубиуса» «Вольпу» от 3 апреля 1824 года:

² Постоянная инструкция от 1820 г. С. 82—90.

«На наши плечи возложена трудная задача, дорогой Вольп. Мы должны подвергнуть Церковь аморальному воспитанию и с помощью малых, точно отмеренных, хотя и весьма неопределенных пока средств добиться того, чтобы *Папа привел нас к торжеству революционной идеи*. Сейчас мы лишь робко приступаем к осуществлению этого плана, за которым мне всегда виделся сверхчеловеческий расчет [...]».³

«Сверхчеловеческий расчёт» — говорит Нубиус, имея в виду дьявольский расчёт! Ведь его целью является подрыв Церкви самим ее главой, то, что монсеньор Делассю называет *высшим покусением*,⁴ ибо нельзя представить себе нечто более пагубное для Церкви, чем Папа-приверженец либеральных идей, использующий власть Ключей святого Петра во благо врагов Церкви! Но разве не это мы переживаем сегодня, после II Ватиканского Собора и вступления в действие нового канонического права? Разве не в этом суть ложного экуменизма и ложной религиозной свободы, которые были провозглашены на Соборе и с тех пор насаждаются Папами с холодным упорством вопреки всем разрушительным последствиям, вызванным ими за двадцать лет?

На наших глазах происходит методичное *самоуничтожение* Церкви, при том что ее руководство Церкви считается непогрешимым, и срезь как таковая никогда не поддерживается им прямо. В устах Павла VI это слово — самоуничтожение — неявно указывало на истинного виновника: в самом деле, кто способен привести Церковь к «самоуничтожению», кроме Папы, миссия которого — удержать ее на скале?.. И какой яд может быть лучше, что-

³ Там же. С. 129.

⁴ *Mgr Delassus. Le problème de l'heure présente. DDB. 1904. T. I. P. 195.*

бы наверняка разрушить эту скалу, чем либеральный дух в жилах самого наследника святого Петра?

Что ж, пусть этот план задуман и осуществляется дьяволом! Однако открыли его миру не только враги Церкви, но также и Папы, сумевшие, как я покажу вам в следующей беседе, разоблачить его и предсказать его последствия.

Глава XXII

ПАПЫ РАСКРЫВАЮТ ЗАГОВОР СЕКТАНТОВ

Заговор либеральной секты против Церкви заключался, как мы выяснили в предшествующей беседе, в наступлении на Церковь силами ее собственной иерархии, в ее разращении вплоть до высших сфер Ватикана.

Но Папы с подобающей их миссии прозорливостью и знанием, которым наделил их Бог, сумели проникнуть в этот замысел и разоблачить его.

Лев XIII (1878—1903) сразу разглядел это *subversio capitis*, попытку подорвать самые основы Церкви, и описал ее черным по белому во всей ее мерзости, составив своего рода *краткое заклинание* против Сатаны и дурных ангелов. Вот его фрагмент, имеющийся в оригинальной версии документа, но исключенный из последующих его воспроизведений одним из преемников Льва XIII, который, возможно, счел эти слова понтифика невозможными, немислимыми, невообразимыми... Между тем спустя сто лет после его создания этот текст поражает нас сегодня ослепительным светом истины:

«Хитроумные враги вселили печаль в душу Церкви, супруги непорочного Агнца, пропитали ее горечью полыни, на-

ложили безбожные руки на все, что в ней желанно для них. Там, где Престол блаженного Петра и Кафедра положенной истины были светочем для народов, они установили безобразный трон своего безбожия, чтобы, поразив пастыря, рассеять затем все его стадо».

Как такое возможно? — спросите вы. — Должен признаться, что я не знаю, но это происходит, и день за днем, чем дальше, тем больше, зло усугубляется. Это приспосабливает нас глубокой тревогой, вновь и вновь возвращает нас к вопросу: кто же из Пап допустил самоуничтожение? Кто из них приложил к этому руку? Святой Павел в свое время говорил: «Тайна беззакония уже в действии» (2 Фес. 2, 7). Кто мог бы сказать это сейчас?

*

После Льва XIII пришла очередь святого Пия X (1903—1914) высказать свои опасения по поводу проникновения секты внутрь Церкви. В инаугурационной энциклике «*E supremi apostolatus*» от 4 октября 1903 года звучит подозрение Папы, что временем отступничества, в которое вступит Церковь, не будет время Антихриста — этой противоположности, этого узурпатора Христа. Вот текст Пия X:

«Мы испытываем ужас при виде того пагубного положения, в котором ныне оказалось человечество. Можно ли не замечать той глубокой и тяжелой болезни, которая гложет в настоящее время, как никогда в прошлом, человеческое общество и, усугубляясь день ото дня, поражая самый мозг, увлекает его к гибели? Эта болезнь, Досточтимые Братья, вам известна — это оставление Бога, отступничество, которое, вне всякого сомнения, как ничто другое чревато гибелью, согласно словам пророка: „Ибо вот отдаляющие себя от Тебя гибнут“ [Пс. 72, 27]».

Святой понтифик продолжает:

«Неоспоримой правдой наших дней является то, что нации пришли в смятение и народы замыслили [Пс. 2, 1] противное их Создателю; почти единогласным стал крик его врагов: „Отойди от нас” [Иов. 21, 14]. Отсюда эти обычаи частной и общественной жизни, следуя которым, никто уже не считается с его властью. Более того, все усилия и ухищрения используются для того, чтобы полностью изгладить память и само представление о нем.

Тот, кто ясно видит это, вправе опасаться, не является ли подобное извращение умов началом зол, которые должны, как предсказано, наступить в конце времен, их своего рода пришествием на землю, и не явился ли уже среди нас тот *сын погибели*, о котором говорит Апостол [2 Фес. 2, 3]. Так велика дерзость и так велика злоба, с которыми всюду предпринимают нападки на религию, набрасываются на догматы веры, иступленными усилиями стремятся разорвать всякую связь человека с Божественностью! Напротив — и в этом, по словам того же Апостола, отличительный признак Антихриста, — человек с неизъяснимой дерзостью занял место Создателя, возвысившись *над всем, что носит имя Бога!* Человек дошел до того, что, не имея способности полностью истребить в себе представление о Боге, он, однако, сокрушает устои его величия и посвящает самому себе видимый мир, подобно храму, в котором намерен принимать поклонение себе подобных. *В храме Божиим садится он, как Бог, выдавая себя за Бога* [2 Фес. 2, 4]».

В заключение святой Пий X напоминает, что в конечном итоге Бог восторжествует над своими врагами, однако эта убежденность, данная верой, «не освобождает нас от обязанности содействовать — насколько это в наших силах — ускорению божественного дела», то есть торжества Христа-Царя.

Затем, в энциклике «Pascendi» от 8 сентября 1907 года, посвященной модернистским заблуждениям, святой Пий X вновь с пронизательностью разоблачает уже начавшееся проникновение в Церковь модернистской секты, которая, как я уже говорил,¹ была союзницей либеральной секты в деле уничтожения католической Церкви. Вот наиболее важные в том, что касается нашего предмета, фрагменты этого текста:

«Особенно безотлагательно следует сказать о том, что изобретателей заблуждений бесполезно сегодня искать среди открытых врагов. Они скрываются — и это вселяет серьезнейшие опасения и тревогу — в самом лоне, в самом сердце Церкви, будучи врагами тем более опасными оттого, что они действуют исподволь. Мы говорим, Досточтимые Братья, о множестве мирских католиков и, что заслуживает особого сожаления, о священниках, которые, внешне любя Церковь и будучи в высшей степени сведущими в серьезных философии и богословии, но при этом до самого мозга пронизанными ядом заблуждения, почерпнутым у противников католической веры, преподносят себя, вопреки всякой скромности, в качестве новаторов Церкви; тесными рядами они дерзко идут на штурм всего наиболее священного в деле Иисуса Христа, не уважая и его собственную личность, которую в богопротивном безрассудстве низводят до простой человеческой природы.

Эти люди могут удивиться тому, что мы числим их среди врагов Церкви. Но никто, без сомнения, не удивится этому, если, оставив в стороне их намерения, суд которым вынесет Бог, внимательно изучит их доктрины, их манеру говорить и действовать. Без всякого сомнения, они — враги Церкви, и мы не отклонимся от истины, сказав, что у Церкви нет худших врагов. Ибо не снаружи, как уже отмечалось, но изнутри они ведут свою разрушительную деятель-

¹ Именно под лозунгами прогресса, эволюции либералы пошли на штурм Церкви. См. главу XVIII.

ность; опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь. К тому же не на ветви и побеги нацелен их топор, но на самый корень, то есть на веру и ее глубочайшие связующие нити. Затем, когда этот корень бессмертной жизни подрублен, они ставят перед собой задачу распространить заразу по всему дереву, стараясь не упустить из своих рук ни одну отрасль католической веры, но каждую из них подвергнуть методичному разращению».²

Далсе святой Пий X раскрывает тактику модернистов:

«Когда они множеством путей претворяют в жизнь свой гибельный замысел, их тактика поражает степенью своего коварства и вероломства: они с таким изощренным искусством смешивают в себе рационалистические и католические воззрения, что им с легкостью удается обмануть малосведущие души. Опытные в дерзновениях, они не упускают ни одного следствия своих положений, но, напротив, с жаром и педантичностью внушают каждое из таковых. Наилучшим противодействием этому является деятельная жизнь, исключительные усердие и прилежание во всех науках, обычным образом рекомендуемая строгость нравов [...]. Для вас не является секретом, Досточтимые Братья, бесплодность Наших усилий; они лишь на мгновение преклоняют голову и тут же вновь поднимают ее, преисполняясь еще большей гордыни [...].³

И поскольку тактика модернистов (как вполне обоснованно принято их называть), будучи поистине весьма коварной, состоит в том, чтобы никогда не излагать свои доктрины методически и во всей их полноте, но в некотором роде распылять их отдельными фрагментами тут и там, что вселяет мысль об их изменчивости и неопределенности, тогда как они, напротив, исключительно тверды и последо-

² Пий X. Энциклика «Pascendi». Ст. 2—3.

³ Там же. Ст. 3.

вательны, первостепенно важным для Нас является представить эти доктрины в общем виде и показать скрепляющую их логическую связь».⁴

Быть внутри Церкви, чтобы определять ее развитие — таков девиз модернистов:

«Они верны своему пути; порицаемые и осуждаемые, они всегда скрывают под маской повиновения безграничную дерзость. Они лицемерно преклоняют голову, в то время как всеми своими помыслами, всеми своими силами продолжают со все большей дерзостью претворять в жизнь намеченный план.

Этой задаче подчинена их воля и тактика; но, считая, что нужно стимулировать власть, а не устранять ее, всячески стремясь удержаться внутри Церкви, чтобы постепенно подорвать и преобразовать оттуда общие воззрения, они тем самым невольно признают, что эти общие воззрения не заодно с ними и что они преподносят себя в качестве их выразителей против всякого права».⁵

*

Энциклика «Pascendi» на время остановила дерзкие выступления модернистов, но вскоре методичный и планомерный захват Церкви и ее иерархии либерально-модернистской сектой возобновился с удвоенной силой. Либерально-теологическая интеллигенция, пользуясь приобретенным ею доминирующим положением в специализированной прессе, в конгрессах, крупных издательских домах и центрах литургического пастырства, начала подчинять себе всю католическую иерархию снизу доверху,

⁴ Там же. Ст. 4.

⁵ Там же. Ст. 37.

невзирая на ее осуждение, с которым выступил в энциклике «*Humani Generis*» Папа Пий XII. Приближался момент готовности Церкви и папства к «генеральным штатам», к либеральному переустройству, подобному тому, которое состоялось в 1789 году во Франции, и повторившемуся на экуменическом Соборе, заранее запланированном и ожидавшемся сектантами, как мы выясним это в следующей беседе.

Глава XXIII

ЦЕРКОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ СОБОРОМ

Детали того подрыва устоев Церкви и папства, который запланировала масонская секта уже более столетия назад, были явлены миру великим *провидцем* — каноником Рока (1830—1893). Труды этого священника с 1858 года и почетного каноника с 1869 года цитирует в своей книге о святом Афанасии Монсеньор Рудольф Грабер. Впоследствии отлученный от Церкви, Рока проповедовал революцию и предвещал введение в Церкви коллегиального руководства. В своих сочинениях он часто говорит о «новообращенной Церкви», вдохновляемой, согласно его прозрениям, социализмом Иисуса и апостолов. По его словам, «новая Церковь, которая, вероятно, разойдется с учением и первоначальной формой старой Церкви, получит, однако, благословление и каноническую юрисдикцию в Риме». Рока предвещает реформу богослужения: «Такие формы богослужения, как литургия, церемониал, ритуал, предписываемые римской Церковью, будут подвергнуты преобразованиям *на экуменическом Соборе* [...], который вернет их к благородной простоте золотого века апостолов, соответствующей и новому мировоззрению, и современной цивилизации».

Рока подробно описывает нововведения этого Собора: «Его результат приведет мир в изумление и заставит упасть на колени пред Искупителем. Этим результатом станет признание совершенного согласия идей современной цивилизации с идеями Христа и его Евангелия. Этим результатом станет освящение Нового Общественного Порядка и торжественное крещение современной цивилизации».

Иными словами, все *ценности* так называемой *либеральной культуры* будут признаны и канонизированы этим собором.

А вот что писал Рока Папе: «Готовится жертвоприношение, которое станет торжественным покаянием [...]. Папство падет, погибнет от священного меча, который выкуют *Отцы последнего Собора*. Римский Первосвященник будет жертвой, принесенной в ходе этой церемонии». — Приходится признать, что эти слова Рока начинают сбываться и сбудутся, если этому не помешает Наш Господь! — Наконц, Рока говорит и о новых священнослужителях, которые явятся под именем «прогрессистов»; он говорит об упразднении сутаны, об отмене безбрачия и т. д. — сколько пророчеств!

Сколь ясно видел Рока решающую роль в церковном перевороте последнего экуменического Собора!

*

Однако не только враги Церкви приложили руку к тем потрясениям, которые принес экуменический Собор, созванный в эпоху, когда либеральные идеи уже глубоко проникли в Церковь.

На тайной консистории, состоявшейся 23 мая 1923 года, как рассказывает аббат Дюлак,¹ Пий XI обсудил с кардиналами курии вопрос о своевременности экуменического Собора. Присутствовали тридцать кардиналов, в том числе Мерри дель Валь, Гаспарри, Де Лаи, Боджиани, Бийо. Бийо сказал: «Надо признать, что внутри самого епископата имеют место глубокие разногласия [...]. Они угрожают вызвать дискуссии, которые будут длиться бесконечно». Боджиани указал на то, что некоторые священники и епископы не чужды модернистских теорий. «Эти воззрения могут склонить некоторых Отцов к преобразованиям, к введению методов, несовместимых с католическими традициями». С большей точностью высказался Бийо: он выразил опасение, что Собор окажется «управляемым» (sic!) «злейшими врагами Церкви — модернистами, которые, судя по некоторым признакам, уже готовят *революцию* в Церкви, *новый 1789 год*».

Иоанн XXIII обратился к идее созвать экуменический Собор, которую вынашивал и его предшественник Пий XII,² «за чтением документов во время прогулок по Ватиканским садам», как сообщает о. Каприле.³ Так или иначе, решение было принято. Папа неоднократно повторял, что оно было вдохновлено Святым Духом:⁴ «Повинуясь *внутреннему голосу*, в котором Нами было услышано *послание свыше*, Мы сочли нынешний момент уместным для того, чтобы дать католической Церкви и всему человеческому

¹ *Raymond Dulac*. La collégialité épiscopale au II concile de Vatican. Paris: Cèdre, 1979. P. 9—10.

² *Ibid.* P. 10; *Frère Michel de la Sainte Trinité*. Toute la vérité sur Fatima. Le 3e secret. P. 182—199.

³ В своей «Истории II Ватиканского Собора»; ср.: *Raymond Dulac*. La collégialité épiscopale au II concile de Vatican. P. 11.

⁴ Ср.: Jean XXIII et Vatican II sous les feux de la pentecôte luciférienne // *Le Règne social de Marie*. Fatima. Janvier—février 1985. P. 2—3.

сообществу новый экуменический Собор».⁵ Это «послание свыше», это «божественное вдохновение», как он его также называет, Папа получил 25 января 1959 года, во время подготовки к торжественному богослужению в римской церкви Сан Паоло Фуори ле Мура, и сразу по окончании церемонии поведал о нем восемнадцати присутствовавшим на ней кардиналам. — Однако действительно ли это вдохновение было божественным? Это вызывает сомнения; мне кажется, оно имело совсем другой источник...

*

Во всяком случае показательно размышление об этом одного старого друга кардинала Ронкалли, будущего Папы Иоанна XXIII. Откликаясь на сообщение о кончине Пия XII престарелый о. Ламбер Бодюэн, друг Ронкалли, сказал о. Буйе: «Если они изберут Ронкалли, все будет спасено: в его силах создать Собор и освятить экуменизм».⁶ Как свидетельствует аббат Боннтер, о. Ламбер Бодюэн хорошо знал кардинала Ронкалли и ему с 1958 года было известно, что, как только Ронкалли станет Папой, он приступит к реализации экуменизма — по всей вероятности, посредством Собора. А кто говорит «экуменизм», тот имеет в виду религиозную свободу и либерализм. «Революция в тиаре и сутане» не была экспромтом. В дальнейших беседах я постараюсь восстановить для вас ее ход во время II Ватиканского Собора.

⁵ *Иоанн XXIII*. Булла «*Humanac salutis*».

⁶ *L. Bouyer*. *Dom Lambert Bauduin, un Homme d'Eglise*. Casterman, 1964. P. 180—181; цит. в кн.: *Abbé Didier Bonnetterre*. *Le Mouvement liturgique* / Ed. Fideliter. 1980. P. 119.

ЧАСТЬ IV

РЕВОЛЮЦИЯ В ТИАРЕ И СУТАНЕ

Глава XXIV

СМУТА II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Интересно отметить, что происшедшее на II Ватиканском Соборе — во всяком случае в том, что касается методов, использованных активным либеральным меньшинством, которое быстро превратилось в большинство, — имеет исторический прецедент. Вспомним Вселенский Собор в Эфесе (449), известный также под названием «Эфесской смуты», которое дал ему Папа Лев I. Председательствовал на Эфесском Соборе амбициозный и бессовестный епископ Диоскур, который с помощью преданных ему монахов и имперских солдат оказал неслыханное давление на Отцов Собора. Папским легатам было отказано в полагавшемся им праве председательствовать, а послания Папы даже не были зачитаны. Не получивший по этой причине статуса экуменического, Собор завершился провозглашением истинности ереси Евтихия, утверждавшего заблуждение монофизитства (единой природы Христа).

II Ватиканский Собор также стал *смутой* — с тем лишь отличием, что Папы (Иоанн XXIII, а затем Павел VI), хотя и присутствовали на нем, но не оказали или почти не оказали сопротивления либеральному перевороту и даже потворствовали ему. Как такое стало возможным? Обь-

явив Собор «пастырским», то есть не догматическим, сделав упор на *обновление* и *экуменизм*, эти Папы заведомо лишили Собор и самих себя возможности вмешаться в ход событий своим непогрешимым авторитетом, которая послужила бы гарантией от ошибок.

В этой беседе я хотел бы посвятить вас в *три* ключевых маневра либеральной клики на II Ватиканском Соборе.

*

Захват соборных комиссий

Выпуск «Обозрения паломника» за 22 ноября 1985 года приводит весьма откровенные свидетельства о первой общей конгрегации Собора, данные в 1972 году кардиналом Льенаром журналисту Клоду Бофору. Предлагаю вашему вниманию пространные фрагменты этой статьи, вышедшей под заголовком «Кардинал Льенар: Собор, апофеоз моей жизни», снабженные моими краткими комментариями:¹

«13 октября 1962: II Ватиканский Собор проводит первое рабочее заседание. Согласно повестке дня Общее собрание должно назначить членов специальных Комиссий, которым будет поручена подготовка решений. Но 2300 святых отцов, собравшихся в огромном нефе собора Святого Петра, почти не знают друг друга. Могут ли они в первый же день избрать компетентные комиссии? Курия обходит эту трудность: вместе с бюллетенями для голосования участникам раздаются перечни прежних подготовительных ко-

¹ Газета «Фигаро» в номере за 9 декабря 1976 года опубликовала выдержки из «Журнала II Ватиканского Собора», который вел кардинал Льенар. См. комментарий к ним: *Michel Martin*. «L'ardoise reflexe» // *Courrier de Rome*. № 165.

миссий, которые организовывались в Риме. Очевидно, предлагается воспроизвести их состав [...]».

Вполне естественно было бы переизбрать в сборные комиссии тех, кто на протяжении трех лет работал в рамках подготовительных комиссий над безупречными текстами будущих документов. Но это предложение явно пришлось не по вкусу новаторам.

«При входе в базилику кардинала Льенара проинформировал об этой весьма двусмысленной процедуре кардинал Лефевр, архиепископ Буржский. Им обоим была известна крайняя робость подготовительных комиссий, слишком римский характер их воззрений и невнимание к чаяниям вселенской Церкви. Кардиналы обеспокоились тем, что те же причины могут вызвать те же следствия. В Совете председателей собора заседал епископ Лилльский, который, воспользовавшись своим положением, вмешался и предотвратил этот маневр, предложив дать епископальным конференциям время, достаточное для выдвижения собственных кандидатур».

Таким образом, либералы опасались теологов и «римских» схем. Чтобы получить откровенно либеральные по духу комиссии, им понадобилось сформировать новые списки, в которые вошли бы члены мировой либеральной мафии. Своевременное вмешательство, немного организаци — и цель оказалась достигнута.

«При поддержке монсеньора Гарроне кардинал Лефевр подготовил латинский текст. И передал его кардиналу Льенару».

Вот вам и текст, подготовленный кардиналом Лефевром, архиепископом Буржским.² Следовательно, это был не экспромт, а продуманная, подготовленная, организованная акция кардиналов либерального направления.

² Не путать с монсеньором Марселем Лефевром, его кузеном!

«Десять лет спустя последний [кардинал Льенар] так вспоминал свое духовное состояние в это день:

Я чувствовал, что загнан в тупик. Убежденный в неправильности происходящего, я молчал и не следовал своему долгу. Но я общался с другими. Мы не могли добровольно отказаться от нашей функции — избрания представителей. Я взял свой документ и обратился к кардиналу Тиссерану, который сидел рядом со мной в кресле председателя: „Ваше Преосвященство, голосовать нельзя. Это неверно, мы друг друга не знаем”. Кардинал ответил: „Это невозможно. Повестка дня не предусматривает никаких дебатов. Мы собрались только для того, чтобы проголосовать. Я не могу предоставить вам слово”. Тогда я сказал ему: „Что ж, я возьму слово сам”. Я встал и, справляясь с волнением, зачитал свой документ. Мне сразу же стало ясно, что собравшиеся разделяют мою тревогу. Раздались аплодисменты. Затем кардинал Фрингс, сидевший несколько дальше, тоже встал и присоединился к моим словам. Аплодисменты повторились. Кардинал Тиссеран предложил закрыть заседание и обратиться к Папе. Все это длилось около двадцати минут. Святые отцы покинули базилику, вызвав тем самым интерес журналистов. Они принялись сочинять историю: „Французские епископы взбунтовались” и т. п. Однако то был не бунт, а следствие мудрого размышления. Учитывая мой ранг и сложившиеся обстоятельства, я был обязан говорить — в противном случае я отказался бы от своих полномочий. Ибо по сути дела это означало бы отрешение».

Выйдя из актового зала, один голландский священник недвусмысленно выразил свои впечатления, общие и для французских и немецких либеральных епископов, сказав одному из своих единомышленников, находившемуся в некотором отдалении: «Это наша первая победа!»³

³ Ср.: *Ralph Wiltgen. Le Rhin se jette dans le Tibre. P. 16—17* («Европейский альянс»).

ИДОС, или интоксикация

Одним из наиболее эффективных средств давления либеральной клики на Собор был ИДОС — Институт документации..., сделавшийся фабрикой либерально-интеллигентской продукции, которая завалила делегатов Собора бесчисленными документами. ИДОС откровенно признавал, что до конца третьей сессии Собора распространил более четырех миллионов бумаг! Организацией и функционированием ИДОС ведала епископальная конференция Нидерландов, а его финансированием ведали, помимо прочих, о. Веренфрид (к несчастью) и кардинал Кушинг, архиепископ Бостонский (США). Раздутый аппарат института помещался на улице дель Амина в Риме.

Мы же, епископы-консерваторы, всячески пытались сдерживать это влияние благодаря кардиналу Ларраона, который предоставил в наше распоряжение свой секретариат. У нас были пишущие машинки, ротаторы и несколько человек персонала, трое или четверо. Мы не сидели на месте, но по сравнению с организованной деятельностью ИДОС наша активность ничего не значила. Нам с исключительной самоотверженностью помогали бразильцы — члены ТФП, всю ночь размножавшие на ротаторе тексты, написанные несколькими епископами, вошедшими в руководящий комитет *Cœtus Internationalis Patrum*, основанного мною вместе с монсеньором Карли, епископом Сеньи (Италия), и монсеньором де Пруэнса Сигауд, архиепископом Диамантины (Бразилия). К нашей организации присоединились 250 епископов.⁴ Помимо названных отцов и меня, над этими текстами работали близкий мне теолог аббат В. А. Берто, монсеньор де Каштру Майер и ряд испанских епископов. Ранним утром наши бразильские товарищи от-

⁴ Ср.: *Ibid.* P. 147.

правились на автомобиле распространять наши листовки в гостиницах, по ящикам для писем делегатам собора, так же как это делал ИДОС с организацией, двадцатикратно превосходившей нашу.

ИДОС, а также многие другие учреждения и ассоциации либералов ясно свидетельствуют о том, что на Соборе имел место заговор, готовившийся заранее, в течение многих лет. Они знали, что нужно делать, как это сделать и кто это сделает. И, к несчастью, этот заговор удался: Собор в значительной своей части оказался отравлен мощью либеральной пропаганды.

Ухищрения составителей соборных документов

Разумеется, мы — 250 отцов — делегатов Собора — всеми доступными нам средствами пытались помешать включению в тексты Собора либеральных заблуждений, и нам удалось снизить *ущерб* происшедшего, изменить некоторые неточные или тенденциозные формулировки, исправить с помощью внесенных дополнений отдельные тенденциозные положения и двусмысленности.

Однако приходится признать, что мы не сумели очистить Собор от либерально-модернистского духа, которым пронизано большинство его документов. Ведь составителями этих документов были эксперты и делегаты, верные либерализму. Коль скоро весь документ в целом составлен в ложном ключе, обезвредить его практически невозможно: лишь полная переработка могла бы придать ему католический дух.

С имевшимися в нашем распоряжении возможностями мы сумели сделать следующее: добавить в текст смягчающие его фразы, в чем нетрудно убедиться: достаточно

сравнить первую версию декларации о религиозной свободе с пятой, которая и была принята — этот документ пять раз отклонялся и пять раз возвращался на рассмотрение Собора, — чтобы заметить, что нам удалось оттенить ярко выраженный субъективизм первых редакций. Таким же образом и в «*Gaudium et spes*» бросаются в глаза параграфы, добавленные по нашему требованию и, я бы сказал, выделяющиеся, как заплатки на старом платье: одно *не стыкуется* с другим; в конечной редакции текста уже нет того логического единства, которое было в его первой версии; дополнения, внесенные с целью смягчить или уравновесить либеральные декларации, остаются в нем чуждыми фрагментами.

Впрочем, не только мы, консерваторы, вносили подобные поправки; сам Папа Павел VI, как вы знаете, добился включения *предварительного разъяснительного замечания* в постановление о Церкви «*Lumen gentium*», дабы исправить проскользнувшее в текст ложное представление о коллегиальности (статья 22).⁵

Документы написаны нудно и беспорядочно, поскольку сами либералы практиковали следующую систему: едва ли не каждое заблуждение, двусмысленность или опасная тенденция сопровождаются, перед ними или сразу следом, обратным утверждением, призванным успокоить делегатов-консерваторов.

Так, в § 2 статьи 36 богослужебной конституции «*Sacrosanctum concilium*» говорится: «большее место может быть уделено местному языку», и забота решения о том, принимать местный язык или нет, доверяется епископальным собраниям (§ 3). Тем самым составители документа

⁵ Ср.: *Ibid.* P. 224 sq.

открыли путь к упразднению латинского богослужения. Чтобы смягчить это преобразование, перед ним они написали: «Использование латинского языка будет сохранено, вне зависимости от частных установлений, в латинских обрядах». Успокоенные этим утверждением, делегаты смирились и с двумя другими.

Таким же образом в декларацию о религиозной свободе «*Dignitatis humanae*», первая редакция которой была отвергнута большинством святых отцов, Павел VI лично внес параграф, суть которого сводится к следующему: «Настоящая декларация ни в чем не противоречит традиции».⁶ Но все прочее в этом документе как раз противоположно традиции! Если кто-то скажет: вы только прочтите это! — ему ответят: здесь сказано, что никаких расхождений с традицией нет! — Да, сказано именно так... Но это не мешает всему остальному идти с традицией вразрез. И даже эта фраза была добавлена Папой в последний момент, чтобы получить голоса тех — прежде всего это были испанские епископы, — кто не соглашался с проектом декларации. Что ж, маневр удался: вместо 250 голосов против было подано всего 74 — и все из-за нескольких слов: «Никаких расхождений с традицией нет!» Но будем последовательны! Эти слова ничего не изменили в тексте декларации. Нет ничего проще постфактум наклеить ярлык, вставить пометку «безопасно». Неслыханный обман! Однако покончим на этом с бунтом и перейдем к *духу Собора*.

⁶ *Dignitatis humanae*, n. 1. Ср. главу XXVII.

Глава XXV

ДУХ СОБОРА

Сколько двусмысленностей и неверных выводов можно было бы избежать, если бы II Ватиканский Собор был догматическим, а не пастырским, согласно провозглашенному им статусу, Собором!

Впрочем, сравнивая последовательные редакции соборных документов, нетрудно уяснить направления *выражаемых* им идей. С вашего позволения я хотел бы остановиться на некоторых из них.

Духовенство верующих

Спору нет, в декларации «Lumen gentium» проводится различие между общинным духовенством верующих и наставническим духовенством священнослужителей (статья 10). Однако последующий текст содержит многие страницы, говорящие о духовенстве в целом, смешивая две упомянутые составляющие или даже представляя духовенство священнослужителей в виде одной из функций духовенства общинного (статья 11).

Возвышение совести над законом

Подобным образом ясно говорится, что человек должен повиноваться *закону* Бога («*Dignitatis humanae*», статья 2). Однако следом прославляются свобода человека и личностное сознание (статья 3), поддерживается отказ от тех или иных обязанностей на основании свободы совести (статья 3) в столь общем виде, что его идея становится ложной: «Человек не должен подвергаться принуждению к чему бы то ни было против его совести». А это верно лишь для истинной совести — или для совести, всецело преданной заблуждению! Результатом оказывается тенденция к возвышению совести над законом, а субъективности — над объективным порядком вещей, тогда как несомненно, что призвание совести — быть сообразной закону.

Либеральное определение свободы

Очень часто, особенно в декларации о религиозной свободе, повторяется идея ненужности принуждения, ограничения («*Gaudium et spes*», статья 47, «*Dignitatis humanae*», статьи 1, 2, 3, 10). Свобода определяется как отсутствие принуждения. Между тем вполне очевидно, что не может быть общества без физической принудительности наказаний и без моральной принудительности страха перед наказаниями, которые предусматривает закон! Иначе неизбежна анархия. Прибегал к принуждению и Наш Господь Иисус Христос: возможно ли более сильное моральное принуждение, чем то, что заключено в словах: «Кто не будет веровать, осужден будет» (Мар. 16, 16)? Совесть устрашает ад, и в этом принуждении — благо. Следовательно, существуют — несомненно существуют — благие и спасительные виды принуждения!

Смешения и противоречия

Кроме того, «*Dignitatis humanae*» не устанавливает различия между религиозными действиями, освобожденными от государственного принуждения, тогда как существует разница между внутренними и внешними, частными и публичными такого рода действиями и нельзя приписывать всем им одну и ту же свободу (ср. статью 2)!

Между тем католическая страна имеет полное право запрещать публичное осуществление ложных вероисповеданий, ограничивать их пропаганду!

Если государство не вмешивается в дела религий, в таком случае родители не вправе передавать, внушать религию своим детям! Провозглашая полную религиозную свободу без всяких оговорок, можно дойти до абсурда!

Тенденция к религиозному индифферентизму

Утверждения о том, будто каждая религия является путем к Богу и государство не может судить об истинности той или иной веры, суть не что иное, как глупости, ведущие к ереси, называемой *индифферентизмом*: они ведут либо к индифферентизму индивидуальному, либо к индифферентизму государства по отношению к истинной религии.

Несомненно при этом, что Собор провозглашает этот индифферентизм или, во всяком случае, тенденцию к нему. Прославляя индивидуальное право верить, духовные ценности и спасительную сущность других религий («*Nostri aetate*», статья 2; «*Unitatis redintegratio*», статья 3; «*Dignitatis humanae*», статья 4), он поддерживает индивидуальный индифферентизм. А изрекая — например, устами мон-

сеньора Де Шмедта — неслыханные нелепости по поводу неспособности государства судить о религиозной истине и в конечном счете признавать истинного Бога, он сеет государственный индифферентизм и даже государственный атеизм.

Следствия этих настроений и этих тлетворных доктрин налицо: никто среди католиков более не считает, что в католических странах государство должно признавать истинную религию, содействовать ей своими законами, препятствовать распространению ложных религий! Никто!

Но если, допустим, Колумбия еще в 1966 году — совсем недавно — была страной католической на 95 %, то заслуга в этом принадлежала государству, которое конституционно запрещало насаждение протестантских сект, оказывая тем самым неоценимую помощь католической Церкви! Защищая веру граждан, государственные законы и власти направляли на путь к небесам миллионы людей, которые благодаря этим законам заслужат вечную жизнь и не заслужили бы ее без таковых! Но теперь в Колумбии все по-другому. Этот важнейший закон был отменен по требованию Ватикана во исполнение принятой Собором декларации о религиозной свободе! И секты с тех пор умножаются; простые бедные люди оказались беззащитны перед пропагандой протестантских сект, которые, пользуясь обильной финансовой поддержкой и применяя все возможные средства, без устали обращают в свою веру неграмотных. Я несколько не преувеличиваю. А что это такое, если не самое настоящее притеснение совести протестантами и масонами? Вот к чему привела пресловутая религиозная свобода II Ватиканского Собора!

Тенденция к плюрализму

Почитайте, что сказано в главе V «Gaudium et spes» о международных отношениях и организациях, о мире и войне. Вы не найдете там практически ни одной ссылки на Господа Нашего Иисуса Христа. Но возможно ли мировое устройство без Иисуса Христа? Возможен ли мир без *Princeps pacifer*, Господа-миротворца? Это просто немыслимо! Нынешний мир погружен в войны и разрушения прежде всего потому, что он погряз во грехе. Следовательно, ему нужно дать благодать Иисуса Христа, обратиться к Нашему Господу. Таково единственное решение проблемы мира во всем мире. В противном случае наши речения ничего не стоят.

Комиссию по подготовке «Gaudium et spes» возглавлял монсеньор Оптманн, ректор Парижского католического института. Его комиссия консультировалась с швейцарскими протестантами, добиваясь того, чтобы процитированная статья была принята и оценена всем миром. Можно ли было ожидать, что после этого в документе останется что-либо сверхъестественное, дух Господа Нашего Иисуса Христа?

На этом я завершу свой краткий обзор. Я не утверждаю, что все на II Ватиканском Соборе было плохо, что он не принял ни единого хорошего текста, заслуживающего размышления. Но я с доказательствами в руках утверждаю, что он выступил с опасными и даже ложными документами, содержащими в себе *либеральные*, модернистские тенденции, которые затем привели к реформам, подрывающим ныне устой Церкви.

Глава XXVI

ПОИСК И ДИАЛОГ. КОНЕЦ МИССИОНЕРСКОГО ДУХА

Поиск

Либерально-католический дух, как мы видели, не испытывает достаточной веры в истину. Духу Собора свойственна утрата надежды на то, что истина когда-либо будет найдена: несомненно, она существует, но является при этом предметом бесконечного поиска.

Это означает, как нетрудно понять, что истина — Истина, каковая есть Иисус Христос, — не может быть центром общественного устройства. Ключевым словом всех этих рассуждений является слово «поиск» — или направленность, устремленность к истине, обращенность к истине, путь к истине. Соборный и постсоборный жаргон полнится терминами, связанными с движением и «динамикой».

II Ватиканский Собор канонизировал этот поиск в своей декларации о религиозной свободе: «Поиск истины должен осуществляться способом, подобающим человеческой личности и ее общественной природе, то есть свобод-

ным способом...». Собор ставит поиск на первое место, выше воспитания и образования! И тем самым расходится с реальностью: религиозные убеждения внушаются посредством воспитания детей, и если они приобретены, закреплены в умах и выражены в религиозном культе, нужно ли искать что-то еще? К тому же «свободный поиск» очень редко приводит к религиозной и философской истине. Великий Аристотель не застрахован от заблуждений. Философия свободного исследования приводит к Гегелю... — Что же сказать о сверхъестественных истинах? Святой Павел вопрошает, говоря о язычниках: «Как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?» (Рим. 10, 14—15). Не поиск должна провозглашать Церковь, но необходимость миссии: «Идите, научите все народы» (Мат. 28, 19) — таков единственный наказ Нашего Господа. Сколько души смогут обрести истину и пребывать в истине без помощи церковного руководства? Свободный поиск всецело расходится с реальностью и является, в сущности, радикальной формой натурализма.

Что на практике отличает свободно ищущего от свободомыслящего?

Ценности других религий

Собор воодушевленно принял спасительную сущность или, короче говоря, ценность других религий. Вот что говорится в его документах о некатолических христианских конфессиях: «Хотя мы считаем их жертвами недомыслия, они отнюдь не лишены значения и ценности в таинстве спасения». ¹ — Но это ересь! Единственным путем к спасению является католическая Церковь. Протестантские общины не могут быть орудиями Святого Духа, ибо они

¹ Декрет об экуменизме «Unitatis redintegratio». Статья 3.

отпали от общества истинной веры. Святой Дух либо воздействует прямо на души, либо использует средства (например, крещение), которые сами по себе не несут никаких признаков раскола.

Можно спастись в протестантизме, но нельзя спастись *посредством* протестантизма! На небесах нет протестантов, ибо там есть только католики!

В отношении же нехристианских религий Собор провозглашает:

«Католическая Церковь никоим образом не отвергает того, что истинно и свято в этих религиях. Он *с уважением* относится к этим образам жизнедеятельности, к этим нормам и доктринам, которые, хотя они во многом отличны от ее собственных установлений и предписаний, все же несут в себе лучи той Истины, которая просвещает всех людей».²

То есть как? Я должен уважать полигамию и аморальность Ислама? Индуистское идолопоклонство? Разумеется, религии могут содержать в себе здоровые элементы, те или иные проявления естественной религиозности, естественные условия спасения; в них даже могут сохраняться отзвуки древнего откровения (Бог, грехопадение, спасение), скрытые сверхъестественные ценности, с опорой на которые благодать Бога может разжечь у некоторых из их приверженцев пламя зарождающейся веры. Но ни одна из этих ценностей не является собственным свойством этих религий. Свойственно же им глубокое отклонение от истины, безверие, отсутствие благодати, короче говоря — суеверие и идолопоклонство. Сами по себе эти ложные культы — не что иное, как суета и уныние духа, а то и поклонение демонам! Сохраняющиеся в них здоровые эле-

² Декларация о нехристианских религиях «Nostra Aetate». Статья 2.

менты по праву принадлежат единственной истинной религии — католической вере, — и только она может действовать через них.

Религиозный синкретизм

Повторяю: слова о спасительной ценности других религий суть ересь! А «уважение к их образу деятельности и к их доктринам» — заявление, оскорбляющее истинных христиан. Попробуйте-ка сказать нашим африканским католикам, что надо уважать анимистические культы! Если выясняется, что христианин участвует в подобных обрядах, на него падает подозрение в отступничестве и его наказывают отлучением от миссии на год. Страшно вспомнить о том, как Иоанн Павел II сделал анимистический жест в Того!³ А в Мадрасе 5 февраля 1986 года в его присутствии был вынесен плетеный жезл из сахарного тростника, означающий *приношение индусов богу плоти*, затем в рамках церемонии преподнесения даров в алтарь внесли *кокосовые орехи* — типичный для индусов дар своим богам, после чего женщина вручила Иоанну Павлу II *священный прах*, приложив руку к его лбу.⁴ Истинные католики Индии были оскорблены до глубины души. Для них, ежедневно сплошь и рядом видящих идолопоклоннические храмы, в которых буддисты и индуисты исповедуют мифологические верования, немислимы слова о «признании, охране и поддержке духовных, моральных и социокультурных ценностей этих религий»!⁵

³ См.: Osservatore Romano. 11 aout 1985. P. 5.

⁴ Речь идет не о «тилаке», который Иоанн Павел II получил 2 февраля в Дели (ср.: Fideliter. N 51. P. 3), а о «вибухи», или священном прахе (ср.: Indian Express, 6 février 1986).

⁵ «Nostra aetate». Статья 2.

Если в первые христианские века Церковь крестила языческие храмы и освящала дни языческих празднеств, в этом сказывались ее осмотрительность, не позволявшая отменить принятые обычаи, и ее мудрость, с которой ростки естественной набожности, не требовавшие запрета, отделялись от идолопоклоннической чепухи, прогонявшейся из умов новообращенных. На всем протяжении истории католических миссий Церковь оставалась верна этому духу разумного милосердия. Разве не заключается само «католичество», сама всеобщность нашей Церкви в ее способности собрать в некоем возвышенном единстве веру народов всех времен, всех рас и всех местностей, не подавляя законные различия между ними? Можно подумать, что различия между религиями учитывались испокон веков и вдруг перестали учитываться! II Ватиканский Собор требует от нас какого-то нового уважения, нового разбора религий, нового объединения с ними и нового строительства — причем, по каким принципам! В каких формах! Это называют инкультурацией... Нет, мудрость Церкви заключается совсем не в этом!

При Пис XII, незадолго до Собора, общий дух Церкви побудил ее внести в текст богослужения новые, уместные для нашего времени слова. Прочтите молитву дароприношения из мессы Верховных Понтификов, повторяющую обращение Бога к пророку Иеремии (Иер. 1, 9—10):

«Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтоб искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать».

Я в своих выступлениях с кафедры никогда не пытался освятить хижину анимистического жреца. Когда колдун умирал (часто будучи жертвой отравления!), мы немедленно

но сжигали его хижину к вящей радости детей! С точки зрения всей христианской традиции поучение, данное Иоанном Павлом II в «Redemptor hominis»: «Не разрушайте, но принимайте ценности к своей пользе и создайте новое» (с. 76) — не что иное, как утопия кабинетного теолога. Ведь в эти слова, умышленно или нет, вложен прямой призыв к религиозному синкретизму.

Диалог

Диалог не является открытием Собора. О нем впервые заявил Павел VI в энциклике «Ecclesiam suam» от 6 августа 1964 года, где говорится о диалоге с миром и другими религиями. Однако надо признать, что Собор серьезно усугубил эту либеральную тенденцию. Прочтите:

«Истину следует искать [...] посредством [...] обмена и диалога, в котором одни открывают другим истину, которую они нашли или считают найденной, тем самым помогая друг другу в поиске истины».⁶

Иными словами, в постоянном поиске должен пребывать не только неверующий, но и верующий! Между тем еще святой Павел разоблачал лжеученых, «всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3, 7). А неверующий в свою очередь может якобы открыть верующему неизвестные тому стороны истины! Между тем в инструкции Церкви об экуменизме от 20 декабря 1949 года это заблуждение осуждается и по поводу возврата в католицизм ранее отошедших от него христиан говорится: «Следует, однако, избегать представления дела таким образом, будто бы своим возвращением в Церковь они привносят в нее некий сущностный элемент, которого

⁶ «Dignitatis humanae». Статья 3.

до того ей недоставало». ⁷ Пользой, которую приносит нам контакт с не католиками, может быть человеческий опыт, но не доктринальные элементы!

Надо сказать и о том, что Собор внес существенные нововведения в позицию Церкви по отношению к другим религиям, в том числе и нехристианским. В беседе, которую я имел 13 сентября 1975 года с секретарем монсеньора Нестора Адама, в то время епископа Сьонского (Швейцария), он согласился со мной: да, представление о миссионерской деятельности Церкви претерпело изменения. И мой собеседник добавил: «Эти изменения требовались». «Например, — сказал мне он, — сегодня мы смотрим на нехристиан или отошедших от Церкви, находя в них нечто благое, *позитивное*, пытаюсь различить в исповедуемых ими ценностях ростки спасения».

Что ж, всякое заблуждение имеет свои истинные, позитивные стороны; не бывает заблуждения в чистом виде точно так же, как не существует абсолютного зла. Зло — это извращение добра, а заблуждение — это извращение истины в некоем предмете, который тем не менее сохраняет свою природу, некоторые естественные особенности, некоторую истинность. Но опираться на остаток истины, сохраняющийся в заблуждении, крайне опасно. Что бы мы сказали о враче, который заявил бы у изголовья больного: «Ах, в нем все-таки что-то осталось; его дела не так уж плохи...»? Мы могли бы воззвать к нему: «Но что вы скажете о болезни? Разве вы не видите, что человек болен? Ему требуется лечение, иначе он умрет!» А врач ответил бы: «Не так уже все это плохо. Согласно моему методу не нужно уделять внимания недугу пациентов, негативному в них; куда важнее сохраняющийся в них остаток здоровья».

⁷ Инструкция «De motione oecumenica».

Иными словами, предоставим больным умереть своей смертью! Подобным образом не католикам и не христианам говорят: «В конце концов вы правы и у вас есть основания рассчитывать на спасение». И они в итоге верят, что не больны. Но как же в таком случае обратить их в истинную веру?

Никогда такого рода идеи не совпадали с духом Церкви. Напротив, миссионерский дух всегда требовал указать больным на их недуг с тем, чтобы вылечить их, дать им лекарства, в которых они нуждаются. Обращаться к нехристианам, не говоря о том, что они нуждаются в христианской религии и что путь к спасению лежит единственно через Господа Нашего Иисуса Христа, означает совершать бесчеловечную жестокость. На индивидуальном уровне, начиная обращенис, вполне законно прибегать к *captatio benevolentiae*, демонстрировать уважение к другой религии, но возводить подобный подход в доктринальный принцип — это заблуждение, обман! «Спасительная сущность других религий» — это ересь! Закладывая ее в основание апостольской миссии, мы стремились бы удержать людей в их заблуждении! Такой «диалог» в высшей степени противоположен задачам миссии! Наш Господь послал апостолов не вести диалог, но проповедовать! А если священникам и миссионерам внушается со времен II Ватиканского Собора дух либерального диалога, то нет ничего удивительного в том, что верная Собору Церковь без остатка утратила миссионерское рвение, сам дух Церкви!

*

Теперь же оставим тему свободного поиска и диалога, чтобы перейти к вершине сделанных на Соборе открытий — я имею в виду религиозную свободу. Обсудим ее сначала в историческом, затем в индивидуальном и, наконец, в социальном аспекте.

Глава XXVII

II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР В СВЕТЕ ТРАДИЦИИ

«Религиозная свобода [...] ни в чем не противоречит традиционной католической доктрине...»

«Кроме того, в обсуждении религиозной свободы священный Собор сохраняет верность доктрине Верховных Понтификов последнего времени в том, что касается неотъемлемых прав человеческой личности...»¹

Такое вступление, успокоительное по замыслу его авторов, непосредственно предваряет декларацию II Ватиканского Собора о религиозной свободе. Тем самым она преподносится как продолжение традиции. Так ли обстоит дело в действительности? Этот вопрос возникает сразу — ведь, как мы помним, Папы XIX века, говоря о свободе совести и вероисповеданий, резко осуждали эту религиозную свободу, которая как две капли воды похожа на весь недавний Собор.

¹ «*Dignitatis humanae*». Статья 1.

II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР И «QUANTA CURA» ПИИ IX

Положения, осуждаемые Прием IX в энциклике «Quanta Cura»:

(A)

«Наилучшим условием для жизни общества является непризнание Властью обязанности налагать законные кары на преступников католической религии, если только этого не требует поддержание общественного спокойствия».

(B)

«Свобода совести и вероисповеданий является правом каждого человека...»

(C)

«...которое должно провозглашаться и гарантироваться в любом правильно устроенном обществе».²

Положения, утверждаемые II Ватиканским Собором в декларации «Dignitatis humanae»:

(A')

«Каждый в религиозной области [...] может беспрепятственно действовать согласно его совести, как в частной, так и в общественной сферах, один или в сообществе с другими, в разумных пределах».

(B')

«Личность имеет право на религиозную свободу. Эта свобода заключается в том, что [...]» — см. пункт A).

(C')

«Это право человеческой личности на религиозную свободу должно быть в законном порядке признано обществе таким же образом, каким в нем провозглашаются гражданские права».³

² Пий IX. Энциклика «Quanta Cura». Ст. 40; Dz. 1689—1690.

³ «Dignitatis humanae». Статья 2.

Параллели двух этих текстов очевидны. Их анализ⁴ приводит нас к выводу о противоположности выраженных в них доктрин. Сам о. Конгар признает, что «*Dignitatis humanae*» противоречит «Силлабусу» того же Пия IX:

«Нельзя отрицать, что в этом тексте [в соборной декларации о религиозной свободе] говорится фактически о том же, о чем и в „Силлабусе” 1864 года, причем утверждается практически обратное положением 16, 17 и 19 этого документа».⁵

*

II Ватиканский Собор расходится с положениями Пия IX фактически, но не *формально*. Вот к чему склоняют нас защитники соборных документов. Они, как я уже говорил вам в главе X, поясняют: осуждение религиозной свободы в XIX веке было исторической ошибкой; Папы осуждали ее, но на самом деле стремились осудить исключительно вдохновлявший ее тогдашних сторонников *индифферентизм* («человек свободен исповедовать ту религию, которая ему нравится, следовательно, он имеет право на религиозную свободу»). Иными словами, из страха перед тем абсолютным либерализмом, который угрожал светской власти понтифика Папы наносили чрезмерный

⁴ Ср.: *Michel Martin*. *Courrier de Rome*. N 157; *Courrier de Rome*. Novembre 1985 (специальный номер); *Abbé Bernard Lucien*. *Annexe sur l'opposition entre le concile Vatican II et l'Encyclique*. *Quanta Cura # Lettre a quelques évêques*. Paris: Société Saint Thomas d'Aquin, 1983.

⁵ Цит. в изд.: *Abbé Georges de Nantes*. CRC. № 113. P. 3. О «Силлабусе» см. главу X настоящей книги. Кардинал Ратцингер в свою очередь видит в соборном тексте «*Gaudium et spes*» «анти-Силлабус», «поскольку в этом документе заключена попытка официального примирения Церкви с миром в том виде, каким он стал после 1789 года», то есть после провозглашения прав человека (*Le Cardinal J. Ratzinger*. *Les Principes de la théologie catholique*. Paris: Téqui, 1985. P. 427).

удар, судили вслепую, не проводя различий. О. Конгар присоединяется к этому доводу и приводит его источники:

«О. Джон Кортни Мюррей, принадлежащий к высшей интеллектуальной и религиозной элите, показал, что, утверждая фактически обратное „Силлабусу” — вышедшему в 1864 году и обусловленному, как это доказывает Роже Обер, конкретными историческими обстоятельствами, — Декларация [о религиозной свободе] стала продолжением той борьбы, которую Папы вели с якобинством и тоталитаризмом, отстаивая достоинство и свободу человеческой личности, созданной по образу Бога».⁶

Но, как мы видели, Роже Обер и Джон Кортни Мюррей сами являются пленниками историцистского предубеждения, которое приводит их к неоправданной релятивизации доктрины Пап XIX века!⁷

На самом деле Папы осуждали религиозную свободу как таковую — как свободу абсурдную, безбожную и внушающую народам религиозное безразличие. Это осуждение продолжает действовать, и своей общей (а в случае «*Quanta Cura*» — особой) обязательностью оно ставит под сомнение законность соборной декларации.

*

II

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА — ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПРАВО?

Но входит ли религиозная свобода, как утверждает о. Конгар (а вместе с ним и преамбула «*Dignitatis huma-*

⁶ *Y. Congar*. о. р. DC. 1704, 789.

⁷ Ср. главу X настоящей книги.

пас)), в число *фундаментальных прав* человеческой личности, которые Папы в недавнем прошлом защищали перед лицом якобинства и тоталитаризма XX века⁸ Приведу прежде всего несколько цитат, в которых Папы формулируют «фундаментальное право на исповедование Бога»:

«Человек как личность обладает правами, которые даны ему от Бога и должны охраняться от всяких посягательств со стороны общества, содержащих попытку их отрицания, отмены или ущемления [...]»

«[...] Верующий имеет *неотъемлемое право* исповедовать свою веру и вести такой образ жизни, какого требует от него эта вера. Законы, запрещающие или затрудняющие исповедование им своей веры и жизнь согласно ее законам, противоречат естественному праву».⁹

«Следует поддерживать уважение и практическое исполнение фундаментальных прав личности, то есть прав на сохранение и развитие телесной, умственной и духовной жизни, в частности на религиозное воспитание и образование, а также на *индивидуальное и публичное исповедование божественного культа*, включая религиозную благотворительность [...]».¹⁰

С объективной точки зрения, «божественный культ», о котором говорит Папа, не может быть ничем иным, нежели истинный культ истинного Бога: коль скоро речь идет об *объективном праве* (конкретным объектом которого и является культ), таковое может затрагивать лишь нечто истинное и морально благос:

⁸ Ср.: *André-Vincent*. o. p. *La Liberté religieuse droit fundamental*. Paris: Téqui, 1976; Mgr Lefebvre et le Saint Office. P. 68—81.

⁹ *Пий XI*. Энциклика «*Mit brennender Sorge*» от 14 марта 1937; DC, 837—838. P. 915.

¹⁰ *Пий XII*. Выступление по радио 24 декабря 1942 г.

«То, что не соответствует истине и закону морали, — поясняет Пий XII, — объективно не имеет никакого права на существование, пропаганду или практическое осуществление».¹¹

Таково, собственно, и прямое значение формулировки Пия XI: слова «верующие» и «вера» относятся к приверженцам истинной религии, в данном случае — к немецким католикам, подвергшимся нацистскому преследованию.

Но на что в конечном счете нападали и нападают все тоталитарные и атеистические режимы, если не на самые основания всякого религиозного права? Антирелигиозная деятельность коммунистического режима в СССР стремится осмеять и подавить всякий религиозный культ, будь то католицизм, православие или ислам. Тем самым власти стремятся отменить право, внутренне присущее человеку как субъекту и сопряженное с его обязанностью чтить Бога, вне зависимости от конкретного выражения этой обязанности в католическом, православном или ином вероисповедании. Такое право называется *субъективным правом*, поскольку оно касается субъекта, а не объекта. К примеру, я имею субъективное право почитать Бога, но это не означает, что моим объективным правом является буддистское вероисповедание!

В свете этого классического и элементарного различия нетрудно понять, что перед лицом воинствующего атеизма Папы нашего столетия, особенно Пий XII, отстаивали именно субъективное право на почитание Бога, в высшей степени фундаментальное право; именно такой смысл следует придавать выражению «фундаментальное право на исповедание Бога». И вместе с тем в других случаях,

¹¹ Пий XII. Обращение к юристам «*Ci riesce*» от 6 декабря 1953 г. Ст. 3041.

когда это было необходимо, Папы прямо и недвусмысленно защищали субъективные и объективные права католических «душ».¹²

*

Направленность II Ватиканского Собора совершенно иная. Как я покажу вам, Собор провозгласил, помимо субъективного, также и объективное право на религиозную свободу, то есть совершенно конкретное право всякого человека на защиту в *его вероисповедании, каким бы оно ни было*. Нет! Религиозная свобода II Ватиканского Собора не имеет ничего общего с фундаментальными правами, которые утверждали Пий XI и Пий XII!

¹² Как, например, Пий XI в энциклике «*Non Abbiamo*» от 29 июня 1931 г.

Глава XXVIII

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Согласно II Ватиканскому Собору человек, сообразно своему достоинству, имеет право на беспрепятственное осуществление любого избранного им вероисповедания как в частной, так и в публичной сфере, если только оно не угрожает общественному спокойствию и морали.¹ Общественная мораль «плюралистического» государства, каким оно поддерживается Собором, разумеется, не воздвигнет существенных преград перед этой свободой, точно так же как прогрессирующее разложение либерального общества не ограничивает права на свободу «партнерства», коль скоро оно провозглашается без всяких различий для пар, живущих в свободном сожителстве и в браке — сообразно их человеческому достоинству!

А потому — не станем мешать мусульманам спокойно молиться среди наших христианских кварталов, возводить свои мечети и минареты рядом с колокольнями наших церквей. II Ватиканский Собор постановил, что не

¹ Ср. декларацию о религиозной свободе «*Dignitatis humanae*». Статья 2.

нужно чинить препятствий ни мусульманам, ни буддистам, ни индуистам...

Но если мы, католики, предоставляем им свободу у себя, то потребуем же религиозной свободы и в мусульманских и прочих странах... Будем отстаивать свои права в коммунистических странах, основываясь на принципе, провозглашенном столь высоким церковным собранием и уже признанном ООН и масонством... На эти размышления навел меня Папа Иоанн Павел II во время аудиенции, которой он удостоил меня 18 ноября 1978 года: «Видите ли, — сказал мне он, — религиозная свобода принесла нам большую пользу в Польше, в борьбе с коммунистами!» Мне хотелось ответить ему: «Возможно, даже очень большую пользу в качестве аргумента *ad hominem*, поскольку коммунистические режимы записали свободу вероисповеданий в свои конституции,² но только не в качестве доктринального принципа католической Церкви!»

I

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА И ИСТИНА

Впрочем, этот ответ заранее был дан Папе еще о. Гарригу-Лагранжем:

«Мы можем [...] воспользоваться свободой вероисповеданий как аргументом *ad hominem* против тех, кто, провозглашая ее, тем не менее преследуют Церковь (светские и социалистические государства) или прямо или косвенно препятствуют ее деятельности (коммунистические, мусульманские страны и т. д.). Этот аргумент *ad hominem* вполне обоснован, и Церковь не должна от него отказываться, ища действенной защиты своего права на свободу.

² Наряду с правом на антирелигиозную пропаганду!

Но из этого не следует, что свобода вероисповеданий сама по себе приемлема для католиков в качестве принципа, ибо она абсурдна и кощунственна: в самом деле, истина и заблуждение не могут иметь равные права».³

Я люблю повторять: только истина обладает правами, а у заблуждения нет никаких прав — таково учение Церкви:

«Право, — пишет Лев XIII, — есть духовная способность, и, как мы уже говорили и не преминем повторить еще раз, абсурдно было бы думать, что оно от природы, без всякого различия и разбора, принадлежит истине и лжи, добру и злу. Разумеется, должно быть право с благоразумной свободой распространять в государстве истинное и благое, дабы они приносили пользу как можно большему числу людей; но лживые доктрины, самую страшную чуму из всех, которым подвержен человеческий ум [...], государственной власти следует заботливо пресекать, дабы помешать злу приумножиться и привести к крушению общества».⁴

Поэтому очевидно, что доктрины и практические проявления ложных религий сами по себе не имеют никакого права на свободное выражение и распространение. Чтобы обойти эту прописную истину, выступавшие на Соборе утверждали: истина и заблуждение, собственно говоря, вообще не могут иметь прав, поскольку правами обладают люди — «субъекты прав». Тем самым они искажали суть дела, переводя проблему на сугубо субъективный уровень и надеясь таким образом вынести за скобки истину! Однако эту попытку — как я покажу вам, непосредственно обратившись к проблематике собора, — ожидал провал.

³ Ср.: *Reginald Garrigou-Lagrange O. P. De revelatione*. Ferrari et Gabalda, 1921. Т. II. P. 451 (возражение 8).

⁴ *Лев XIII*. Энциклика «*Libertas*». Ст. 207.

На субъективном уровне «субъекта права» религиозная свобода оказалась тождественна общему праву, предоставленному и тем, кто *приобщен к религиозной истине*, и тем, кто *пребывает в заблуждении*. Но мыслимо ли подобное право? Что Собор заложил в его основание?

Права совести?

В начале Собора некоторые пытались основать религиозную свободу на *правах совести*: «Религиозная свобода будет бесполезной, если люди не смогут выразить в общезначимых общественных нормах повеления своей совести», — заявил в своей вступительной речи монсеньор Де Шмедт.⁵ Довод, собственно, заключался в следующем: каждый человек должен следовать своей совести, ибо она является для него непосредственным руководством к действию. Между тем это правило действительно как для истинной совести, так и для совести неопровержимо ошибочной, как это имеет место у многочисленных приверженцев ложных религий; последние точно так же должны следовать своей совести и, выходит, им нужно предоставить свободу ей следовать и осуществлять свой культ.

Нелепость подобных рассуждений быстро стала явной, и либералам пришлось смириться с необходимостью искать другие средства. Неопровержимое заблуждение и в самом деле оправдывает всякий моральный изъян, однако оно *не делает* действие *благим*⁶ и поэтому *не дает никакого права* его автору! Право может основываться только на объективной норме закона, в первую очередь — божественного закона, регулирующего, в частности, угодную Богу форму его почитания людьми.

⁵ Documentation catholique. 5 janvier 1965. Col. 74—75.

⁶ Ср.: *Св. Фома Аквинский*. I, II. 19, 6, дополнение 1.

Достоинство человеческой личности?

Поскольку совесть не предоставила достаточно объективной основы права, эту основу решено было найти в достоинстве человеческой личности. «Ватиканский Собор провозглашает [...], что право на религиозную свободу основывается на самом достоинстве человеческой личности» («*Dignitatis humanae*», статья 2). Это достоинство заключается в том, что человек, наделенный разумом и свободным арбитром, по самой своей природе склоняется к познанию Бога, чего не происходит, если ему не предоставлена свобода. Аргументация такова: *человек свободен, следовательно ему нужно предоставить свободу*. Или: человек наделен свободным арбитром, следовательно он имеет право на свободу действий. Полагаю, вы узнаете абсурдный, как характеризует его кардинал Бийо, принцип всякого либерализма. Перед нами софизм: свободный арбитр помещается в область БЫТИЯ, тогда как духовная свобода и свобода деятельности относятся к области ДЕЙСТВИЯ. Одно дело — то, чем Петр является по своей природе, и другое дело — то, каким он становится (хорошим или плохим, приверженцем истины или заблуждения) благодаря своим поступкам! Спору нет, *начальное* человеческое достоинство — это достоинство разумного существа, способного поэтому к личному выбору, но его *конечное* достоинство заключено в «действительном» приобщении к истине и благу. Это конечное достоинство, несомненно, и приносит каждому духовную свободу (право действовать) и свободу действий (право не встречать на своем пути преград). Однако если человек приобщается к заблуждению или встает на сторону зла, то он теряет свое конечное достоинство или не достигает его, и в таком случае основанием для чего бы то ни было это достоинство служить на может. Именно это замечательно выразил Лев XIII в двух забытых II Ватиканским Собором текстах. Рассуждая

о лжесвободах Нового времени, Папа пишет в энциклике «Immortate Dei»:

«Если разум приобщается к ложным идеям, если воля делает выбор в пользу зла и становится на его сторону, они не достигают совершенства, но теряют свое врожденное достоинство и подвергаются порче. Поэтому непозволительно изготовлять и преподносить взору людей то, что противно добродетели и истине, тем более — брать эти распутства под охрану законов».⁷

А в энциклике «Libertas» Лев XIII уточняет, в чем заключается истинная религиозная свобода и на чем она должна основываться:

«Другой громогласно проповедуемой ныне свободой является так называемая свобода совести. Если под нею понимается право каждого безразлично, по своей прихоти чтить или не чтить Бога, то, чтобы его опровергнуть, достаточно аргументов, приведенных выше.⁸ Но также эту свободу можно понимать и в том смысле, что человек в государстве имеет право следовать, сознавая свой долг, воле Бога и исполнять его наказания,⁹ не встречая на своем пути преград. Эта свобода, истинная свобода, достойная детей Господа, твердо стоящая на страже достоинства человеческой личности, пребывает выше всякого насилия и притеснения и всегда являлась предметом чаяний Церкви и ее первостепенной заботы».¹⁰

⁷ Лев XIII. Энциклика «Immortate Dei». Ст. 149.

⁸ Речь идет об аргументах против индивидуального религиозного индифферентизма.

⁹ Если говорить конкретно, то речь, разумеется, идет о наказаниях истинной религии!

¹⁰ Лев XIII. Энциклика «Immortate Dei». Ст. 215.

Иными словами, истинному достоинству — истинная религиозная свобода; ложному достоинству — ложная религиозная свобода!

Религиозная свобода — универсальное право терпимости?

Отец Ф. Андре-Венсан, посвятивший этому вопросу немало размышлений, однажды обратился ко мне с предостережением: обратител внимание на то, — писал он, — что Собор требует для приверженцев ложных религий не «утвердительного» права осуществлять свой культ, но всего лишь «негативного» права *не встречать преград* этому вероисповеданию, будь оно частным или публичным. С его точки зрения, II Ватиканский Собор выступил с обобщением классической доктрины терпимости.

Действительно, когда католическое государство ради гражданского мира, содействия всех граждан общему благосостоянию или, шире, ради избегания наибольшего зла и достижения наибольшего блага считает, что следует *смириться* с осуществлением того или иного вероисповедания, оно может либо «закрыть глаза» на него, проявив фактическую терпимость и не принимая по отношению к нему никаких принудительных мер, либо даже предоставить его приверженцам гражданское право *беспрепятственно исповедовать* свою веру. В этом случае речь как раз и шла бы о сугубо негативном праве. Однако, как подчеркивали Папы, гражданская терпимость не подразумевает «утвердительного» права для религиозных меньшинств, *права осуществлять* свое вероисповедание, ибо такое право может основываться исключительно на истине вероисповедания:

«Если этого требуют обстоятельства, можно смириться с отклонениями от правила, когда эти отклонения могут

помочь избежать больших зол, но нельзя возводить их в законный статус, ибо не может быть такого права, которое противоречило бы вечным законам справедливости».¹¹

«Предоставляя *права* исключительно истинному и праведному, Церковь, однако, не осуждает терпимость, с которой государственные власти могут относиться к некоторым явлениям, противоречащим истине и справедливости, имея целью избежать большего зла либо достичь или сохранить большее благо».¹²

«Никакое государство, никакое содружество государств, вне зависимости от их отношения к религии, не могут предоставлять позитивное¹³ право или разрешение проповедовать или практически осуществлять то, что противоречит религиозной истине или моральному благу [...]. Другой, глубоко отличный вопрос состоит в следующем: может ли содружество государств в определенных обстоятельствах устанавливать норму, согласно которой свободное осуществление принятых в государстве, входящем в содружество, верования или религиозной практики разрешается вести на всей территории содружества, не встречая преград в виде законов или принудительных мер?»¹⁴ (и Папа отвечает утвердительно: да, «в некоторых обстоятельствах» такая норма может быть установлена).

Замечательно сформулировал эту доктрину о. Боше: «Мотивом провозглашения терпимости, — пишет он, — должно быть для законодателя стремление предоставить меньшинствам не право или моральную свободу осуществлять свое вероисповедание, но исключительно право не

¹¹ *Пий IX*. Послание «*Dum civilis societas*» к Шарлю Перрену от 1 февраля 1875 г.

¹² *Лев XIII*. Энциклика «*Libertas*». Ст. 219.

¹³ Иными словами, *утвердительное*.

¹⁴ *Пий XII*. Обращение к юристам «*Ci riesce*» от 6 декабря 1953 г.

встречать в этом осуществлении преград. Нельзя иметь права поступать дурно, но можно иметь право не встречать преград в дурных поступках, когда закон, будучи верен справедливости, на достаточных основаниях запрещает чинить подобные преграды».¹⁵

Но автор не забывает добавить: одно дело — гарантируемое законом в определенных обстоятельствах и в целях общего блага той или иной нации *гражданское право терпимости*, и другое дело — *мнимо естественное и неотъемлемое право терпимости* ко всем приверженцам всех религий — то есть в принципе и в любых обстоятельствах!

В самом деле, хотя оправдывающие гражданское право терпимости обстоятельства складываются в наши дни все чаще, оно тем не менее должно строго соблюдать границы этих обстоятельств:

«Терпимость ко злу, являющаяся одним из принципов осмотрительной политики, — пишет Лев XIII, — должна тщательно удерживаться в пределах своей цели, каковая есть общественное спасение. Поэтому если она вредит общественному спасению или становится для государства причиной некоего большего зла, то прибегать к ней непозволительно, ибо в таких обстоятельствах для нее отсутствует благое основание».¹⁶

Таким образом, II Ватиканскому Собору было бы нелегко провозгласить естественное и универсальное право терпимости, опираясь на документы прежних авторитетов Церкви. Впрочем, он последовательно избегал слова «терпимость», слишком «негативного» для поставленных пе-

¹⁵ ДТС. Т. IX, col. 701 (статья «Свобода»).

¹⁶ Лев XIII. Энциклика «Libertas». Ст. 221.

ред ним целей, так как то, что терпят, всегда является злом. Для Собора же важным было подчеркнуть позитивные ценности всех религий.¹⁷

Религиозная свобода — естественное право неприкосновенности?

Не обращаясь к терпимости, Собор избрал в качестве опоры простое естественное право неприкосновенности: право не встречать преград в осуществлении своего вероисповедания, каким бы они ни было.

Хитрость или во всяком случае коварный прием был очевиден: не имея возможности обосновать право *осуществления* любого вероисповедания, поскольку для ложных культов такого права не существует, либералы взялись сформулировать естественное право *неприкосновенности*, действующее для всех приверженцев какой угодно веры. Согласно этому праву, все «религиозные группы» (за этим стыдливым выражением скрывается вавилонский хаос религий) от природы наделены *защитой от всякого принуждения* в «публичном поклонении верховному Божеству» (только что же это за Божество?), а также «правом открыто, устно и письменно проповедовать и выражать свою веру (какую веру?), не встречая преград» («*Dignitatis humanae*», статья 4).

Можно ли представить себе более грубое смещение понятий? Все приверженцы всех религий — истинной веры и ложных культов — безоговорочно ставятся на одну правовую ступень, пользуются одним и тем же естествен-

¹⁷ Свое мнение по поводу этих ценностей я высказал в главе XXVI и сейчас не буду к ним возвращаться.

ным правом под предлогом того, что это всего-навсего «право неприкосновенности»! Мыслимо ли такое?

Вполне очевидно, что сами по себе, единственно на основании своей ложной религии, приверженцы таковой не могут пользоваться никаким правом неприкосновенности. Позвольте мне проиллюстрировать эту истину конкретным примером. Если бы у вас возникло желание помешать публичной молитве мусульман на улице или даже прскратить их собрания в мечети, вы, возможно, согрешили бы против милосердия и наверняка — против благоразумия, но не причинили бы этим верующим *никакой несправедливости*. Они не были бы ущемлены ни в каком из благ, на которые имеют право, и ни в одном из прав на эти блага:¹⁸ ни в каком из благ, ибо их истинное благо заключается не в беспрепятственном осуществлении своего ложного вероисповедания, но в способности однажды приобщиться к истинной вере; и ни в одном из прав, поскольку они имеют право — будем внимательны — на «частное и публичное почитание Бога»¹⁹ и на то, чтобы не встречать в этом преград; но почитание Аллаха — это не почитание Бога! Ведь Бог дал нам в откровении наказ о том почитании, которого только он и ожидает от нас, — то есть, о католической религии.²⁰

Если, таким образом, мы ни в чем, согласно естественной справедливости, не ущемляем этих верующих, пре-

¹⁸ Об этом различие говорил Пий XII в связи с проблемой изъятия органов из тел умерших. Ср. его обращение к специалистам по хирургии глаза от 14 мая 1956 г.

¹⁹ *Пий XII*. Рождественское обращение по радио от 24 декабря 1941 г. Ст. 804.

²⁰ Это краткое разъяснение позволило мне избежать обращения к более сложным понятиям объективного и субъективного, конкретно-и абстрактного прав.

пятствуя их вероисповеданию, то причина этого в том, что *никакого естественного права на то, чтобы не встречать преград* в осуществлении своей веры, у них нет.

*

В качестве возражения мне скажут, что я рассуждаю с «негативных» позиций, не принимая в расчет позитивные ценности ложных религий. На подобное возражение я ответил, говоря выше о «поиске».²¹ Тогда мне укажут на то, что в смысле фундаментальной устремленности душ к Богу приверженцы ложных религий праведны и что это их качество нужно уважать, равно как и саму их религию. Я-де не могу выступить против ложной религии, не причинив вреда этим душам, не поставив под удар их устремленность к Богу. Иными словами, хотя с точки зрения их религиозного заблуждения эти души не имеют права осуществлять свою веру в силу того, что они, я бы сказал, «подключены к Богу», у них есть право на неприкосновенность в этом осуществлении. Каждый человек, следовательно, имеет *естественное право на гражданскую неприкосновенность* в религиозной области.

Примем на время эту так называемую естественную устремленность всякой души к Богу вне зависимости от исповедуемой ею веры. Все равно непонятно, почему обязанность уважать эту веру по данной причине относится к сфере естественной справедливости. Куда скорее, мне кажется, речь идет о простом *долге милосердия!* Если это так, то долг милосердия вовсе не дает приверженцам ложных религий никакого естественного права неприкосновенности, но побуждает государственные власти предоста-

²¹ Ср. главу XXIV.

вить им гражданское право неприкосновенности. Между тем собор совершенно голословно провозглашает *естественное право гражданской неприкосновенности* для каждого человека. По-моему же осуществление ложных религий не выходит за пределы простого *гражданского права неприкосновенности*, совсем другого права!

Следует различать, с одной стороны, добродетель *справедливости*, которая, назначая одним людям обязанности, дает другим людям соответствующие права, то есть возможность требовать, — и, с другой стороны, добродетель *милосердия*, которая тоже предписывает одним людям обязанности, однако не дает при этом никаких прав другим.

*Естественная устремленность
каждого человека к Богу?*

В декларации «*Dignitatis humanae*» (статьи 2—3) говорится, помимо врожденного достоинства человеческой личности, о ее естественном стремлении к божественному: каждый человек в осуществлении своей веры, какой бы она ни была, на самом деле якобы обращен к истинному Богу, ищет, пусть и бессознательно, истинного Бога, «подключен к Богу», если угодно, и потому имеет естественное право на уважение к своему вероисповеданию.

Выходит, если буддист молится идолу Будды и совершает, согласно католической теологии, акт идолопоклонства, то в свете новой доктрины, установленной II Ватиканским Собором, он выражает тем самым «возвышенное стремление человека к поиску Бога».²² И, следовательно, этот религиозный акт имеет право на уважение, а чело-

²² Иоанн Павел II. Публичное выступление от 22 октября 1986.

век — право на то, чтобы не встречать преград в его совершении, право религиозной свободы.

Отметим сразу, что в утверждении, будто все приверженцы ложных вероисповеданий *сами по себе, естественно* устремлены к Богу, заключено очевидное противоречие. Религия, основанная на заблуждении, сама по себе может лишь отвратить души от Бога, ибо она увлекает их на путь, который сам по себе к Богу не ведет.

Можно согласиться с тем, что могут быть устремлены к Богу некоторые приверженцы ложных вероисповеданий — но исключительно потому, что они не доверяются заблуждениям своей религии! Они устремлены к Богу не *через* свою религию, но *вопреки* ей! Следовательно, уважение, которого заслуживают эти души, не означает необходимости уважать их религию.

Так или иначе, имена и число тех, кого Бог удостоивает устремленностью к Нему посредством своей благодати, сокровенны и несведомы нам. Наверняка число этих избранных невелико. Один священник из многорелигиозной страны как-то посвятил меня в свой опыт общения с представителями еретических сект; он рассказал мне о том, как с удивлением выяснил, насколько эти люди обычно привязаны к своим заблуждениям, не предрасположены внимать замечаниям, которые может сделать им католик, не восприимчивы к Духу Истины...

Число душ, действительно устремленных к Богу, среди приверженцев других религий остается, таким образом, тайной Бога, недоступной человеческому знанию, и не может служить основой для естественного или гражданского права. В противном случае мы возводили бы юридический порядок общества на фундаменте случайных или даже

произвольных предпосылок — то есть в конечном счете основывали бы общественное устройство на субъективности отдельно взятого человека — строили бы замок на песке...

Добавлю к этому, что по своему достаточно продолжительному опыту общения с африканскими религиями (анимизм, ислам) — хотя то же самое, на мой взгляд, относится и к религии Индии (индуизму), — я могу утверждать: у их приверженцев обнаруживаются прискорбные последствия первородного греха, выражающиеся прежде всего в духовной слепоте и суеверном страхе. С учетом этого признавать вслед за II Ватиканским Собором существование естественной и непосредственной устремленности всех людей к Богу означает резко расходиться с действительностью и впадать в чистейшую ересь натурализма. Только Бог может избавить нас от субъективистской и натуралистской ересей! Они — недвусмысленное свидетельство либерализма, которым пронизана религиозная свобода II Ватиканского Собора, но их неизбежным следствием является общественный хаос, Вавилон религий!

Евангельское добросердечие

Однако божественное откровение, — уверяет Собор, — «показывает, с каким уважением относился Христос к свободе человека в исполнении его долга веры в слово Божие» («Dignitatis humanae», статья 9); с «добросердечием и скромностью» Иисус советует «оставить и плевелы расти до жатвы», «не преломляя надломленной трости и не угашая курящегося льна» («Dignitatis humanae», статья 11; ср. Мат. 13, 30; Ис. 42, 3).

Вот мой ответ. Когда Господь советует оставить плевелы расти, он не предоставляет им права не быть вырван-

ными, но наставляет тем самым жнецов, чтобы те «не выдергали вместе с плевелами пшеницы». Это урок *осторожности*: иногда лучше не возбуждать ярости верующих зрелищем притеснения неверующих; иногда не нужно проявлять нетерпимости, ибо она может вызвать гражданскую войну. Не преломляя же надломленной трости и наказывая апостолам следовать этой максиме как пастырскому закону, Иисус проявляет *милосердие* к отклонившимся, заботится о том, чтобы не отвратить их от истины еще сильнее, чего можно не избежать, принимая против их вероисповеданий принудительные меры. Разумеется, иногда Церковь и католические государства должны проявлять осторожность и милосердие по отношению к приверженцам ложных религий, но сам по себе этот долг не предоставляет им, этим приверженцам, никакого права! Не соблюдая различия между добродетелями справедливости (наделяющей правами), осторожности и милосердия (которые сами по себе определяют исключительно обязанности), II Ватиканский Собор вверяется заблуждению. Представлять милосердие как справедливость означает подрывать общественный порядок и государственную политику.

Даже если, не считаясь с невозможностью этого, считать, что Наш Господь дает-таки плевелам право «не быть вырванными», все равно это право остается всецело *зависимым* от мотивирующих его частных причин и ни в коем случае не может быть естественным и неотъемлемым правом! «Когда ничто не вселяет опасения вырвать [вместе с плевелами] пшеницу, — пишет святой Августин, — будем же соблюдать строгую дисциплину»,²³ то есть не станем терпеть отправления ложных вероисповеданий! И святой Иоанн Хризостом, отнюдь не будучи сторонником притес-

²³ *Saint Augustin. Contra epist. Parmeniani*, 3, 2; цит. святым Фомой: *Saint Thomas. Catena aurea // Matthaeum*, XIII, 29—30.

нения меньшинств, не исключает при этом сдерживания их культов: «Кто знает, — пишет он, — не претворится ли некоторая часть этих плевел в пшеницу? Вырвав их немедленно, вы нанесете вред будущему урожаю, вырвав также и те плевелы, которые могут измениться и стать лучше. Он [Господь], без всякого сомнения, не запрещает обуздывать еретиков, принуждать их к молчанию, лишать их свободы слова, разгонять их собрания, не признавать их клятв; Он запрещает лишь проливать их кровь и лишать их жизни».²⁴ Авторитет двух этих Отцов Церкви кажется мне достаточным, чтобы опровергнуть ошибочное истолкование евангельского добросердечия, данное собором. Разумеется, Господь Наш не проповедовал зверств, но это не означает, что его можно представлять апостолом либеральной вседозволенности!

Свобода проявления веры

Наконец, в соборной декларации говорится о свободе проявления веры («*Dignitatis humanae*», статья 10), которая обосновывается двумя аргументами. Вот первый из них: ограничивать по религиозным причинам осуществление какой-либо религии означает косвенно принуждать ее приверженцев к обращению в католицизм. Однако проявление веры должно быть свободным от всякого принуждения: «Да не будет никто принуждаем к принятию католической веры вопреки его воле» (ср. Кодекс канонического права 1917 года, канон 1351).

Отвечу на это, опираясь на здравую духовную теологию, что такое принуждение законно в соответствии с нормами косвенной добровольности. Ведь его прямой целью

²⁴ 46 проповедь о св. Матфее, цит. святым Фомой: *Ibid.* Вопрос об умерщвлении еретиков не относится к нашей теме.

является ограничение раскольниковской религии, каковое есть благо,²⁵ и только *косвенным* и отдаленным следствием — побуждение некоторых нескатоликов к обращению, опасное тем, что кто-то из них обратится скорее из страха, уступая давлению общества, нежели по собственному убеждению: хотя сама по себе эта издержка нежелательна, она допустима в тех случаях, когда мотив достаточно уважителен.

Второй аргумент в пользу свободы проявления веры куда существеннее и требует более продолжительного разъяснения. Он основывается на *либеральной концепции проявления веры*. Согласно католической доктрине,²⁶ вера есть согласие, повиновение умозрения *авторитету Бога*, каковой открывается в ответ на побуждение *свободной* воли, движимый благодатью. С одной стороны, проявление веры должно быть свободным, то есть не подчиняться никакому внешнему принуждению, целью или прямым следствием которого является вымогательство этого проявления вопреки воле субъекта.²⁷ Но, с другой стороны, поскольку проявление веры есть повиновение божественному авторитету, никакая власть и никакая третья сторона не имеет права препятствовать благотворному приобщению к Высшей Истине, обладающей неотъемлемым правом просвещать умозрение верующего. Из этого следует, что верующий имеет право на религиозную свободу: никто не вправе принуждать его и никто не вправе препятствовать ему в приобщении к божественному откровению и в совершении соответствующих внешних проявлений почитания Бога.

²⁵ Благо для католической религии, но вместе с тем — если оно поддерживается религиозным единодушием населения — и всеобщее благо для граждан.

²⁶ Ср. догматическую конституцию «*Dei Filius*» I Ватиканского Собора. Dz 1789, 1810; Saint Thomas II; II, q2, a9; q4, a2.

²⁷ Ср. выше.

Однако, забыв об объективном, всецело божественном и сверхъестественном характере проявления божественной веры, либералы и вслед за ними модернисты представляют веру как выражение *субъективного убеждения* человека,²⁸ который приходит к нсму в итоге личного поиска²⁹ ответов на глубочайшие вопросы, поднимаемые перед ним вселенной.³⁰ Дар внешнего божественного откровения, преподнесение этого откровения Церковью уступают место творческому изобретению субъекта или, как минимум, его решению пойти навстречу откровению...³¹ Если это так, то божественная свобода низводится в ранг религиозных представлений нехристиан, которые преподносятся как подразумевающие божественную веру, хотя на самом деле являются лишь человеческими убеждениями: мотивом их приобщения к своему верованию является не божественный авторитет, являющий себя в откровении, но свободное суждение их разума. И в этом заключена глубокая непоследовательность либералов: за проявлением чисто человеческого убеждения они требуют сохранить тот неотъемлемый и свободный от всякого принуждения характер, что свойствен исключительно проявлению божественной веры! Они уверяют, что приверженцы других религий, проявляя свои религиозные убеждения, общаются с Богом и что это их общение должно быть свободным от всякого принуждения, которое могло бы на него посягнуть. «Все *религиозные веры* заслуживают уважения и неприкосновенности», — утверждают либералы.

²⁸ Ср. энциклику святого Пия X «Pascendi». Ст. 8; Dz 2075.

²⁹ «Dignitatis humanae». Статья 3.

³⁰ «Nostra aetate». Статья 2.

³¹ Отец Пьер-Режинальд Крен бесстыдно противопоставляет католическому понятию веры свою персоналистскую концепцию откровения: «Откровение: диалог божественной свободы и человеческой свободы» — так назвал он свою статью, посвященную свободе проявления веры (см.: *Lumière et Vie*. N. 69; *La liberté religieuse*. P. 39).

И эти утверждения совершенно ложны, ибо приверженцы других религий приобщаются посредством их религиозных убеждений исключительно к измышлениям своего собственного разума — к продуктам человеческой мысли, которые не содержат ничего божественного ни в себе самих, ни в своей причине, ни в своем объекте, ни в мотиве приобщения к ним.

Это не означает, что в их убеждениях нет ничего истинного или что они не могут нести на себе следы первоначального или позднейшего откровения. Но одного наличия этих *semina Verbi* недостаточно для того, чтобы убеждения стали проявлением божественной веры! Тем более что это сверхъестественное проявление, если бы Бог пожелал вызвать его посредством своей благодати, в большинстве случаев оказалось бы преграждено множеством заблуждений и суеверий, которым продолжают следовать эти люди.

Наперскор субъективизму и натурализму либералов мы должны сегодня встать на защиту объективного и сверхъестественного характера божественной веры, каковая есть христианская католическая вера. Только она имеет абсолютное и неотъемлемое право на уважение и религиозную свободу.

II

II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР И ВСЕЛЕНСКИЙ ГРАД

Подведем предварительный итог. Соборная декларация о религиозной свободе сразу выдает свою противоположность неизменной доктрине Церкви.³² Она выходит из

³² См. главу XXVII, часть I.

ряда фундаментальных прав, определенных Папами недавнего прошлого.³³ Кроме того, как мы только что убедились, она не покоится ни на каком основании, разумном или же данном в откровении. Остается выяснить, согласуется ли она с католическими принципами взаимоотношений мирского града и религии.

Пределы религиозной свободы

II Ватиканский Собор спешит оговорить, что религиозная свобода должна существовать «в разумных пределах» («*Dignitatis humanae*», статья 1), «согласно юридическим нормам [...], сообразным объективному нравственному порядку и призванных действительно охранять права всех [...], подлинное общественное спокойствие [...] и соблюдение общественной нравственности» («*Dignitatis humanae*», статья 7). Все это вполне разумно, однако за скобками остается главный вопрос: разве государство не имеет обязанности и, следовательно, права охранять религиозное единство своих граждан в рамках истинной религии, ограждая души католиков от оскорбления насаждением религиозных заблуждений и с этой целью ограничивая практику ложных религий, а при необходимости и запрещающая ее?

Именно таков постулат церковной доктрины, как нельзя тверже выраженный Папой Пием IX в энциклике «*Quanta Cura*», в которой понтифик осуждает мнение тех, кто «вопреки доктрине Священного Писания, Церкви и Святых Отцов без колебаний утверждает, что „наилучшим условием для жизни общества является непризнание властью обязанности налагать законные кары на преступников ка-

³³ См. главу XXVII, часть II.

толической религии, если только этого не требует поддержание общественного спокойствия»³⁴. Под выражением «преступники католической религии» прямо имеются в виду те, кто публично исповедует культ, отличный от католического, или открыто не соблюдает законы Церкви. Таким образом, Пий IX учит тому, что наилучшим является такое государственное правление, при котором государство признает свою обязанность пресекать публичное исповедание ложных религий на том единственном основании, что они ложные, а не только ради поддержания общественного спокойствия; по той единственной причине, что они противоречат христианскому и католическому порядку града, а не только потому, что от них страдают покой и нравственность общества.

Поэтому мы должны сказать, что оговоренные собором «пределы» религиозной свободы — не что иное, как прикрытие, маскирующее радикальный изъян декларации «*Dignitatis humanae*», состоящий в том, что она не учитывает различия истины и заблуждения! Против всякой справедливости она уравнивает в правах истинную религию и ложные культы, а затем пытается искусственно преуменьшить ущерб от этого ничтожными с точки зрения требований католической доктрины преградами. Я бы сравнил эти «пределы» религиозной свободы с барьерами безопасности на автомобильных трассах, призванными удержать от падения машины, водители которых потеряли над ними контроль. Только в первую очередь стоило бы убедиться в том, что они хотят соблюдать правила дорожного движения!

³⁴ Пий IX. Энциклика «*Quanta Cura*». Ст. 39; Dz 1690.

Подмена понятия общего блага

Обратимся теперь к рассмотрению наиболее фундаментальных пороков религиозной свободы. Аргументация Собора покоится, по существу, на ложной персоналистской концепции общего блага, сводящегося к сумме частных интересов или, как принято говорить, к уважению прав отдельных личностей. Принижается тем самым значение общего дела, направленного к вящей славе Божьей и к всеобщему благу. К принятию этой односторонней и, следовательно, ложной точки зрения склоняется уже Иоанн XXIII в энциклике «*Pacem in terris*»:

«Для современной мысли, — пишет он, — общее благо заключается главным образом в защите прав и обязанностей человеческой личности».³⁵

Пий XII, понтификат которого пришелся на подъем тоталитарных режимов современности, вполне обоснованно противопоставлял им фундаментальные права человеческой личности,³⁶ но это не означает, что католическая доктрина ими ограничивается. Так или иначе, сужение истины в персоналистском смысле вывело на передний план безоглядный индивидуализм, который либералам затем удалось привить Церкви. Как подчеркивали Шарль де Конинк («О примате общего блага вопреки учению персоналистов») и Жан Мадиран («Принцип целостности»), подлинная борьба против тоталитаризма заключается не в прославлении индивида, но в указании на то, что истинное общественное благо позитивно, хотя и косвенно определяется благом града Божьего в миру и на Небесах. Не будем

³⁵ Иоанн XXIII. Энциклика «*Pacem in terris*» от 11 апреля 1961 г.

³⁶ Ср. прежде всего его рождественское обращение по радио в канун 1942 г.

же соучастниками предпринимасмой персоналистами секуляризации права!

Говоря в современных и конкретных терминах, прежде чем выяснять, не слишком ли закон ограничивает права мусульман, кришнаитов, последователей Муна, государство (я имею в виду только христианские страны) должно встать на защиту христианской души своей страны, важнейшей составляющей общего блага христианской нации. Вопрос акцентов! — возразят мне. — Нет! Фундаментальный вопрос: является ли новая глобальная концепция вселенского града католической по своей сути?

Упадок публичного права Церкви

Худшее, с моей точки зрения, в религиозной свободе II Ватиканского Собора — это ее последствия: упадок публичного права Церкви, гибель земного царства Господа Нашего Иисуса Христа и, наконец, религиозный индифферентизм индивидов. Согласно Собору, в отдельных случаях Церковь по-прежнему может пользоваться особым покровительством государства, однако она уже не имеет естественного и первостепенного *права* на это покровительство — даже в стране с подавляющим католическим большинством: с *принципом* конфессионального католического государства, который еще недавно оставался счастливым достоянием католических стран, покончено. Естественным приложением принятых Собором документов стало упразднение католических государств, их лаицизация в соответствии с принципами Собора и, собственно, с чаяниями Ватикана. Все эти католические нации (Испания, Колумбия и т. д.) оказались преданы во исполнение соборных решений самим Святым Престолом! Отделение Церкви от государства превознесли как «идеальное

государственное устройство» кардинал Казароли и Иоанн Павел II во время реформы итальянского конкордата!

Церковь отныне в принципе низведена к общим правам, которые государство признает за всеми религиями. В результате неслыханного кощунства она оказалась в одном ряду с сресью, изменой и идолопоклонством. Ее публичное право подверглось радикальному отрицанию.

Ни в государственной доктрине, ни на практике не осталось никаких следов от тех взаимоотношений светского общества с Церковью и другими религиями, которые можно было бы определить как признание истинной религии в сочетании с допустимой в некоторых случаях и ограниченной терпимостью к другим вероисповеданиям. Так, статья 6 «Fuero de los espanoles», основополагающей хартии прав и обязанностей испанского гражданина, до II Ватиканского Собора мудро провозглашала:

«Исповедание и отправление католической религии, являющейся религией Испанского государства, будут пользоваться официальной защитой. — Никто не будет преследоваться ни за свои религиозные верования, ни за частное осуществление своей веры. — Открытые церемонии и службы других религий, помимо государственной, являются непозволительными».³⁷

Эта достаточно строгая не-терпимость к религиям-меньшинствам более чем оправданна: с одной стороны, она предписывается государству его *cura religionis*, то есть долгом защиты Церкви и веры ее членов; с другой стороны, религиозное единодушие граждан в истинной вере является драгоценным и ни с чем не сравнимым благом, которое следует охранять любой ценой ради того самого об-

³⁷ Цит. кардиналом Оттавиани в его книге: *Le cardinal Ottaviani. L'Eglise et la Cité*. Imp. Polyglotte vaticane, 1963. P. 275.

щего блага католической страны. В подготовительной версии соборного документа об отношениях между Церковью и государством, составленной кардиналом Оттавиани, говорилось именно об этом. В нем просто излагалось мнение по этому вопросу католической доктрины — доктрины, которая в католическом государстве должна применяться целиком и полностью:

«Подобно тому как светская власть считает себя вправе охранять общественную нравственность, она, дабы защитить своих граждан от соблазнов заблуждения и дабы поддерживать в граде единство веры, каковое является высшим благом и источником великой, хотя и временной, пользы, может собственными силами регулировать и умерять публичное осуществление других религий и защищать своих граждан от насаждения ложных доктрин, которые, по мнению Церкви, угрожают делу их вечного спасения».³⁸

*Сознательные подмены свидетельствуют
о скрытом отступничестве!*

«Fuero de los espanoles» допускает, как мы видели, *частное* осуществление ложных вероисповеданий, но не допускает их *публичной* практики. Это классическое различие как раз и не было проведено в декларации «Dignitatis humanae». Собор определил религиозную свободу как право, свойственное в религиозной области человеку «как в частной, так и в общественной сферах, одному или в сообществе с другими» («Dignitatis humanae», статья 2). Этот отказ от каких бы то ни было различий обоснован следующим образом: «Общественная природа человека сама по себе предполагает *внешнее* выражение им внутренних проявлений религии, его общение с другими людьми в религи-

³⁸ Полный текст этого подготовительного документа помещен в приложении к настоящей книге.

озной области, исповедание им своей религии *в общинной форме*» («*Dignitatis humanas*», статья 3).

Спору нет, *религия* есть совокупность не только внутренних действий, совершаемых в душе (благочестие, молитва), но и действий внешних (поклонение, жертвование), не только частных (семейная молитва), но и общественных (религиозные службы в культовых зданиях — церквах: процессии, паломничества и т. д.). Но суть дела заключена не в этом. Вопрос в том, о какой религии идет речь — об истинной или же о ложной религии. Истинная религия имеет право осуществлять все эти действия «с благоразумной свободой», как выразился Лев XIII,³⁹ то есть в границах общественного порядка, не допуская злоупотреблений.

Действия же ложных религий подлежат тщательному разбору. Сугубо внутренние действия по самой своей природе не подлежат человеческой власти.⁴⁰ *Внешние частные* действия, напротив, должны в некоторых случаях — если они нарушают католический порядок — регулироваться католическим государством: например, это относится к домашним молитвенным собраниям нескатоликов. *Общественные* же религиозные действия как таковые принадлежат к ведению законов, которые при необходимости могут и запрещать ложным религиям всякую публичную деятельность. Однако мог ли Собор учесть эти различия, заведомо отказавшись различать истинную и ложные религии, равно как и разграничивать католическое государство, не католическое конфессиональное государство, коммунистическое, плюралистическое государства и т. д.? В том варианте документа, который подготовил кардинал Оттавиани,

³⁹ Лев XIII. Энциклика «*Libertas*». Ст. 207.

⁴⁰ Исключая власть Церкви над ее подданными — власть, не являющуюся чисто человеческой.

эти обязательные уточнения были тщательно соблюдены. Но II Ватиканский Собор — и это недвусмысленно свидетельствует о суетности и безбожии его замысла — сознательно стремился провозгласить право, равное для всех «частных случаев», вне зависимости от истины! Именно этого требовали масоны. И в этом заключалась скрытая измена Истине, каковая есть Господь Наш Иисус Христос!

*Смерть земного царства Господа
Нашего Иисуса Христа*

Если же государство не признает своих обязанностей по отношению к истинной религии истинного Бога, то общее благо светского общества более не согласуется с благом небесного града блаженных, и Град Божий на земле, то есть Церковь, оказывается лишена возможности благотворно влиять на всю общественную жизнь! Хотим мы этого или нет, но общественная жизнь развивается отныне за пределами истины и божественного закона. Общество становится безбожным. А это и есть смерть земного царства Господа Нашего Иисуса Христа.

II Ватиканский Собор признал эту смерть, когда монсеньор Де Шмедт, представляя окончательный вариант декларации о религиозной свободе, трижды повторил: «Государство не может своим авторитетом судить об истине или ложности той или иной религии».⁴¹ Сколь чудовищно это заявление о том, что Наш Господь более не имеет права царствовать — царствовать единолично, насыщая все государственные законы законом Евангелия! А ведь Пий XII не раз осуждал подобный *юридический позитивизм*,⁴² со-

⁴¹ «Relatio de reemendatione scematis emendati» от 28 мая 1965.

⁴² *Пий XII*. Послание XIX Неделе итальянских католиков от 19 октября 1945 — AAS, 37, 224; обращение «*Con vivo compiacimento*» к суду города Роте от 13 ноября 1945. Ст. 1064, 1072.

гласно которому следует разделять юридический порядок и порядок нравственности, поскольку невозможно выразить в юридических терминах различие между истинной и ложными религиями! — Прочтите еще раз «Fuero de los espanoles»!

Хуже того, Собор совершил беспрецедентное святотатство, постановив, что государство, освобожденное от обязанностей перед Богом, должно отныне быть гарантом того, чтобы никакой религии «не чинилось препятствий в свободном осуществлении ее обрядов согласно своеобразию ее учения, что будет способствовать сплочению общества и оживлению человеческой деятельности» («Dignitatis humanae», статья 4). II Ватиканский Собор приглашает Нашего Господа принять участие в сплочении и оживлении общества вместе с Лютером, Магометом и Буддой! Сколь кощунственный и безбожный замысел!

В недалеком прошлом союз между Церковью и государством имел следствием вселенский град — совершенное воплощение земного царства Господа Нашего Иисуса Христа. Сегодня, после того как Церковь II Ватиканского Собора обручилась с безбожным по ее собственному замыслу государством, этот изменнический союз порождает плюралистическое общество, Вавилон религий, град безразличия, предмет масонских грез!

Царство религиозного индифферентизма

«У каждого своя религия!» — говорят многие. Или: «Католическая религия хороша для католиков, а мусульманская — для мусульман!» Таков девиз жителей града безразличия. Может ли быть иначе, если Церковь II Ватиканского Собора внушает им, что другие религии «не лишены своих значения и ценности в таинстве спа-

сения»?⁴³ Как они могут иначе относиться к другим религиям, если государство предоставляет всем религиям равную свободу? Религиозная свобода с неизбежностью порождает индифферентизм индивидов — и уже Пий IX осуждал в своем «Силлабусе» (под номером 79) следующее положение:

«Неверно, что гражданская свобода всех вероисповеданий и предоставленная всем неограниченная возможность открытого и публичного выражения любых своих мнений способствуют нравственному и духовному развращению народов и распространяют чуму индифферентизма».

Между тем именно это и происходит сейчас: после провозглашения декларации о религиозной свободе подавляющее большинство католиков убеждено в том, что «люди могут найти путь вечного спасения и спастись, исповедуя любую религию» (положение 17 того же «Силлабуса»). План масонов исполнился и в этом пункте; при поддержке Собора католической Церкви они добились «официального признания великого заблуждения наших дней, заключающегося в [...] равноправии всех религиозных форм».⁴⁴

Понимали ли эти соборные Отцы, которые проголосовали за «*Dignitatis humanae*» и провозгласили вместе с Павлом VI религиозную свободу, что тем самым они прокляли Господа Нашего Иисуса Христа, сорвав с него корону земного царства? Отдавали ли они себе отчет в том, что свергли Господа Нашего Иисуса Христа с престола его божественности? Понимали ли они, наконец, что, подобно отступническим государствам древности, осыпали его пре-

⁴³ Декрет об экуменизме «*Unitatis redintegratio*». Статья 3.

⁴⁴ *Лев XIII*. Энциклика «*Humanum Genus*» о масонстве от 20 апреля 1884.

стол омерзительными святотатствами: «Не хотим, чтоб он царствовал над нами» (Лук. 19, 14); «Нет у нас царя кроме кесаря» (Иоанн. 19, 15)?

Но Он, лишь удивившись неразборчивому шуму, что исходил от этого собрания безумцев, отвратил от них свой Дух.

Глава XXIX

ПАЦИФИСТСКИЙ СОБОР

Диалог и свободный поиск — эти лозунги II Ватиканского Собора, о которых я говорил выше, — ярко свидетельствуют о его либеральном духе: Собор взялся установить новые методы апостольской деятельности среди нехристиан, отвергнув традиционные принципы миссионерства. В этом сказалось то, что я назвал характерным для либерального духа *отступничеством от принципов*. Однако овладевший Собором либерализм зашел гораздо дальше: он совершил измену, подписав мировое соглашение со всеми врагами Церкви. II Ватиканский Собор избрал своим принципом пацифизм.

Вспомните, как Иоанн XXIII, выступая на открытии Собора, сформулировал новую позицию, которую Церковь должна была, по его словам, занять отныне по отношению к угрожающим ее доктрине заблуждениям: сказав о том, что Церковь никогда не уклонялась от борьбы с заблуждениями и чаще всего выступала с их строжайшим осуждением, Папа, как сообщает нам Вильтген,¹ заявил, что в настоящий момент для нее важнее *целительная сила миро-*

¹ *Ralph Wiltgen. Le Rhin se jette dans le Tibre. P. 15.*

сердия, а не оружие строгости и что в сегодняшних обстоятельствах она считает более уместным как можно шире распространять силу своего учения, чем прибегать к осуждениям». И это были не просто прискорбные слова, к тому же выражавшие весьма туманную мысль, но целая программа, отразившая пацифизм II Ватиканского Собора.

Нам нужно, как говорилось на Соборе, жить в мире с масонами, коммунистами и протестантами. Нам нужно покончить с этими вечными войнами, с этой вечной враждебностью! То же самое говорил мне монсеньор Монтини, тогдашний заместитель в Государственной канцелярии Ватикана, когда в 1950-х годах, во время одного из моих приездов в Рим я сказал ему о необходимости осудить «моральное перевооружение». Он ответил мне: «Не нужно без конца осуждать и осуждать! Церковь рискует показаться бессердечной мачехой!» Именно такое выражение употребил монсеньор Монтини — не кто иной, как заместитель Папы Пия XII. Я и сейчас слышу эти его слова! Не нужно осуждений, не нужно анафем! Да мыслимо ли такое?

Тройственный альянс

«*Масоны, чего вы хотите? Чего вы ждете от нас?*» — с таким вопросом кардинал Би обратился к Бнай-Брит перед открытием Собора (об этой встрече сообщали все газеты Нью-Йорка — места ее проведения). И масоны сказали кардиналу, что они хотят «религиозной свободы», то есть равноправия всех религий. Не нужно, чтобы Церковь оставалась единственной истинной религией, единственным путем к спасению и единственной признанной государством верой. Покончим с этими необоснованными привилегиями и провозгласим религиозную свободу. — И она была провозглашена в «*Dignitatis humanae*».

«Протестанты, чего вы хотите? Что нужно, чтобы вас успокоить, чтобы мы могли молиться вместе?» — Ответ был таков: *«Измените ваш культ, устранили из него то, с чем мы не можем согласиться!»* — Хорошо. — сказали им. — Мы даже пригласим вас к сотрудничеству в подготовке реформы богослужения. Вы выдвинете свои пожелания, и мы согласуем наше богослужение с вами! — Так и случилось: богослужебная конституция *«Sacrosanctum concilium»*, первый документ, принятый II Ватиканским Собором, содержала обоснование и подробную программу этой подгонки богослужения к требованиям протестантов.² За нсю последовал утвержденный Павлом VI в 1969 году *«Novus Ordo Missae»* — новый порядок богослужения.

«Коммунисты, чего вы хотите?» — «Чтобы на Собор были любезно приглашены некоторые представители Русской православной церкви — эмиссары КГБ!» Московский патриархат в свою очередь выдвинул условие: *«Не осуждайте на Соборе коммунизм, не говорите о нем!»* (я бы добавил: *«А главное, не пытайтесь приобщить Россию к Непорочному Сердцу Марии!»*). И кроме того, *«заявите о своей открытости и готовности к диалогу с нами»*. — И согласие³ было достигнуто, измена состоялась: *«Хорошо, мы не станем осуждать коммунизм»*. — Это было неукоснительно исполнено: я сам, вместе с монсеньором де Пруэнса Сигауд, подал Секретарю Собора монсеньору Феличи обращение, подписанное 450 его делегатами, с требованием осудить наиболее отвратительную форму рабства во всей человеческой истории, какую является коммунизм. Спустя

² Принципы богослужебной реформы сформулированы в нем недвусмысленно и вместе с тем так, чтобы пройти незамеченными для непосвященных.

³ Между кардиналом Тиссераном, уполномоченным Папы Иоанна XXIII, и митрополитом Никодимом, в Меце в 1962 г. (ср.: *Itinéraires*. Avril 1963, février 1964, juillet-août 1984).

некоторое время, поскольку ничего не происходило, я осведомился о судьбе нашего обращения. Его долго искали и в конце концов с ошеломляющим бесстыдством сказали мне: «Видите ли, ваше обращение затерялось среди бумаг...».⁴ И коммунизм не был осужден — а точнее, Собор, который поставил перед собой задачу очертить «меты времени», был принужден Москвой к молчанию о самой односторонней и чудовищной из этих мет!

Нет сомнения в том, что на II Ватиканском Соборе имел место сговор с врагами Церкви, продиктованный желанием покончить с враждебностью к ним. Но ведь это сговор с дьяволом!

Обмирщение Церкви

Пацифистский дух Собора был, как мне кажется, превосходно выражен самим Папой Павлом VI в его выступлении на последнем общем заседании, состоявшемся 7 декабря 1965 года. Церковь и современный человек, Церковь и мир — вот темы, затронутые Собором с новой точки зрения, которую Павел VI сформулировал как нельзя точнее:

«На II Ватиканском Соборе Церковь действительно не ограничилась размышлениями о своей собственной сущности и об отношениях, связывающих ее с Богом; значительное внимание было уделено человеку — реальному человеку, каким он предстает в нашу эпоху: человеку живому, всецело занятому собой и не просто считающему себя центром, вокруг которого сосредоточены все предметы его интересов, но дерзающему видеть в себе начало и первопричину всякой реальности [...]».

⁴ *Ralph Wiltgen. Le Rhin se jette dans le Tibre. P. 269—274.*

Далее следует длинное перечисление терзаний человека без Бога и его мнимых завоеваний, заканчивающееся следующим:

«...человек грешный и человек святой — и так далее».

Я спрашиваю себя: почему же все-таки *человек святой* завершает эту череду мерзостей? Тем более что Павел VI обобщенно характеризует все перечисляемое им как *мирской и суетный гуманизм*:

«Мирской и суетный гуманизм наконец заявил о себе в полный голос и в некотором смысле бросил вызов Собору. Религия Бога, который стал человеком, сошлась лицом к лицу с религией (ибо это именно религия) человека, который стремится стать Богом. Что произошло между ними? Столкновение, состязание, взаимное проклятие? Это могло произойти, но этого не случилось. Древний рассказ о самаритянине стал образцом духовной направленности Собора. Он весь от начала и до конца прошел под знаком безграничного сочувствия. Внимание нашего собрания было целиком отдано потребностям людей (а эти потребности тем больше, чем выше возносится глава сына мира сего). Признайте же это достоинство, гуманисты современности, и постарайтесь признать наш новый гуманизм: мы тоже, и мы, как никто другой, исповедуем культ человека».

Таково мягкое и лиричное, однако вместе с тем ясное и ужасающее выражение не духа, но *духовной направленности* Собора: «безграничное сочувствие» к мирскому человеку, к человеку без Бога! Пусть бы еще целью его было пробудить этого падшего человека, открыть ему глаза на его смертельные раны, указать на путь облегчения страданий, исцелить его и привести в лоно Церкви, дабы вновь подчинить его Богу... Но нет! Целью было провозгласить мирянам: как видите, Церковь тоже исповедует культ человека.

Я без малейших колебаний утверждаю, что II Ватиканский Собор осуществил обмирщение Церкви. И оставляю вам решать, кто был вдохновителем этой духовной направленности: вспомните лишь, кого Господь Наш Иисус Христос называет Владыкой мира сего.

Глава XXX

II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР — ТРИУМФ «КАТОЛИЧЕСКОГО» ЛИБЕРАЛИЗМА

Не думаю, что вы сочтете мои слова преувеличением, если я скажу, что Собор стал триумфом либеральных идей, ибо предшествующие беседы в достаточной мере посвятили вас в происшедшее — я имею в виду либеральные тенденции, тактику и успех либералов на Соборе и, наконец, их сговор с врагами Церкви.

Впрочем, и сами либералы, либеральные католики, открыто называют II Ватиканский Собор своей победой. В беседе с Витторио Мессори кардинал Ратцингер, во время Собора бывший одним из его либерально настроенных «экспертов», объясняет, как была поставлена и разрешена проблема принятия либеральных принципов католической Церковью; он не говорит, что это привело к выдающемуся успеху, но признает это принятие состоявшимся, осуществленным:

«Проблема 1960-х годов заключалась в том, чтобы принять наилучшие ценности из числа тех, которые выработала за последние двести лет „либеральная” культура. Хотя эти ценности возникли за пределами Церкви, они могут найти

свое место — будучи очищены и исправлены — в ее [Церкви] видении мира. Вот что было сделано».¹

Где это было сделано? — Разумеется, на Соборе, который утвердил либеральные принципы в документах «*Gaudium et spes*» и «*Dignitatis humanae*». — Как это было сделано? — Путем решения (обреченного на провал) неразрешимой задачи, квадратуры круга — обручения Церкви с принципами Великой Французской революции. Такова была цель, иллюзия либеральных католиков.

Кардинал Ратцингер не превозносит это предприятие и весьма строго оценивает его результаты:

«Но сейчас положение изменилось, оно значительно ухудшилось по сравнению с предшествующим периодом, который оправдывал, несомненно, наивный оптимизм. Сейчас нужно искать новое равновесие».²

Так, значит, спустя двадцать лет после собора равновесие не найдено! Однако его по-прежнему ищут: все та же неистребимая либеральная иллюзия!

Другие либеральные католики, между тем, не столь пессимистичны; они демонстративно празднуют победу: II Ватиканский Собор — это наш триумф, — заявляют они. Загляните, например, в книгу Марселя Прело, сенатора Дубса, по истории либерального католицизма.³ В качестве эпиграфа автор взял два высказывания — Павла VI и Ламенне, само сближение имен которых показательное. Вот что сказал Павел VI в обращении Собора к главам го-

¹ *Le cardinal Ratzinger. Entretien avec Vittorio Messori. Mensuel «Jesus»*. Novembre 1984. P. 72.

² *Ibid.*

³ Книга вышла в издательстве Armand Colin.

сударств от 8 декабря 1965 года (я уже цитировал этот текст):

«Чего же эта Церковь требует от вас после двух тысячелетий многообразных пороков, коими были отмечены ее взаимоотношения с вами, земными властителями? Чего она требует от вас сегодня? В одном из главных документов настоящего Собора она сказала вам: она требует от вас только свободы».

А вот что писал Ламенне в рекламном проспекте своей газеты «Грядущее»:

«Все друзья религии должны понимать, что она нуждается в одном-единственном — в свободе».

Как видите, для Ламенне и II Ватиканского Собора является общим либеральный принцип «единственно важной свободы»: никаких привилегий для истины, для Господа Нашего Иисуса Христа, для католической Церкви. Нет! Одна свобода для всех — для заблуждения и для истины, для Магомета и для Иисуса Христа. Разве это не credo чистейшего либерализма (лишь называемого католическим)?

Затем Марсель Прело напоминает историю этого либерализма до его триумфа на II Ватиканском Соборе:

«Католический либерализм [...] побеждает не впервые; он добился многого с выходом циркуляра Экштейна в 1814 году; он вновь заявил о себе с началом выпуска газеты „Грядущее“ осенью 1830-го; его победы время от времени нарушали привычный ход событий, пока обращение II Ватиканского Собора к главам государств не привело его к цели: его фундаментальные требования, одобренные и несколько смягченные, были приняты самим Собором. Поэтому сегодня католический либерализм можно рас-

смаковать в новом свете, преображенном вечностью. Он более не замутнен сопровождавшими его эволюцию недоразумениями, которые в отдельных случаях приводили к преждевременному крушению его планов; теперь очевидно, что на самом деле он был не чередой благонамеренных иллюзий, которые проповедовались бледными и мало-значительными фигурами, но своего рода воинствующей мыслью, которая за полтора века восторжествовала над умами и законами, чтобы затем получить окончательное признание той Церкви, которой либерализм столь удачно воспользовался и которая его столь часто осуждала».

Эти слова недвусмысленно подтверждают наш вывод: II Ватиканский Собор стал триумфом либерализма.

Еще одно такое подтверждение дает книга Ива Марсодона «Экуменизм с точки зрения масона-традиционалиста», написанная как раз во время Собора. Марсодон говорит со знанием дела:

«Однако им, христианам, следует помнить о том, что каждый путь ведет к Богу [...], и строго придерживаться того смелого принципа свободомыслия, который — и здесь можно говорить о революции, вышедшей из наших масонских лож, — счастливым образом воцарился под самым куполом собора Святого Петра».

Он торжествует, а мы — горюем! В страшных и все же правдивых строках Марсодон добавляет:

«Когда Пий XII принял решение взять на себя личное руководство Государственной канцелярией — этим чрезвычайно важным ведомством Ватикана, его Министерством иностранных дел, — монсеньор Монтини был назначен на крайне трудный пост архиепископа Милана, крупнейшей итальянской епархии, и не получил при этом кардинальского сана. Его избрание Верховным Понтификом после смерти Пия XII стало не то чтобы невозможным канониче-

ски, но маловероятным в свете традиции. Тогда-то и пришел человек, которого, подобно Предтече, звали Иоанном, и начались перемены».

Этот масон — и, следовательно, либерал — говорит правду: все идеи масонов, за которые они боролись полтора столетия, получили признание Собора. Собор провозгласил их принципы — свободу мысли, совести и вероисповеданий, — утвердив религиозную свободу в «*Dignitatis humanae*» и неприкосновенность религий в «*Gaudium et spes*». И это произошло не случайно, но благодаря людям, зараженным либерализмом, однако взошедшим на Престол Петра и с помощью своей власти навязавшим эти заблуждения Церкви. II Ватиканский Собор действительно освятил либеральный католицизм. И когда вспоминаешь о том, как Папа Пий IX семьдесят лет назад повторял своим римским посетителям: «Будьте бдительны! Нет худших врагов Церкви, чем католические либералы!» — понимаешь масштаб катастрофы, принесенной Церкви и царству Господа Нашего Иисуса Христа либеральными папами и либеральным Собором!

Глава XXXI

ПАВЕЛ VI, ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПАПА

Возможно, вы спросите: как же оказался возможен этот триумф либерализма усилиями Пап Иоанна XXIII и Павла VI, а также II Ватиканского Собора? Как согласуется это бедствие с тем обещанием, которое Наш Господь дал святому Петру и своей Церкви: «И врата ада не одолеют се» (Мат. 16, 18); «Я с вами во все дни до скончания века» (Мат. 28, 20)? — Я считаю, что противоречия здесь нет. Ведь если эти Папы и этот Собор *не пожелали или сознательно отказались применить свой непогрешимый авторитет*, эту власть, гарантированную им Святым Духом, когда бы они ни сочли необходимым ее использовать, что ж — значит, они допустили доктринальные заблуждения и облегчили проникновение в Церковь врагов своим небрежением или соучастием. В какой степени они потворствовали врагам? Насколько они виновны? В какой мере ответственны за происшедшее их не выполненные функции?

Нет сомнений в том, что, когда необходимость этого будет осознана, Церковь осудит этот Собор и этих Пап. Какой суд будет вынесен, в частности, Папе Павлу VI? Одни утверждают, что он был *еретиком, раскольником и отступником*; другие убеждены, что Павел VI не радел о благе Церкви и, следовательно, не был Папой, — таково

мнение *Sedes vacans*. Не могу сказать, что эти мнения совершенно необоснованны. Возможно, скажете вы, в ближайшие десятилетия выяснятся скрытые ранее детали и можно будет точнее оценить то, что бросалось в глаза уже современникам Павла VI, — глубокие противоречия его высказываний традиции Церкви и т. п. Возможно. Однако я не думаю, что следует прибегать к подобным допущениям; более того, я считаю, что доверяться этим гипотезам было бы ошибкой.

Некоторые разделяют простодушную догадку о том, что было два Папы: истинный Понтифик содержался в подвалах Ватикана, а другой — самозванец, двойник — правил во вред Церкви на престоле святого Петра. Вышли целые книги о *двух Папах*, основанные на откровениях некоего одержимого и лженаучных аргументах, уверяющих, например, что голос двойника отличался от голоса истинного Павла VI!

Наконец, существует мнение, что Павел VI *не отвечал за свои действия*, будучи заложником окружения, которое будто бы даже поило его наркотиками, на мысль о чем наводят некоторые документы, свидетельствующие о слабости Папы: его поддерживают помощники и т. п. На мой взгляд, это также было бы слишком простым объяснением, ибо тогда нам просто надо было бы дождаться следующего Папы. Но мы получили (я не говорю об Иоанне Павле I, чей понтификат продлился всего месяц) другого Папу — им стал Иоанн Павел II, продолживший путь, начертанный Павлом VI, без изменений.

*

Мне видится другая разгадка случившегося, куда более сложная, прискорбная и тягостная. Ключ к ней дал

друг Павла VI, кардинал Даниэлу. В опубликованных одним из членов его семьи «Воспоминаниях» кардинала он прямо говорит: «Несомненно, что Павел VI — *либеральный Папа*».

Это объяснение представляется наиболее исторически правдоподобным: ведь этот Папа может быть назван творением либерализма — вся его жизнь отмечена влиянием людей из его окружения или из числа его учителей, которые были либералами.

Он не скрывал своих либеральных симпатий: на Соборе — вместо сформированного Иоанном XXIII президиума — он назначил четырех «модераторов», которыми стали нейтральный кардинал Курии Агаджанян и кардиналы Леркаро, Суэненс и Дёпфнер, все трое — либералы и друзья Павла VI. Президиум был отстранен на задний план, усажен за почетный стол, и в дальнейшем дебатами Собора распоряжались последние трое модераторов. Кроме того, на протяжении всего Собора Павел VI поддерживал либеральную группу, противопоставившую себя церковной традиции. Это известно. А в конце Собора Папа дословно повторил — я уже цитировал это его высказывание — слова Ламенне: «Церковь требует только свободы» — положение, осужденное Григорием XVI и Пием IX!

Сильнейшее влияние, оказанное либерализмом на Павла VI, несомненно. Оно объясняет исторический путь, пройденный Церковью в последние десятилетия, и делает понятным поступки самого Павла VI. Как я уже говорил, либерал — это человек, который постоянно раздираем противоречиями: он утверждает одно и совершает противоположное, он всегда пребывает в нерешительности.

Позвольте мне привести несколько примеров этих пар «тезис—антитезис», которые часто использовал в своих

текстах Павел VI, — этих неразрешимых проблем, отражавших склонность его мысли к сомнению и парадоксам. Первой иллюстрацией послужит энциклика «*Ecclesiam suam*» от 6 августа 1964 года, ставшая программой его понтификата:

«Если Церковь действительно, как Мы сказали, осознает, какую хочет видеть ее Господь, то это придает ей необычайную полноту и потребность в выражении: ей ясно видится превосходящая ее миссия и весть, которую нужно передать миру. Это долг проповеди Евангелия. Это *миссионерский мандат*. Это обязанность апостольства. [...] Мы хорошо помним, что слова „Итак идите, научите все народы“ были последним поручением Христа его апостолам. В самом их имени — апостолы — выражена эта неопровержимая миссия».

Это тезис. А вот, сразу же следом, антитезис:

«Эту внутреннюю потребность творить милосердие, которая ищет выражения во внешнем даре, Мы будем называть общеупотребительным ныне словом *диалог*».

Церковь должна вступить в диалог с миром, в котором она живет. Церковь становится словом; церковь становится посланием; церковь становится собеседованием».

И, наконец, попытка синтеза, которая на самом деле закрепляет антитезис:

«[...] Прежде чем обращать мир, куда важнее — ради его обращения — приблизиться к нему и заговорить с ним».¹

¹ Documents pontificaux de Paul VI / Éd. Saint-Augustin. Saint-Maurice, 1965. P. 677—679.

Более существенны и более показательны для либеральной психологии Павла VI слова, с которыми уже после Собора он объявил об отмене латинского языка литургии; перечислив все достоинства латыни как священного, неизменного и универсального языка, он сказал о необходимости ради общедоступности богослужения «пожертвовать» латыню — признав тем самым, что это будет великая потеря для Церкви! Его собственные слова приводит Луи Саллерон в книге «Новая месса».² 7 марта 1965 года Павел VI объявил собравшимся на площади Святого Петра верующим:

«Церковь приносит жертву, отказываясь от латыни — этого священного, прекрасного, столь выразительного и изысканного языка. Она жертвует веками традиции и языкового единства ради всевозрастающего стремления к всеобщности».

И 4 мая 1967 года эта «жертва» была принесена выпуском инструкции «Tres abhinc annos», постановившей использовать местный язык для громкого чтения богослужебного Канона.

Все свидетельствовало о решительности этого вполне соответствующего духу Павла VI «жертвоприношения». Однако 26 ноября 1969 года, представляя новый обряд богослужения, он вновь пустился в объяснения:

«Основным языком богослужения будет отныне не латынь, а общедоступный местный язык. Для тех, кому введомы красота и сила латыни, ее искусство выражения священных предметов, замена это языка общедоступным станет, несомненно, большой потерей. Мы теряем язык христианских веков, мы становимся словно бы чужаками, профанами в

² *Louis Salleron. La Nouvelle messe. NEL. 2 ed. 1976. P. 83.*

литературной области священного красноречия. В значительной части мы теряем и то восхитительное и несравненное художественное и духовное богатство, каковым является григорианское пение. У нас, конечно же, есть основания испытывать сожаление, почти что растерянность».

Иными словами, все должно было убедить Павла VI отказаться от «жертвоприношения» и сохранить латынь. Но нет; со странным мазохизмом наслаждаясь своей «растерянностью», он пошел наперекор доводам, которые перечислил, и узаконил «жертву» ради «понятности молитвы» — несостоятельного требования, бывшего лишь предлогом для модернистов.

Никогда богослужебная латынь не была препятствием для обращения иноверцев или для их христианского воспитания — совсем наоборот, народы Африки и Азии любят григорианское пение и этот единственный в своем роде и священный язык, знак их принадлежности к католицизму. Опыт свидетельствует о том, что там, где миссионеры латинской Церкви не предписывали латинское богослужение, закладывались основы будущих ересей. Но Павел VI приходит к противоречивому выводу:

«Решение кажется банальным и прозаическим, — говорит он, — но это верное решение, ибо оно отвечает человеческому и апостольскому духу. *Понятность молитвы* ценнее ветхих шелковых одеяний, составляющих ее царский убор. Ценнее доступность народу — тому сегодняшнему народу, который хочет, чтобы *с ним говорили понятно*, знакомыми ему словами родного языка. Если благородная латынь отвращает от нас детей, молодых, людей труда и коммерции, если она оказывается не прозрачным кристаллом, но непроницаемой преградой, то поступим ли мы — такие же грешники — благоразумно, сохранив за ней исключительный статус языка молитвы и религии?»

Какое смешение идей! Что мне мешает молиться на своем языке? Однако литургическая молитва — это не частная молитва, это молитва всей Церкви. Другая прискорбная подмена: литургия — это не наставление, обращенное к народу, но поклонение, обращенное христианским народом к Богу. Одно дело — катехизис, другое дело — литургия! Для прихожан, собирающихся в церкви, важно не то, чтобы «с ними говорили понятно», но то, чтобы они могли вознести Богу самые прекрасные, самые священные, самые торжественные хвалы! «Молитесь Богу, следуя красоте» — таково было литургическое кредо Пия X. Как он был прав!

*

Как видите, либерал — это парадоксальный и непоследовательный, мятущийся и противоречивый ум. Таким был и Павел VI. Луи Саллерон дает понять это, говоря о лице Папы: «У него двойное лицо». Речь идет не о двуличии, не о коварном стремлении к обману, которого у Павла VI не было. Но это был двойственный человек, чья двойственность выражалась в самом его лице: традиционалист на словах и модернист в поступках; католик в предпосылках, принципах, и прогрессист в выводах, не осуждающий то, что следует осудить, и осуждающий то, что следует сохранить!

И этой своей психологической слабостью Папа давал врагам Церкви желанную зацепку, счастливую возможность воспользоваться им: сохраняя католическое лицо (или половину лица, если угодно), он не колеблясь расходился с традицией, одобрял преобразования, освящал нововведения и прогресс и тем самым действовал заодно со всеми врагами Церкви из своего окружения. Не потому ли приблизительно в 1976 году газета «Известия», орган ком-

мунистической партии СССР, выступила с требованием к Павлу VI осудить меня и семинарию в Эконе? Подобное обращение, отдав ему целую полосу, опубликовала и итальянская коммунистическая газета «Unita», возмущенная моими выпадами в адрес коммунизма в проповеди, произнесенной 29 августа 1976 года в Лилле! «Обратите внимание, — призывали авторы этих текстов Павла VI, — на ту опасность, которую представляет Лефсвр, и продолжайте движение сближения, начатое экуменическими документами II Ватиканского Собора». Довольно неловко иметь подобных друзей, не так ли? Такова грустная иллюстрация уже упоминавшегося мною вывода: либерализм ведет от компромисса к измене.

*

Психологию либерального Папы нетрудно понять, но куда тяжелее выдержать! В самом деле, она ставит нас в очень сложное положение по отношению к такому наставнику, будь то Павел VI или Иоанн-Павел II... Наша практическая позиция должна основываться на предварительном расчете, необходимом в силу тех особых обстоятельств, каковые составляют либеральные наклонности Папы. Этот расчет заключается в следующем: когда Папа говорит нечто, соответствующее традиции, мы подчиняемся ему; когда он говорит нечто, идущее вразрез с нашей верой, когда он утверждает или допускает нечто, оскорбляющее нашу веру, мы не можем ему подчиниться! Фундаментальным основанием такой тактики служит то, что Церковь, Папа и вся церковная иерархия состоят *на службе веры*. Они не создают веру, но должны следовать ей. Вера не создается, она незыблема и может лишь передаваться.

Поэтому мы не можем следовать постановлениям этих Пап, призванных узаконить разрыв с традицией: в против-

ном случае мы становимся участниками самоуничтожения Церкви, разрушения нашей веры!

Но то, чего от нас постоянно требуют, — полностью подчиняться Папе, полностью подчиняться Собору, беспрекословно принять реформу богослужения, — очевидным образом расходится с традицией, ибо Папа, Собор и реформы уводят нас прочь от традиции, о чем с каждым годом все явственнее свидетельствуют факты. В такой ситуации это означает требовать от нас участия в уничтожении веры. Немыслимо! Мученики умирали за свою веру, мы знаем примеры гонений, истязаний, отправок христиан в концлагеря за их веру! Достаточно простой терпимости к божествам — и ваша жизнь спасена. Мне однажды советовали: «Подпишите, подпишите, что вы со всем согласны, и все для вас будет как прежде!» — Нет! Вера не является предметом для игр!

Глава XXXII

САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ПОСТСОБОРНЫЕ РЕФОРМЫ

Все сколько-нибудь дальновидные умы — даже из числа тех, кто относится к переменам лояльно, — характеризуют постсоборную эпоху как «кризис Церкви». Прежде говорили об «арианском кризисе», о «протестантском кризисе», но о «кризисе Церкви» речь не заходила никогда... К несчастью, нет согласия в том, что касается причин этой трагедии. Например, кардинал Ратцингер, ясно различая приметы кризиса, ни в коей мере не обвиняет в нем Собор и постсоборные реформы. Он начинает с признания:

«Принесенные Собором результаты, как сегодня можно об этом судить, жестоко обманули ожидания всех, начиная с Пап Иоанна XXIII и Павла VI [...]. Папы и отцы-делегаты Собора надеялись достичь нового католического единства, однако вместо него начались конфликты, переходящие, говоря словами самого Павла VI, от самокритики к саморазрушению. Надежды на новый прилив энтузиазма в значительной степени обернулись скукой и разочарованием. Вместо ожидавшегося прорыва мы, напротив, имеем дело с процессом постепенного упадка...».¹

¹ *Le cardinal Ratzinger. Entretien sur la foi.* Paris: Fayard, 1985. P. 30—31.

Далее следует попытка объяснить кризис, данная кардиналом:

«Я убежден, что причиной потерь, переживаемых нами в последние двадцать лет, стал не „истинный” Собор, но активизация *внутри* Церкви скрытых ранее агрессивных и центробежных сил; кроме того, *снаружи* этим потерям способствовала культурная революция на Западе — утверждение сильного среднего класса, этой новой „третьей буржуазии” с ее радикально-либеральной идеологией индивидуализма, рационализма и гедонизма».²

Еще дальше кардинал Ратцингер разоблачает то, что видится ему ключевым «внутренним» фактором кризиса, — «антидух Собора»:

«Уже на соборных заседаниях и чем дальше, тем больше в последующий период заявил о себе так называемый „дух Собора”, а на самом деле — настоящий „антидух”. Согласно этому губительному *Konzils-Ungesit*, все „новое” [или объявленное таковым: сколько старинных ересей было преподнесено в эти годы в виде новаций!] всегда, каким бы оно ни было, якобы лучше того, что было или есть. Этот антидух видел II Ватиканский Собор как новое начало истории Церкви, как своеобразную точку отсчета».³

И кардинал предлагает свое решение: вернуться к истинному Собору, приняв его не «как исходную точку для последующего удаления, но прежде всего как базис для планомерного строительства».

² Ibid. P. 31—32.

³ Ibid. P. 36—37.

Я согласен с тем, что первостепенными *внешними* причинами кризиса Церкви благодушно-либеральные воззрения, распространившиеся в обществе, в том числе и в христианском, но что, собственно, предпринял II Ватиканский Собор, чтобы им противостоять? Ничего! А точнее, Собор сам устремился в этом направлении! — Я прибегну к сравнению: что бы вы сказали, если бы голландское правительство, видя наступление моря, решило открыть плотины, чтобы избежать резкого столкновения? А после охватившего всю страну наводнения оправдывалось бы: «Мы здесь ни при чем, все дело в море!» — Но ведь именно так и поступил Собор: он снял все традиционные ограничения на пути мирского духа, провозгласив *открытость миру*, и раскрепостил религиозную свободу пастырской конституцией «Церковь в современном мире» («*Gaudium et spes*»), составляющими именно *дух* Собора, а никакой не антидух!

Что же касается *антидуха*, то я согласен: он имел место и на Соборе, и после него, в насквозь революционных выступлениях Кюнга, Боффа и других, оставляющих далеко позади Ратцингера, Конгара и т. д. Несомненно, этот антидух привел к полному разложению семинарий и университетов — и здесь Ратцингеру, ученому-теологу, ясно видны его губительные плоды: это его область.

Но я бы добавил две вещи: во-первых, то, что кардинал Ратцингер называет «антидухом Собора», есть не что иное, как крайнее выражение теорий теологов, которые были соборными экспертами! Между *духом* II Ватиканского Собора и этим так называемым *антидухом* я вижу лишь различие степеней, и роковым обстоятельством представляется мне именно то, что антидух Собора стал непосред-

ственным продолжением его духа. А во-вторых, дух Собора, этот либеральный дух, который я подробно анализировал выше⁴ и которым пронизаны почти все документы Собора и последовавшие за ним реформы, как раз и должен стать предметом осуждения.

Иначе говоря, необходимым ответом на слова кардинала Ратцингера «Я оправдываю Собор» кажутся мне другие слова: «Я обвиняю Собор»! Поясню: я утверждаю — на основаниях, которые приведу ниже, — что *кризис Церкви по сути своей сводится к постсоборным реформам, исходившим от высочайших официальных властей Церкви и предпринятым во исполнение доктрины и директив II Ватиканского Собора*. Поэтому в причинах случившейся после Собора катастрофы нет ничего постороннего или таинственного. Не будем забывать, что одни и те же люди и, что еще важнее, один и тот же Папа — Павел VI — организовали Собор и затем как нельзя более последовательно и официально, пользуясь своим иерархическим положением, осуществили его решения: новой формулировкой санкции Павла VI стали слова «*ex decreto sacrosancti oecumenici concilii Vaticani II instaurarum, auctoritate Pauli PP. VI promulgatum*».

*

Таким образом, ошибкой было бы сказать: «Основы реформ не были заложены Собором». Конечно, в некоторых случаях реформы превзошли постановления Собора: например, Собор не требовал упразднения латыни в богослужении, но требовал лишь разрешения пользоваться местным языком; однако, как я уже говорил, целью тех, кто приоткрыл эту калитку, было достичь радикальных пе-

⁴ В главе XXV.

ремен. Впрочем, достаточно уже того, что все реформы официально ссылались на II Ватиканский Собор: не только реформа мессы и таинств, но и реформы религиозных конгрегаций, семинарий, епископальных собраний, создание римского синода, перестройка взаимоотношений Церкви и государства и т. д.

Ограничусь рассмотрением трех из этих реформ: упразднения Священной канцелярии, открыто прокоммунистической политикой Ватикана и нового конкордата между Святым Престолом и Италией. Каков же был их дух?

Упразднение Священной канцелярии

Это не моя выдумка — я задавал вопрос об этом кардиналу Брауну, долгое время входившему в Священную канцелярию: «Является ли преобразование канцелярии в „Священную конгрегацию вероучения“ всего лишь несущественным, поверхностным изменением, сменой названия, или же это радикальная пермена?» Кардинал ответил мне: «Несомненно, это *фундаментальное* преобразование». В самом деле, суд веры уступил место *ведомству теологических исследований*. Что бы ни говорили комментаторы, такова реальность. Две инструкции о теологии освобождения, если взять этот пример, далеки от ясного и недвусмысленного осуждения этой «теологии» и ее сторонников: напротив, их очевидным результатом является ее поддержка! А почему? Потому что суд стал, по существу, исследовательским ведомством. Им овладел совершенно новый дух, масонский дух: мы не обладаем истиной, мы всегда в поиске истины. Деятельность Священной конгрегации вероучения сводится отныне к дискуссиям теологов всего мира — к дискуссиям, которые порождают бесчисленные тексты, туманностью своей отражающие непоследовательность их авторов.

Церковь более не осуждает, не отвергает заслуживающие этого доктрины, не клеймит ереси позорной печатью святотатства. Нет. Она лишь просит их на время умолкнуть, постановляя: «Это учение не достойно кафедры католической теологии», и всё. Упразднение Священной канцелярии привело, в сущности, как я писал об этом Святому Отцу,⁵ к *свободному распространению заблуждений*. Стадо овец Господа Нашего Иисуса Христа отдано на волю волков-обольстителей.

Прокоммунистическая политика Святого Престола

«Ostpolitik», или политика протянутой руки к Востоку, началась, к несчастью, еще до Собора. Уже при Пие XI и Пие XII, по воле этих Пап или без их ведома, завязывались контакты, имевшие катастрофические последствия, с которыми, правда, удавалось справиться.⁶ Но во время Собора и после него дело дошло до прямых соглашений: я уже говорил вам о том, как русские купили молчание Собора о коммунизме.⁷ Затем под патронатом Ватикана были заключены Хельсинкские соглашения: вступительную и заключительную речи произнес во время их подписания монсеньор Казароли, который по случаю этого события был рукоположен в архиепископы. Вскоре Святой Престол заявил о своей враждебности ко всем антикоммунистическим правительствам. В Чили им была поддержана коммунистическая революция Альенде⁸ (1970—1972). Через сво-

⁵ В открытом письме монсеньора Лефевра и монсеньора де Каштру Майера к Иоанну Павлу II от 21 ноября 1983 г.

⁶ Ср.: *Frère Michel de la Trinité. Toute la vérité sur Fatima*. G. de Nantes éditeur. Т. II («Тайна и Церковь»). Р. 353—378; Т. III («Третья тайна»). Р. 237—244.

⁷ См. главу XXIX.

⁸ Ср.: *Léon de Poncins. Christianisme et franc-maçonnerie*. 2 éd. DPF, 1975. Р. 208 sq.

их нунциев и назначаемых им кардиналов — Таранкона (Испания), Рибейру (Португалия), Арамбуру (Аргентина), Сильва Энрикеса (Чили) — Ватикан проводил прокоммунистическую политику Святого Престола. А ведь влияние этих кардиналов, архиепископов метрополий, в католических странах очень велико! Их мнение является определяющим на епископальных конференциях, которые, назначая епископов-революционеров, в конечном итоге сформировали большинство, поддерживающее политику Святого Престола и оппозиционное государственным властям. Что же может сделать католическое правительство, находясь в конфликте с епископатом, действующим против него? Прискорбная ситуация! Происходит невероятная перестановка сил: Церковь становится основной революционной силой в католических странах.

Новый конкордат с Италией

Одной из целей либеральной политики Святого Престола, сообразной постановлениям II Ватиканского Собора, стало упразднение еще существовавших католических государств. Это выразилось, в частности, в подписании нового конкордата между Ватиканом и Италией. Согласованный за двенадцать лет переговоров — дело того стоило, — его текст был ратифицирован итальянским Сенатом, как сообщали газеты за 7 декабря 1978 года, после одобрения комиссиями, назначенными итальянским государством и Ватиканом. Я не стану анализировать этот документ, но лишь приведу заявление президента Андреотти, сделанное им в тот день в связи с подписанием конкордата:

«[...] Принципиальная особенность документа заключается в том, что новый текст его первой статьи торжественно провозглашает: государство и католическая Церковь являются в своих областях независимыми и суверенными».

Уже это глубоко ложно: «суверенными» — да, именно об этом говорил и Лев XIII в энциклике «Immortate Dei»;⁹ но «независимыми» — ни в коем случае! «Между двумя властями, — по словам Льва XIII, — должна существовать система тщательно продуманных взаимоотношений, не лишенная сходства с той, которую в человеке образует союз души и тела». Лев XIII говорит о «союзе», а не о «независимости»! В связи с этим вы можете вернуться к беседе, в которой я обсуждал отношения между Церковью и государством.¹⁰ Но вот продолжение речи итальянского президента:

«По сути дела, это согласованный обеими сторонами окончательный уход от понятия конфессионального государства в соответствии с положениями Конституции¹¹ и решениями *II Ватиканского Собора*¹²».

Иначе говоря, более не может быть католического государства, конфессионального государства, исповедующего одну религию — истинную религию! Это решено в принципе, во исполнение решений II Ватиканского Собора. Затем же, согласно этому принципу, были внесены поправки в законодательство о браке и в порядок религиозного обучения.¹³ Этих мер более чем достаточно для того, чтобы религиозное образование исчезло. Что же касается

⁹ Ср. главу XIII (ст. 136 энциклики: «две власти»).

¹⁰ Главы XIII и XIV.

¹¹ Новой Конституции Италии, в которую не вошла первая статья прежнего основного закона, признававшая католицизм государственной религией.

¹² Президент имеет в виду декларацию о религиозной свободе.

¹³ Согласно новому конкордату, Церковь лишь одобряет кандидатуры преподавателей религиозных дисциплин, представляемые государством. Смена ролей! Более того, если учителя начальной школы отказываются преподавать религию, их более нельзя принуждать к обратному, исходя из свободы совести.

покровительства, то государством еще раньше были заключены соглашения с методистской, кальвинистской и иудаистской церквами. Все церкви имеют отныне равные права...

*

Я хотел бы подчеркнуть, что это стремление упразднить все католические учреждения светского характера является принципиальным. И итальянский президент, и кардинал Казароли, и Папа Иоанн-Павел II, и теологи, в частности кардинал Ратцингер, в один голос утверждают, вторя окончательному тексту соборной декларации о религиозной свободе, что католических «бастионов» более не должно быть. Таково принципиальное решение. И, в частности, не должно быть католических государств.

Следовало бы сказать иначе: «Мы соглашаемся признать отделение Церкви от государства, поскольку положение в нашей стране коренным образом изменилось; люди стали другими, католики более не составляют большинство нации и т. д., поэтому под давлением событий, мы готовы пойти на соответствующую реформу отношений между государством и Церковью, но в принципе мы не согласны с лаицизацией государства и общественных учреждений». Эти слова были бы вполне законными в тех странах, где положение действительно изменилось.

Но утверждать, что вообще, в нашу эпоху, во всех странах союз между Церковью и светскими учреждениями неприемлем, означает утверждать абсолютную ложь. Прежде всего потому, что никакой из принципов католического учения никогда не может быть «неприемлем», даже если в приложении его и следует учитывать обстоятельства; как бы то ни было, этот союз является принципом като-

лической доктрины, незыблемым, как и вся эта доктрина.¹⁴ И кроме того, на момент Собора и после него существовали всецело католические (Испания, Колумбия, швейцарский Вале) и преимущественно католические государства (Италия и другие), лаицизация которых была совершенно неоправданной.

*

Приведем пример. Кардинал Ратцингер утверждает в своей книге «Основы католической теологии» прямо противоположное:

«Сегодня почти никто не спорит с тем, что испанский и итальянский конкордаты сохраняли многие элементы того представления о мире, которое уже очень давно не соответствует реальному положению дел.

Почти никто не сомневается и в том, что этой верности *устаревшей концепции* взаимоотношений Церкви и государства соответствовали столь же анахроничные законы в области образования.

Ни акты примирения, ни изоляция в *гетто* не могут действительно разрешить для христианина проблему современного мира. Поэтому „*снятие бастионов*“, о котором еще в 1952 году говорил Урс де Бальтазар, было действительно *насущной необходимостью*.

Ей [Церкви] нужно было отказаться от многих вещей, которые доселе гарантировали ее безопасность и считались ее неотъемлемым достоянием. Ей нужно было разобрать *старые укрепления* и всецело довериться защите, которую дает ей вера».¹⁵

¹⁴ О незыблемости принципов публичного права Церкви см. главу XIV.

¹⁵ *Le Cardinal J. Ratzinger. Les Principes de la théologie catholique.* Paris, Téqui, 1985. P. 427, 437.

Как вы понимаете, это те же самые либеральные банальности, которые мы уже встречали в сочинениях Джона Кортни Мюррея и Ива Конгара:¹⁶ учение Церкви по существу сводится к «представлению о мире», связанному с оставшейся в прошлом эпохой, и эволюция воззрений в направлении отступничества преподносится как нечто нейтральное, неизбежное и совершенно всеобщее. И, наконец, Йозеф Ратцингер с пренебрежением или безразличием относится к тому оплоту веры, которым были католическое государство и существовавшие в нем учреждения.

Возникает вопрос: а являются ли эти люди католиками, если земное Царство Господа Нашего Иисуса Христа — это, по их мнению, представление, оставшееся в прошлом? И другой вопрос, с которым я обращаюсь к вам: разве не верно, что христианское и католическое общество, а в конечном счете и Церковь, гибнут не столько под натиском коммунистов и масонов, сколько вследствие предательства со стороны либеральных католиков, которые сначала организовали Собор, а затем осуществили постсоборные реформы? Если так, то, согласитесь, факты свидетельствуют о том, что в настоящее время соборный либерализм сводит Церковь в могилу. Коммунисты не лишены прозорливости, как показывает следующее: в одном музее Литвы, частично посвященном атеистической пропаганде, выставлена большая фотография «обмена верительными грамотами» между президентом Италии и кардиналом Казароли во время подписания нового итальянского конкордата. Подпись под фотоснимком гласит: «Новый конкордат между Италией и Ватиканом — великая победа атеизма». Полагаю, комментарии излишни.

¹⁶ См. главу XIX.

Глава XXXIII

СРЕДСТВО ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА: «ВОССТАНОВИТЬ ВСЁ ВО ХРИСТЕ»

Тяжелым недугам — сильнодействующие средства! Но что способно исцелить Церковь от этой раковой опухоли или СПИДа? Ответ очевиден: следует применять лекарства, которыми Папы пользовались в борьбе с заблуждениями современности: философию томизма, праведную теологию и Право, приистекающее из двух этих дисциплин.

Праведная философия святого Фомы Аквинского

Как вы догадываетесь, я не стану предлагать в качестве средства против субъективизма и рационализма, лежащих в основе либеральных заблуждений, зараженные теми же субъективизмом и рационализмом современные философские доктрины. Ведь не *субъект*, не его познание, не его любовь являются с древних времен предметом философии и, в частности, метафизики, но само бытие вещей, *то, что есть*. Именно *бытие*, его законы и принципы, открывает наше самое непосредственное познание. А в своем высшем выражении естественная мудрость, какую является философия, приникает посредством теодицеи, или естественной теологии, к самой сущности Бытия — к Бытию

самопроизвольному. В самом деле, именно это первозданное Бытие здравый смысл, если его поддерживает, воодушевляет и возвышает всера, побуждает поместить на вершину реальности, согласно определению, данному в откровении: «Ego sum qui sum» — «Я есмь Сущий» (Исх. 3, 14). Как вы помните, Бог ответил Моисею, который спросил его имя: «Я есмь Сущий», что означает «Я есть Тот, кто есть сам по себе, я обладаю бытием сам в себе».

Задумаемся об этом Бытии, которое существует само по себе, которое не получило существования, но обладает им само в себе. Это «ens ap se», бытие само по себе, в отличие от всех прочих форм бытия, каковые суть «ens ab alio», бытие через нечто другое, бытие вследствие дара жизни, преподнесенного им Богом! Размышлять об этом можно часами: настолько это волнующе и невообразимо. То, что обладает бытием само по себе, живет в вечности: это вечное бытие. Тот, кто обладает бытием сам по себе, обладал и обладает им всегда; бытие не может его оставить. Он есть всегда, он будет всегда, он был всегда. То же, что есть «ens en ab alio», бытие через нечто другое, напротив, получило бытие от чего-то другого и, следовательно, однажды начало быть: началось!

Какого же смирения должна преисполнять нас мысль об этом! Она позволяет нам понять, сколь ничтожны перед Богом! «Я есмь Сущий, ты же есть та, кого нет», — сказал однажды Господь Наш одной святой душе. Сколь это истинно! Чем глубже человек проникнут этим принципом наипростейшей философии, тем яснее для него его истинное место перед Богом.

Только представим себе: я есть «ab alio», а Бог есть «ens a se»; я начался, а Бог есть всегда, — какой волнующий контраст! Какая бездна! Неужели же это ничтожное

существо «ab alio», получающее свое бытие от Бога, вольно ограничивать славу Бога? Неужели оно вправе сказать Богу: «Вы имеете право на это, но не больше»? Или: «Царите в сердцах, в ризницах, в капсллах, но на улице, в городе — нет»? — Какая самонадеянность! Неужели это существо «ab alio» властно вносить изменения в планы Бога, делать так, чтобы вещи были другими, нежели они есть, другими, нежели создал их Бог? А законы, которые Бог в сго мудрости и всесии предписал всем существам и, в частности, человеку и обществу, — неужели презренное существо «ab alio» способно менять их по своей прихоти, говоря: «Я свободен»? — Какое тщеславие! Какой абсурд заключен в этом либеральном бунте! И сколь важно иметь праведную философию, а вместе с нею — углубленное знание естественного, индивидуального, общественного и политического порядков! В этом отношении учение святого Фомы незаменимо; не могу не процитировать вам энциклику Льва XIII «Aeterni Patris» от 4 августа 1879 года:

«Ангелический доктор оставил нам философские заключения о причинах и о *самых принципах вещей*; многообразие этих принципов и бесчисленные истины, зачатки которых в них сосредоточены, предоставляют ученым последующих веков обширный материал для полезных суждений, которые будут вынесены в надлежащее для них время. Искусно используя этот же метод в опровержении заблуждений, великий доктор добивался двойного результата, отклоняя все заблуждения предшествующих времен и вместе с тем предоставляя непобедимые орудия борьбы с теми заблуждениями, которые не преминут возникнуть в будущем».

И далее Лев XIII рекомендует применять томистскую философию в борьбе с либеральными заблуждениями современности:

«Все мы осознаем величайшую угрозу, которой подвергает семью и светское общество чума порочных суждений. Не-

сомненно, что в обоих этих институтах царили бы куда большие мир и спокойствие, если бы воспитанникам академий и школ внушали более здравую и сообразную церковному учению доктрину — такую доктрину, которую мы находим в трудах Фомы Аквинского. То, чему учит нас святой Фома об истинной природе свободы, которая в наши дни вырождается во вседозволенность, о божественном источнике всякой власти, о законах и их могуществе, об отеческом и справедливом правлении, о долге повиновения вышестоящим силам, о взаимном милосердии, которое должно царить между людьми, — все то, что он говорит нам об этих и других подобных темах, обладает колоссальной и непобедимой силой, способной сокрушить все эти принципы нового права, полные многих опасностей, как мы знаем об этом, для благого порядка и общественного спасения».

Праведная теология святого Фомы Аквинского

Помимо естественной мудрости, какую является праведная философия, желающий предохранить себя от либерализма должен познать и сверхъестественную мудрость, или теологию. Для приобретения углубленных познаний о сверхъестественном Церковь рекомендует прежде всего теологию святого Фомы. Именно «Сумму теологии» святого Фомы Аквинского отцы Тридентского Собора «пожелали, наряду с книгой Священного Писания и постановлениями Верховных Понтификов, видеть в центре святейшего собрания, раскрытой на алтаре, дабы они могли черпать в ней советы, доводы и решения».¹ Именно авторитетом святого Фомы Тридентский Собор рассеял первые тучи загроздавшегося натурализма.

Кто лучше святого Фомы показал, что сверхъестественный порядок бесконечно превосходит способности и

¹ *Лев XIII*. Энциклика «*Aeterni Patris*» от 4 августа 1879 г.

потребности естественного порядка? Он объясняет нам (на сей раз всецело в терминах веры), как Наш Господь посредством его Искупительной Жертвы и приложения его добродетелей возвысил природу искупленных — освящающей благодатью, крещением, другими таинствами, святым таинством Богослужения. Глубоко усвоив эту теологию, мы приумножим в себе *дух веры*, то есть собственно веру и требуемый верой образ жизни.

Ибо в рамках божественного поклонения действительное наличие веры определяет и вытекающие из него действия. В том-то мы и обвиняем современную литургическую реформу, что она принуждает нас к действиям, каковые не есть действия веры, навязывает нам натуралистский и гуманистический культ. У прихожан возникает боязнь вставать на колени, нежелание демонстрировать почитание, приличествующее Богу: им хочется перевести священное в мирское. Это самая явственная перемена, отмечаемая теми, кто знакомится с новым богослужением: они говорят, что литургия потускнела, что она не возвышает, что в ней не осталось тайн.

Праведная теология укрепляет в нас эту убежденность: Господь Наш Иисус Христос есть Бог; божественность Нашего Господа — центральная истина нашей веры. Поэтому мы будем служить Нашему Господу как Богу, а не как только лишь человеку. Конечно, он освятил нас своей человечностью, освящающей благодатью, которой полнится его святая душа, и нашим долгом является бесконечное почитание его Святой Человечности. Но сегодняшняя опасность заключается в том, что Нашего Господа представляют как чистого человека — разумеется, выдающегося человека, сверхчеловека, но не Сына Божьего. Если же он поистине Бог, как учит нас вера, то все меняется, ибо тогда он есть владыка всех вещей. Тогда все выво-

ды следуют из его божественности. Тогда все атрибуты, которые мы вслед за теологией присваиваем Богу, — его всеисилие, его всеприсутствие, его постоянная и верховная причинность по отношению ко всему сущему, ибо он есть источник бытия, — относятся и к самому Господу Нашему Иисусу Христу. Таким образом, он обладает всякой властью над всякой вещью, по самой своей природе он — Царь, царь вселенной, и ни одно творение, будь то человек или общество, не может уклониться от его власти — от его власти силы и от его власти благодати:

«Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле [...] все Им и для Него создано; [...] и все Им стоит. [...] Ибо благоугодно было Отцу [...], чтобы посредством Его примирить с собою все, умиротворив чрез Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол. 1, 16—20).

Из этой первой истины веры, каковая есть божественность Господа Нашего Иисуса Христа, следует, таким образом, вторая истина веры: его Царствование и, в частности, его Царствование над обществами, которые обязаны повиноваться Воле Иисуса Христа и государственные законы которых должны повиноваться закону Господа Нашего Иисуса Христа. Более того, Господу Нашему угодно, чтобы души — разумеется, косвенно, но действительно — спасались благодаря христианскому мирскому обществу, которое во всем повинуется Евангелию, хранит верность евангельскому искупительному замыслу и является его орудием в мире. Поэтому что может быть более справедливым, более необходимым, нежели государственные законы, повинующиеся законам Иисуса Христа и карающие принудительными наказаниями нарушителей законов Нашего Господа в государственной и общественной областях? Это принуждение как раз и стремится упразднить религиозная свобода — свобода масонов и II Ватиканского

Собора. Но тем самым она добивается крушения христианского общественного порядка! Чего хочет Наш Господь, если не выражения его искупительной жертвы в мирском обществе? Что такое христианская цивилизация, что такое христианский мир, если не воплощение Креста Господа Нашего Иисуса Христа в жизни всего общества? Именно это именуют земным царством Нашего Господа. Такова истина, которую сегодня, под натиском либерализма мы должны проповедовать с максимальным усердием.

Еще одним следствием божественности Иисуса Христа является то, что его Искупление не является чем-то необязательным для жизни вечной. Он есть Путь, Истина и Путь! Он — дверь:

«Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (Иоан. 10, 7—9).

Он — единственный путь спасения для всякого человека:

«Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12).

Эта истина более других нуждается сегодня в новом утверждении перед лицом ложного, либерального по своей сути экуменизма, провозглашающего, что во всех религиях есть ценности спасения и что нужно развивать эти ценности. Будь это так, к чему тогда миссионеры? Именно потому, что спасения нет ни в ком другом, кроме Господа Нашего Иисуса Христа, Церковь проникнута миссионерским духом, духом завоевания, каковой, собственно, и есть дух веры.

Наконец, наряду с философией и теологией необходима и третья наука, способная выразить великие истины естественного и сверхъестественного порядков в *юридических нормах*. Либерализм, даже в самых современных его разновидностях, провозглашает права человека без Бога. Поэтому для католического юриста нет ничего важнее, чем вернуть права человека, живущего в обществе, к их основанию — к обязанностям человека перед Богом, к правам Бога. Ведь поистине существуют только такие права человека, которые помогают ему подчиниться правам Бога! Эту же истину можно выразить иначе: позитивное, или гражданское, право должно основываться на *естественном праве*. Папа Пий XII отстаивал этот принцип в борьбе с заблуждением юридического позитивизма, которое преподносит в качестве источника права ничем не ограниченную волю человека.

Кроме того, существует и сверхъестественное право — права Иисуса Христа и его Церкви, права душ, купленных кровью Иисуса Христа. Эти права Церкви и христианских душ по отношению к государству составляют то, что мы называли *публичным правом Церкви*. Эта наука оказалась практически уничтожена соборной декларацией о религиозной свободе, как я попытался показать это выше.² Поэтому очень важно также вернуться к преподаванию публичного права Церкви, содержащего в себе фундаментальные принципы, регулирующие взаимоотношения Церкви и государства.³ В связи с этим я особенно рекомендую вам прочесть труды кардинала Оттавиани «*Institutiones juris publici ecclesiastici*» и Джованни Ло Грассо

² В главе XXVIII.

³ См. главу XIII.

«Ecclesia et status, fontes selecti». Последняя книга включает, помимо прочего, все особенно ненавидимые либералам или забытые ими документы IV — XX веков.

Не будем забывать и о неисчерпаемом источнике по церковному праву, каковым является *история Церкви*: позиция — неизменно с тех пор приводимая Церковью в пример — первых христианских императоров, поставивших в IV веке мирской меч на службу духовной власти, бесстрашное сопротивление епископов и Пап многих веков властителям-узурпаторам власти Церкви — все это подлинные догматы, выраженные на практике и являющие собой наилучшее опровержение какого угодно либерализма, от либерализма революционеров-преследователей Церкви до куда более опасного либерализма так называемых католических либералов.

Глава XXXIV

ВОЗВЕДЕМ ЗАНОВО ВСЕЛЕНСКИЙ ГРАД

«Либерализм, я умираю твоими стараниями», — говорит сегодня Церковь, пребывая в агонии. Подобно Иисусу, обращавшемуся к тем, кто только что схватил его, она может сказать: «Теперь — ваше время и власть тьмы» (Лук. 22, 53). Она сейчас в Гефсиманском саду, но умереть она не может. Она подобна граду, захваченному врагами, но уже зреет и сплачивается Соппротивление либеральной секте.

Эта секта, как мы видели, возникла в XVI веке из протестантской секты, чтобы стать вдохновительницей французской революции. На протяжении полутора столетий не прекращавшейся борьбы Папы осуждали принципы и практические приложения либерализма. Но, несмотря на это, секта продолжала свое дело. Мы стали свидетелями ее проникновения под видом допустимого либерализма в Церковь — с целью примирить с революцией Иисуса Христа. Затем мы с ужасом узнали о заговоре, призванном внедрить либеральную секту в церковную иерархию, мы видели, как шаг за шагом секта добралась до самых высоких постов и добилась своего триумфа на II Ватиканском Соборе. Мы получили либеральных Пап... Первый либераль-

ный Папа, смеявшийся над «пророками бедствий», созвал первый в истории Церкви либеральный Собор. Двери овчарни были отперты, и волки ворвались туда, и истребили овец. Затем пришел второй либеральный Папа, Папа с двойным лицом, Папа-гуманист; он перевернул алтарь, упразднил Таинство и осквернил святилище.¹ За ним явился третий либеральный Папа, Папа прав человека, Папа-экуменист, Папа Объединенных Религий, и он умыл руки и закрыл лицо свое перед нагромождением руин, чтобы не видеть кровоточащих ран Дочери Сиона, смертельных ран непорочной Супруги Иисуса Христа.

*

Я не смирюсь; мне недостаточно поддерживать слабыми руками мою Мать Святую Церковь, мучимую агонией. Конечно же, я не разделяю благодушного оптимизма умиротворяющих проповедей вроде: «Мы переживаем счастливую эпоху. Собор стал выдающимся шагом вперед. Да здравствует эпоха культурного переворота! Наше общество характеризуется религиозным плюрализмом и свободным идеологическим соревнованием. Несомненно, этот исторический „прорыв“ сопровождается некоторыми „потерями“ — религиозной практики нет, все авторитеты оспариваются, христиане снова стали меньшинством. Но оцените достижения! Христиане — это скрытая в тесте закваска, душа плюралистического града, который вот-вот станет жизненно христианским, они — движущая сила идеалов нового строящегося мира, в котором будет еще больше братства, мира и свободы!»...

Подобную слепоту я не могу объяснить себе иначе, нежели как свершение пророчества святого Павла об от-

¹ Ср.: Дан. 9, 27; Мат. 24, 15.

ступниках последних времен: «И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи» (2 Фес. 2, 11). Есть ли бедствие страшнее ослепленной иерархии? По свидетельству сестры Люсии, таково было и предвестие Нашей Госпожи в третьей части Тайны Фатимы: Церковь и ее иерархия подвергнутся «дьявольскому ослеплению».² И, согласно той же сестре Люсии, этот кризис будет соответствовать тому, о чем в Апокалипсисе говорится как о битве Жены с Драконом. Пресвятая Дева обещает нам, что в конце этой битвы «ее Непорочное Сердце восторжествует».

А потому я, несмотря ни на что, далек от пессимизма. Святая Дева одержит победу и восторжествует над великим отступничеством, этим следствием либерализма. И это еще одна причина, не позволяющая нам сидеть сложа руки! Мы должны отважнее, чем когда-либо, бороться за земное царство Господа Нашего Иисуса Христа. Мы не одни в этой борьбе: с нами все Папы до Пия XII включительно. Все они боролись с либерализмом, чтобы избавить от него Церковь. Бог не даровал им успеха, но пусть это не позволит нам сложить оружие! Мы должны держаться. Когда другие разрушают, мы должны строить. Нужно выстроить заново сокрушенные крепости, восстановить бастионы веры: сначала святое таинство мессы, каким оно было всегда, каким его знали святые; затем наши капеллы — наши истинные приходы; наши монастыри; наши большие семьи; наши предприятия, верные мирскому учению Церкви; наших политиков, решительно проводящих политику Иисуса Христа — всю ткань христианской общественной жизни с ее христианскими обычаями и отношениями. Все это мы должны восстановить столь полно и

² *Frère Michel de la Trinité. Toute la vérité sur Fatima, G. de Nantes éditeur. T. III («Третья тайна»). P. 507.*

столь скоро, как это угодно Богу. Я знаю одно — и этому учит нас вера: Господь Наш Иисус Христос должен царствовать здесь, сейчас, а не только в конце времен,³ как хотят этого либералы!

Они сокрушают, но нам дано счастье восстанавливать. И еще большее счастье заключено в том, что поколения молодых священников с усердием вступают в дело восстановления Церкви ради спасения душ.

Отче Наш, пусть твое Царство наступит!
Да здравствует Христос-Царь!
Да преисполнит Дух Святой сердца твоих верующих!
О Мария, будь нашей Царицей, мы — твои!

³ К такому убеждению склоняет соборная литургия, символично перенесшая праздник Христа-Царя на последнее воскресенье литургического цикла.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Центральная понтификальная комиссия
по подготовке II Ватиканского Собора**
**Проект Конституции о Церкви,
предложенный Теологической комиссией**

Часть II

Глава IX

**ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ
И ГОСУДАРСТВОМ И О РЕЛИГИОЗНОЙ
ТЕРПИМОСТИ**

Его Преосвященство

Кардинал АЛЬФРЕДО ОТТАВИАНИ

Докладчик

Н. В. Доктринальный проект, представленный кардиналом Оттавиани, содержал в своем оригинальном латинском варианте семь страниц текста и шестнадцать страниц ссылок на сочинения Пап от Пия VI (1790) до Иоанна XXIII (1959). Он был отклонен на первом же заседании Собора в пользу проекта, составленного Секретариатом по объединению христиан во главе с кардиналом Би. Этот последний проект, преподнесенный в качестве пастырского, включал четырнадцать страниц текста без единой ссылки на труды предшествующих понтификов.

Проект Оттавиани, не будучи поддержан авторитетом Церкви, тем не менее отражает состояние католического учения по данному вопросу накануне II Ватиканского Собора; в нем ясно

изложена та доктрина, которую Собор должен был выдвинуть, если бы его путь к поставленной цели не преградил переворот, совершенный теми, кто превратил его в «Генеральные штаты народа Божьего», устроив второй 1789 год! Добавим, наконец, что Собор мог бы внести в этот проект все полезные уточнения и поправки.

1. Принцип: Различие между Церковью и светским обществом и подчинение цели Града цели Церкви

Человек, предназначенный Богом к сверхъестественной цели, нуждается для достижения своего высшего совершенства и в Церкви, и в светском обществе. Светское общество, к которому человек принадлежит в силу своей общественной природы, должно заботиться о земных благах и делать так, чтобы граждане могли вести на этой земле «жизнь тихую и безмятежную» (1 Тим. 2, 2); Церковь, к которой человек должен быть причастен по своему сверхъестественному призванию, основана Богом, дабы, все более приумножаясь, вести верующих посредством своего учения, своих таинств, молитв и законов к их вечной цели.

Каждое из двух этих обществ обладает средствами, необходимыми для должного исполнения свойственной ему миссии; каждое из них совершенно, то есть занимает высшее положение в своей области и не зависит от другого, будучи вершителем законодательной, судебной и исполнительной властей. Это различие двух градов, в соответствии с учением незыблемой традиции, основывается на словах Господа: «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мат. 22, 21).

Однако поскольку два эти общества вершат свою власть над одними и теми же людьми и часто в связи с одним и тем же объектом, они не могут существовать отдельно друг от друга; более того, они должны действовать в со-

вершенной гармонии, дабы и сами они преуспевали так же, как и их общие члены.

С намерением дать образец отношений, которые должны существовать между этими двумя властями согласно природе каждой из них, Святой Собор прежде всего заявляет о необходимости помнить, что и Церковь, и светское государство были учреждены ради пользы человека; что мирское преуспевание, доверенное заботам светской Власти, ничего не стоит для человека, если он потерял свою душу (ср. Мат. 16, 26; Мар. 8, 36; Лук. 9, 25); и что, следовательно, цель светского общества никогда не должна преследоваться в исключение или в ущерб конечной цели — вечному спасению.

2. Власть Церкви и ее границы; обязанности Церкви по отношению к светской власти

Поскольку власть Церкви распространяется на все то, что ведет людей к вечному спасению, и поскольку то, что касается только мирского преуспевания, как таковое подлжит светской власти, из этого следует, что Церковь не занимается мирскими реалиями, если только эти последние не подчинены сверхъестественной цели. В отношении актов, в равной степени подчиненных цели Церкви и цели Града, — таких как брак, воспитание детей и т. п., — права светской власти должны осуществляться таким образом, чтобы и высшие блага, с точки зрения Церкви, не подвергались никакому ущербу. В другие мирские области деятельности, которые могут с полным правом и различными способами предусматриваться и вестись, не затрагивая божественного закона, Церковь никоим образом не вмешивается. Хранительница своего права, вместе с тем уважающая право других, Церковь не считает, что ей принадлежит право выбора формы правления или учреждений,

относящихся к светской области христианских наций: она не отвергает никакую из различных форм правления при условии, что религия и мораль остаются неприкосновенными. Подобно тому, как Церковь не отказывается от своей свободы, она не мешает и светской власти свободно пользоваться ее законами и правами.

Главы государств должны признавать, сколь великие блага доставляет светскому обществу Церковь, осуществляя свою миссию. Ибо Церковь содействует тому, что граждане, благодаря их добродетели и христианскому благочестию, становятся лучше; и если они таковы, какими желает видеть их христианское учение, то, по свидетельству святого Августина (Послание к Марцеллину, 138, 15), без всякого сомнения велика будет польза обществу. Кроме того, Церковь предписывает гражданам обязанность исполнять законные требования «не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13, 5). Что же касается тех, кому доверено управление страной, то их она обязывает исполнять свою функцию не из воли к власти, но ради благополучия граждан, как если бы они были обязаны отдать отчет Богу (ср. Евр. 13, 17) о своей полученной от Бога власти. Также Церковь внушает соблюдение естественных и сверхъестественных законов, благодаря которым может поддерживаться в мире и справедливости весь общественный порядок как среди граждан, так и среди наций.

3. Религиозные обязанности светской власти

Гражданская власть не может быть безразличной по отношению к религии. Будучи учреждена Богом, чтобы помогать людям обрести подлинное человеческое совершенство, она должна не только предоставлять своим подданным возможность обеспечить себя мирскими благами — будь то материальные или интеллектуальные бла-

га, — но также способствовать достатку духовных благ, позволяющих людям вести достойную религиозную жизнь. И среди этих благ нет более важного, чем знание и признание Бога вкупе с исполнением своих обязанностей перед Богом: именно в этом заключено основание всякой личной и в еще большей степени общественной добродетели.

Эти обязанности перед Богом возлагают долг по отношению к Славе Божией не только на каждого гражданина, но и на светскую власть, которая в своих публичных постановлениях воплощает светское общество. Действительно, поскольку Бог является творцом светского общества и источником всех благ, которые через это общество поступают ко всем его членам, оно должно чтить Бога и служить Ему. Что же касается формы служения Богу, то таковая, согласно настоящему учению, не может быть никакой иной, нежели форма, установленная самим Богом в качестве обязательной для истинной Церкви Христа, что относится не только к каждому из граждан, но в равной степени и к властям, представляющим светское общество.

То, что светская власть должна признавать истинную Церковь Христа, явствует из особенностей божественного учреждения и божественной миссии, приданных Церкви ее божественным Основателем. Также светская власть, а не только каждый из граждан страны, обязана признавать Откровение, представляемое самой Церковью. И в своем законодательстве она должна следовать принципам естественного закона и вместе с тем учитывать позитивные законы, как божественные, так и церковные, призванные вести людей к сверхъестественному блаженству.

Подобно тому как ни один человек не может служить Богу так, как это установлено Иисусом Христом, если он не имеет ясного знания о том, что говорил Бог устами

Иисуса Христа, светская власть тоже не может этого делать, если граждан — а вместе с ними и она сама как представляющая народ — не обладают некоторыми познаниями об Откровении.

Следовательно, светская власть должна заботливо охранять полную свободу Церкви и никоим образом не препятствовать осуществлению ее миссии — будь то в исполнении ее священной воли, в установлении и отправлении культа или в управлении святыми и пастырской заботе о верующих. Свобода Церкви должна признаваться светской властью во всем, что касается миссии Церкви, в том числе в выборе и подготовке кандидатов на духовные должности, в избрании епископов, в свободном и двустороннем общении между Римским Понтификом, епископами и верующими, в основании и управлении учреждений религиозной жизни, в издании и распространении печатной продукции, во владении и распоряжении мирскими благами, а также и вообще во всех тех областях, которые Церковь, не ущемляя гражданских прав, считает содействующими приведению людей к их конечной цели, включая и светское образование, и общественную деятельность, и многие другие средства.

Наконец, непрременной обязанностью светской власти является исключать из законодательства, правления и общественной деятельности все то, что может, по ее мнению, помешать Церкви в достижении ее вечной цели; более того, светская власть должна всячески облегчать жизнь, сообразную христианским принципам, как можно более подобающим той высшей цели, ради которой Бог создал людей.

4. *Общий принцип приложения настоящего учения*

Церковь всегда соглашалась с тем, что духовная и светская власти могут поддерживать различные отношения в зависимости от того, каким образом светская власть, представляющая народ во всем его многообразии, признает Христа и основанную им Церковь.

5. *Приложение настоящего учения в католическом Граде*

Учение, изложенное выше Святым Собором, может прилагаться в полной мере исключительно в обществе, граждане которого не просто являются крещенными в католическую веру, но и исповедуют ее. В этом случае свободным выбором самих граждан является такой порядок светской жизни, при котором она повинуется католическим принципам, и, по словам святого Григория Великого, «открывает более широкий путь к Небесам» (Послание 65, к Маврикию).

Однако и в этих наилучших условиях светская власть не может каким-либо образом принуждать души к принятию веры, открытой Богом. Вера по сути своей является свободной и не может быть объектом принуждения, как это выражено в положении Церкви: «Пусть никто не будет принуждаем к принятию католической веры против его воли» (С. I. С., cap. 1351).

При этом светская власть должна обеспечивать интеллектуальные, общественные и моральные условия, необходимые для того, чтобы верующие, даже наименее сведущие в науках, как можно легче приходили к усердию в принятой вере. Подобно тому как светская власть считает себя вправе охранять общественную нравственность, она, дабы защищать своих граждан от соблазнов заблуждения

и дабы поддерживать в Граде единство веры, каковое является наивысшим благом и источником великой, хотя и временной, пользы, может собственными силами регулировать и умерять публичное осуществление других религий и защищать своих граждан от насаждения ложных доктрин, которые, по мнению Церкви, угрожают делу их вечного спасения.

6. Религиозная терпимость в католическом Граде

В деле охранения истинной веры следует действовать согласно требованиям христианского милосердия и осторожности, чтобы меньшинства не удалялись от Церкви насильственно, но скорее привлекались к ней, и чтобы ни Град, ни Церковь не подвергались никакому ущербу. Поэтому следует всегда учитывать и общее благо Церкви, и общее благо государства, ввиду которых светской власти может в некоторых обстоятельствах быть полезна разумная терпимость, даже подкрепленная законами: с одной стороны, она может помочь избежать больших зол, как-то скандал, гражданская война, препятствия обращению в истинную веру и т. п.; а с другой стороны, она может принести большое благо, как, например, гражданское сотрудничество и мирное сосуществование граждан различных религий, большая свобода для Церкви, болсе действенное осуществление ее сверхъестественной миссии и т. п. В этом вопросе нужно учитывать не только благо национального порядка, но также благо вселенской Церкви (равно как и светское благо для всего мира). В этой терпимости светская власть католического Града следует образцу божественного Провидения, которое, мирясь со злом, извлекает из него большие блага. Особенно уместна эта терпимость в странах, где издавна существуют некаатолические общины.

7. Приложение настоящей доктрины в некатолическом Граде

В государствах, большинство граждан которых не исповедуют католическую веру или даже не знают о факте Откровения, некатолическая светская власть должна в религиозной области следовать принципам естественного закона. В таких условиях эта некатолическая власть должна предоставлять гражданскую свободу всем вероисповеданиям, не противоречащим естественной религии. Эта свобода не расходится с католическими принципами, поскольку в равной мере служит благу Церкви и благу государства. В странах, власти которых не исповедуют католическую религию, граждане-католики в первую очередь обязаны добиваться своими добродетелями и гражданскими делами, содействуя вместе с согражданами общему благу своего государства, того, чтобы Церкви предоставлялась полная свобода осуществления ее божественной миссии. Ведь от свободной деятельности Церкви некатолический Град не испытывает никакого ущерба и даже, напротив, получает многие и значительные блага. Таким образом, граждане-католики должны способствовать тому, чтобы Церковь и светская власть, будучи юридически разделены, тем не менее оказывали друг другу благотворную взаимопомощь.

Дабы не повредить небрежением или неосмотрительным рвением либо Церкви, либо государству, граждане-католики, отстаивая права Бога и Церкви, должны повиноваться решениям духовной власти: именно ей надлежит судить о благе для Церкви в различных обстоятельствах и направлять граждан-католиков к гражданской деятельности на благо алтаря.

8. Заключение

Святой Собор предусматривает, что принципы взаимоотношений между церковной и светской властями должны применяться только согласно нормам, изложенным выше. Он не может допускать того, чтобы эти же самые принципы искажались каким-либо ложным лаицизмом, хотя бы и под предлогом общего блага. В основе этих принципов лежат абсолютно незыблемые законы Божии, неизменные строение и миссия Церкви, а также общественная природа человека, которая, будучи всегда одной и той же, из столетия в столетие определяет центральную цель светского общества как такового, вне зависимости от различий политического устройства и других случайностей истории.

Н. В. Мы опустили многочисленные ссылки, заключающие этот документ. Желающие ознакомиться с ними могут обратиться к оригинальной латинской версии.

ЛИТЕРАТУРА

I. ДОКУМЕНТЫ ПАП

Внутренний мир наций: Выступления понтификов / Составление и комментарий монахов Солема. Paris: Desclee et Cie, 1962.

II. ЛИБЕРАЛИЗМ

Кардинал Л. Бийо. De Ecclesia Christi. Т. II. Rome / Éd. Gregor. 1919.

К. Костаптен. Католический либерализм. DTC. Т. IX. Ст. 506—629.

Аббат Джулио Мейнвель. От Ламенне к Маритену. Paris: La Cite Catholique, 1956.

Жан Уссе. Пусть он царит. Paris: La Cite Catholique, 1959; переиздание: Paris, sans date (с письмом-предисловием монсеньора Марселя Лефевра, архиепископа Дакарского).

Жак Плонкар д'Ассак. Захваченная Церковь. Paris: DPF, 1975.

Аббат А. Руссель. Либерализм и католицизм // Статьи в «Католической неделе». Ренн, 1926.

О. Теотим де Сен-Жюст. Мирское царство Господа Нашего Иисуса Христа, согласно кардиналу Пию. Paris: Beauchesne, 1925 (2 издание).

III. СВЕТСКОЕ ПРАВО ЦЕРКВИ

Джованни Ло Грассо. Ecclesia et Status, Fontes selecti. Roma: Univ. Greg., 1952.

Кардинал Альфредо Оттавиани. Institutiones juris publici ecclesiastici. Vatican: Imprimerie Polyglote, 1958—1960.

Кардинал Альфредо Оттавиани. Церковь и Град. Vatican: Imprimerie Polyglote, 1963.

Аббат А. Руть. Католическая Церковь и обычное право. Доктрина и Истина. Paris: Casterman, 1931.

IV. РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Ф.-И. Андре-Венсан. Религиозная свобода как фундаментальное право. Paris, Tequi, 1976.

Римский курьер. № 157 (май 1967), 162 (октябрь 1976) — статьи Мишеля Мартена и Р. Теверанса.

Монсеньор Марсель Лефевр. Я обвиняю собор. Vartigny / Ed. Saint-Gabriel, 1976.

Монсеньор Марсель Лефевр и Священная канцелярия // Маршруты. № 233, май 1979.

Монсеньор Марсель Лефевр. Открытое письмо к растерянным католикам. Paris: Albin Michel, 1985.

Свет и жизнь. № 69, июль — октябрь 1964: Религиозная свобода — статьи А.-Ф. Карильо де Альборноса, Р.-К. Жере, Ж.-М.-М. Готтье и др.

Терпимость и человеческое общество. Paris: Casterman, 1959. Статьи Роже Обера, Луи Буайе, Ива Конгара, Андре Молитора и др.

II Ватиканский собор. Религиозная свобода. Paris: Cerf, 1967 (коллекция «*Unam Sanctam*», № 69). Статьи Джона Кортни Мюррея, Жерома Амера, Пьетро Павана и др.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Шаргунов. Архиепископ Марсель Лефевр. Вступительная статья</i>	5
Вступление	41
Введение	44

Часть I

ЛИБЕРАЛИЗМ, ЕГО ПРИНЦИПЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Глава I. Истоки либерализма	51
Глава II. Естественный порядок и либерализм	62
Глава III. Господь Наш Иисус Христос и либерализм	71
Глава IV. Сковывает ли закон свободу?	82
Глава V. Благотворное принуждение	90
Глава VI. Необходимое неравенство	95
Глава VII. Иисус Христос — царь республик?	102
Глава VIII. Либерализм, или Общество без Бога	112
Глава IX. Свобода совести и вероисповеданий	120
Глава X. Религиозная свобода в осуждении Пап	127
Глава XI. Свобода прессы	140
Глава XII. Свобода обучения	144
Глава XIII. Существует ли публичное право Церкви?	150
Глава XIV. Как случилось, что они предали Иисуса Христа?	158

Часть II

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАТОЛИЦИЗМ

Глава XV. Великая измена	169
Глава XVI. Католическо-либеральное мировоззрение	173
Глава XVII. Папы и либеральный католицизм	180
Глава XVIII. Миф об исключительности свободы. От Ламенне до Санье	184
Глава XIX. Мираж плюрализма. От Жака Маритена к Иву Конгару	191
Глава XX. Смысл истории	201

Часть III

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЗАГОВОР САТАНЫ ПРОТИВ ЦЕРКВИ И ПАП- СТВА

Глава XXI. Заговор «Верховной венты» карбонариев	211
Глава XXII. Папы раскрывают заговор сектантов	217
Глава XXIII. Церковный переворот, осуществленный Собором	224

Часть IV

РЕВОЛЮЦИЯ В ТИАРЕ И СУТАНЕ

Глава XXIV. Смута II Ватиканского Собора	231
Глава XXV. Дух Собора	239
Глава XXVI. Поиск и диалог. Конец миссионерского духа	244
Глава XXVII. II Ватиканский Собор в свете традиции	252
Глава XXVIII. Религиозная свобода II Ватиканского Со- бора	259
Глава XXIX. Пацифистский Собор	290
Глава XXX. II Ватиканский Собор — триумф «католи- ческого» либерализма	296

Глава XXXI. Павел VI, либеральный Папа	301
Глава XXXII. Самоубийственный либерализм: постсоборные реформы.	310
Глава XXXIII. Средство против либерализма: «Восстановить всё во Христе».	321
Глава XXXIV. Возведем заново вселенский град.	330
<i>Приложение.</i> Проект Конституции о Церкви, предложенный Теологической комиссией во главе с кардиналом А. Оттавиани	334
Литература	344

**Архиепископ
Марсель Лефевр**

**ОНИ ПРЕДАЛИ ЕГО
От либерализма к отступничеству**

Редактор издательства *О. В. Иванова*

Подписано к печати 23.03.07. Формат 60×88 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.3. Уч.-изд. л. 16.3.
Заказ 4017

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Эрнст Юнгер

РИВАРОЛЬ

Ярчайший представитель консервативного крыла французской эмиграции, человек, осмелившийся с пером в руке выступить против Революции, когда она только набирала силу, проницательный критик политической и социальной европейской действительности, денди и острослов, язвительно высмеивавший заносчивость и недальновидность «великих людей» своей эпохи, глубокий исследователь слова и стиля, всю жизнь трудившийся над созданием этимологического «Французского словаря», мыслитель, умевший в сжатой форме фрагмента выразить неординарную идею с четко выделенными смысловыми оттенками, — в пантеоне культуры Антуан де Ривароль принадлежит к числу немногих одиночек, чья слава определяется не широтой воздействия на человеческие умы, а глубиной проникновения в самую суть предмета.

Заслуга в придании фигуре Ривароля общеевропейской значимости принадлежит Эрнсту Юнгеру, резюмировавшему духовный аспект жизни этого автора в кратком, но содержательном эссе и выполнившему перевод его афоризмов на немецкий язык. Примечательно, что именно Юнгер, этот писатель-солдат, знавший толк и в словесности, и в военном искусстве, открывает отечественному читателю еще одну, доселе неизвестную страницу истории духа. После прочтения книжки о Ривароле конгениальность, связывающая эти два ума, становится настолько очевидна, что их будто бы случайная встреча в пространстве культуры уже вовсе не кажется удивительной.

Мартин Хайдеггер

ГЕРАКЛИТ

Издание, предлагаемое кругу специалистов и широкой читательской публике, содержит два курса лекций по древнегреческой философии, которые были прочитаны автором в летних семестрах 1943 и 1944 гг. По своей форме оно представляет собой перевод на русский язык 55-го тома Полного собрания сочинений Хайдеггера, выходящего в свет в издательстве Клостерманн.

Публикуемые лекции могут служить основанием для более глубокого прочтения всех остальных философских работ Хайдеггера. Центральным понятием в них, вокруг которых движется вся мысль, является понятие «логоса», а центральной фигурой — фигура Гераклита, в изречениях которого это понятие было впервые применено. В первом курсе лекций речь идет о происхождении, истории западноевропейской метафизики, рассматриваемой на опыте того уникального события, того «начала», в котором человеческое мышление впервые распознает свою сущность в изначальном «при-мысливании», домысливании сущего и сразу же безоглядно погружается в использование этой своей сущности, в освоении окружающего мира. В лекциях 1944 г. исследованию подвергаются два значения привычного ныне термина «логика»: логика как руководство для правильного мышления и как логика самих вещей, самого сущего. Внимание при этом сосредоточивается на лежащей в основе того и другого базовой и изначальной логике «мышления логоса», как оно впервые раскрывается в нелегких для понимания философских высказываниях Гераклита.

